Demo-сфера

Илья Новак

SHOUT
SHARE
IT

- Илья Новак
  - I
  - II
  - III

Илья Новак
Demo-сфера

I

Злая пуля — бескрылая механическая оса, оснащенная теплоискателем. Она с визгом впивается в дерево и расщепляет ствол почти надвое. Крошечная микросхема, хромаль, сжатый кислород и жало — сверхтвердый сердечник из обедненного урана (хотя толку от ‘обедненности’ никакого, но надо же куда-то девать отработаенное реакторное топливо, да и в рекламных клипах звучит круче). Не спасет и ‘Подкожный Kevlar (R)’, ведь при ударе жало самозатачивается. Кислород выгорает быстро, и пуля тонко, с надрывом, зудит. В просторечье их называют ‘зулями’. Движутся медленнее обычных, зато не по прямой, но зигзагами, преследуя жертву, на которую нацелились в мгновение вылета из ствола. Злая пуля — уже не дура, это почти что самонаводящаяся ракета, только маленькая. В крошечный корпус много не впихнешь, и оттого зули не настолько умны, как про них расписано в оружейных каталогах.

Дана это не спасло. Осколки дерева брызнули в лицо, он отпрянул, в последний момент успев разглядеть за кустами фигуры людей и зеленый вездеход Гринписа. Березовая роща росла на вершине крутобокого холма, Данислав покатился по склону. У подножия тоже были кусты, и среди них торчал пенек, о который он приложился правым виском. Прямо перед глазами оказалась широкая темная трещина, проросшая травой и поганками. Секунду Дан видел ее, лежа щекой на пеньке, затем из трещины поползла темнота и накрыла...

...звон, зелень в стеклянных прожилках, жаркая капля солнца падает на висок, расплескалась, и теперь там печет — мокро и горячо... Кто-то берет за плечи, пытается приподнять, это больно, зеленая листва и желтый полдневный свет наливаются красным, багровеют, будто плохая копия — грубая, крупнозернистая: больно, очень больно — обрыв.

...опять выплыл, снова зеленое вокруг, зеленое и синее, трава и небо, звон — что это там звенит? — щека горячая и влажная, наверное, от крови: шелест, звон — да что же это звенит? — так больно, что опять обрыв.

...это пчелы звенят, и шелестит трава, по которой его тащат, но не те парни из вездехода, они пока где-то на холме, а тут только трава и небо, в котором солнце... не видно солнца, вместо него лицо вверху.

...это не пчелы, а зули — механические осы, их укус смертелен. Они вьются вокруг, зудят: то громче — то тише, то звонче — то глуше. Ищут его. Но пока он лежит и не шевелится, не могут найти.

Когда он очнулся, цвета заполняли все вокруг. Запахи и звуки были приглушены, а вот цвета выглядели очень ярко, зримо. Зеленое, синее и золотое — трава, небо и солнце — исчезли. Вот белое — простыни и одеяло, а вон серенькое — антикварные бумажные обои, Дан и не знал, что такие еще есть; да розовое — это остатки боли. Боль тоже имела цвет, сочилась от правого виска тонкой струйкой, иногда заливала глаза и затягивала обстановку красной пеленой. Кровь, разбавленная холодной проточной водицей, кровяная пенка, радужная и невесомая. Странная комната, ни одного электроприбора. Но солнце светит в раскрытое окно, занавески колышутся — легкая, воздушная тишина, паутина света, палевые оттенки. За окном никакого техно, сплошная натура. Там изгородь, низкий навес, бурьян под ним. Высокие лопухи, крапива. Жужжание, но это не зули — нормальные пчелы. Девушка, надо же, в обычном платье. Мебель, надо же, деревянная, а не пластиковая... что там насчет девушки? Дан повернулся. Розовая боль тут же плеснулась из виска и залила глаза.

...да, то же лицо, что склонилось над ним в кустах у подножия холма. Руки осторожно прикладывали к его лбу влажную марлю с травяным запахом. От нее зеленая прохлада расходилась по голове и вытесняла розовую боль.

Данислав лежал под толстым одеялом. В комнате стало темнее — вечер. Только сейчас возникли приглушенные эмоции. Удивление: где это я? Страх: куда делись преследователи на вездеходе? Растерянность: кто она такая?

— Вам уже лучше?

Девушка отложила марлю и села на стул возле кровати.

— Ну, вам же лучше?

— Ты кто?

Получилось — ‘ххты кххдо?’. Пересохшие губы потрескались. Она всплеснула руками, поднесла к его рту чашку, и Дан стал пить маленькими глоточками.

— Ты меня сюда притащила?

— Да. Вы не очень тяжелый, а...

— Никого там не видела, в роще?

— А вы были не один? Нет, я не...

— Хорошо.

— У нас врач уехал в город, и никого...

Странный говорок, не городской. Незнакомый акцент.

— ...Уехал в город, и никого, все ушли на комбинат. Тут только я.

— Какой комбинат? Что это за место?

— Это скотный комбинат, но я осталась в поселке, потому что у вас...

— Долго я здесь?

— Наверное, сотрясение, я боялась...

— Долго?

— Два дня, я боялась, вы не очнетесь...

Два дня? Это значит — опасаться теперь нечего. Ясность мыслей возвращалась, пора разобраться в ситуации. Сельская местность, какой-то комбинат. Скотный... «коровья фабрика», что ли? Ага, инкубатор здесь у них, а рядом, наверное, поселок на двадцать домов, где живут рабочие и администрация. Сейчас все остальные на службе, кроме нее. Как, кстати, ее зовут?

— Тебя как звать?

— Ната.

Это что за имя такое? Наташа, что ли? Обладатель тоже не слишком типичного имени Данислав чуть повернулся, разглядывая ее. Да уж, по лицу видно — именно Наташа, и никак иначе. Красивое лицо, хотя...

ЧЕРЕЗ ГОД

...И вправду красивая, хотя черты не утонченные. Они и не вульгарные, но простые — простонародные то есть. Высокая для женщины — когда целуется, ей не приходится вытягиваться на цыпочках. Не толстая, но крупная, бедра широкие. Хотя талия тонкая, и получается такой интересный изгиб... На двенадцать лет младше. Мнительная. Любит поспорить по пустякам. И податливая, очень податливая.

Нежно прошуршал искусственный шелк, и в полутьме очертания тела исчезли под короткой ночной рубашкой. Ната легла, любимая поза — щекой на его плечо, одну ногу согнула и забросила на него, ладонь на груди. Дан лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, и думал о своем. Тут у них принципиальное отличие: он был вполне самодостаточен, мог оставаться наедине с самим собой долго, а она — нет.

— О чем ты думаешь?

Вот, опять... Думаю и думаю себе, какая разница? Ответ ‘Ни о чем’ вызывал непонимание: ‘Так не бывает’. Он привычно погладил ее по голове, открыл рот... и опять не решился, вместо

слов вышел почти неслышный вздох.

— Что? — тут же откликнулась Ната.

Вот этого у нее не отнять, чувствительности. Он хотел кое-что сказать, уже давно хотел, но не мог пока. А она ощущала это.

— Нет, ничего.

Ната теснее прижалась к Дану.

— Даник, знаешь, что бы я...

— Перестань.

— Чего ты, Даник? Я говорю...

— Перестань!

— А... — легкая обида в голосе. — Но мне так нравится называть...

— А для меня это как пенопластом по стеклу, понимаешь? Я ж просил...

— Что такое ‘пенопласт’? Хорошо, хорошо, Дан... Вот, теперь я забыла, что хотела сказать!

— Значит, неважно, раз так быстро забыла.

Оказалось, что для нее это все-таки важно. Помолчав, Ната прошептала:

— Я бы хотела умереть раньше тебя.

Дан поморщился в темноте. Молча. Ната ждала, чтобы он отреагировал как-то, но он молчал — что тут скажешь, на эти женские глупости?

— Да, раньше, и чтобы в твоих... чтобы ты при этом обнимал...

— Хотела сказать ‘в твоих объятиях’?

— Да... в объятиях. — Он почувствовал, что она улыбается. ‘Объятия’ — этакое книжное слово, которое Ната вряд ли произносила хотя бы раз до знакомства с Данислaвом.

— Да, чтоб не просто обнимал, а чтоб в объятиях. И когда я умирала, чтоб ты был со мной, чтоб тебя я видела последним. Тогда бы я... тогда бы было хорошо, ты понимаешь?

— Хотела сказать «тогда бы я была счастлива»...

Обычно он понимал ее лучше и быстрее, чем она себя, но в этот раз пришлось призадуматься. Скорее всего, ‘объятия’ для нее означали единение — единую плоть. Ну да, это он тоже ощущал... то есть ощущал, что этого нет. Даже лежа в постели, в темноте, тесно обнявшись, дыша в унисон, они не были единой плотью. Он, во всяком случае, и в самые трепетные, интимные моменты был отдельно, сам по себе. А она чувствовала это.

— Чтоб, если я буду умирать, ты был так близко... как...

— Ближе к тебе, чем воздух в твоей груди?

— Что?

— Говорю, чтоб я был ближе к тебе, чем кровь в твоем

сердце? — Он подождал с надеждой. — Нет? Вот смотри, это метафора. Очень близко к тебе, так близко, что...

Нет, это не для нее. Зачем я столько тяну?..

Пол чуть качнулся вместе с кроватью.

— Надо вставать, — сказал Данислав.

Дан оделся и стоически высидел двадцать минут, пока она красилась. Острое удовольствие от наблюдения за прихорашивающейся перед зеркалом женщиной, которая только что спала с тобой, уже исчезло, но ему все еще было приятно смотреть на нее.

Зал наполняли представители богатых западных контор с женами, дочерями и любовницами. Или любовниками. Дан, по такому случаю надевший белую рубашку и костюм, занял столик в углу. Рядом пили вино несколько мужчин, которые тут же уставились на Нату.

Голубой небесный свет падал сквозь круглые окна на мозаичный пол, сливаясь с желтым светом электрических свечей, и это было символом всей теперешней моды: мешанина естественного и искусственного, натуры и техно. Подошел официант. Данислав заказал сухого вина себе, Нате шампанского. Чокнулись. На них смотрели. Глядите-глядите, сморчки старые... Еще бы — колоритная пара. Я вроде интеллигентный мальчик из приличной семьи, ну а Ната... Большинство дам здесь анемичны, воздушны, а ее правильные и крупные черты лица, смугловатая кожа, большие глаза, пышные волосы...

Ната все еще чувствовала себя неуверенно в таких светских компаниях.

— Смотри, — сказала она, толкая Данислава ногой под столом. — Вот этот... Он чего пялится?

Дан покосился туда. Гаддет Дадлиб, представитель ТАГ, ‘Турбо-Аэро-Гидро’ — более идиотского названия для корпорации трудно придумать, — ласково и отечески посматривал на него через весь зал. Увидев ответный взгляд Данислава, он поднял бокал и кивнул.

— Чего он? — прошептала Ната.

Дан пожал плечами.

— Скучает...

На стойке бара тихо позвякивали бутылки. За широкими окнами плыли белые облака и сияло солнце. Дан сидел, откинувшись на стуле, разглядывая пенометалл ‘под дерево’, полимер ‘под мрамор’, оргстекло ‘под хрусталь’.

— А кто он?

— Дадлиб из ТАГ. Кажется, к себе зовет. Хочешь, пересядем за их столик?

— Не хочу! — испугалась Ната. — Зачем с ним сидеть? А еще расскажи мне, кто они. Вот этот... — Она начала было поднимать руку, чтобы показать, но тут же опустила. Дан научил когда-то, что показывать пальцем нехорошо. — Который длинный, в очках.

Данислав рассказал. 'Длинный в очках' — Никита Аквидзе, пресс-секретарь из 'Силикон Индастрис'. Милейший человек — каждой из своих любовниц, прежде чем отправить ее в отставку, дарит симпатичный домик на Апеннинах. Там, говорят, теперь целый поселок из этих домиков, а на детских площадках носятся веселые табунчики маленьких чернявых Аквидзе. Вон тот здоровый, лысый, с трубкой, — Джоб 'Шар' МакАстер, знаменитый драчун в боях без правил по прозвищу Бильярдный Шар. Он недавно подписал контракт с 'Фурнитурой'. Ну, это, знаешь, которые делают 'умную одежду'. Он теперь красуется во всех их рекламных роликах с 'подтяжками-интуитами', 'ловкими галстуками' и другой дребеденью. Та дама в колье за миллион кликов — жена самого Изи Швейберенга, хозяина 'Майкрософта'.

Ната смотрела во все глаза.

— И ты со всеми знаком?

— Ну-у... — протянул Дан. — С некоторыми, не со всеми. Меня ж часто на подобные мероприятия приглашают, хотя я не бизнесмен и не политик... — Он запнулся. Опасная тема. Сразу же начинаются вполне резонные для нее вопросы... А кто ты? Чем занимаешься? Целый год, Даник... то есть Дан, ведь мы вместе уже целый год, ты обо мне все знаешь, я все тебе рассказала, а ты...

Она до сих пор не знала даже, как он попал в те заросли у холма с сотрясением мозга. Правда, он познакомил ее с Раппопортом, сказал, что когда-то учился у его младшего брата, а теперь Михаил Раппопорт — его шеф. Близко к истине, хотя правильнее было бы сказать, что Раппопорт-старший просто дает Дану заработать.

— Ты ведь там жил раньше?

— А? — задумавшись о своем, Дан не сразу сообразил, о чем она. — Да-да, там. Учился. Покажу тебе знакомые места.

Пол опять качнулся, в зале отдыха гулко зазвучал усиленный динамиками голос программиста, управляющего через геовэб перемещением острова (такого человека по старинке называли Капитаном):

— Наш остров приближается к автономии Университетов... Просьба всем вернуться в свои каюты, через пятнадцать минут...

Люди начали вставать. Дан с Натой тоже поднялись. Она

заметила, что Дан снова ушел в себя, и, стараясь вернуть его внимание, спросила:

— Так мы их всех еще увидим?

Данислав ответил:

— Конечно. Там у «Электрикум Арт» большая вечеринка, все соберутся.

За десять дней до этого в Лама-секторе орбитального анклава «Тибет», в беседке на вершине пластикового пригорка — одного из десятка одинаковых конических пригорков, — невысокий узкоглазый мужчина произнес почти то же самое и почти с тем же выражением. В беседке сидели двое: Аша, глава корпорации «Невмешательство», совсем недавно переименованной во «Вмешательство», и его гость Жиль Фнад. Задумчивость Аши, которого еще называли ламой, хотя в общепринятом смысле ламой он не являлся, как раз и была связана с гостем. Он искоса рассматривал Фнада, размышляя, почему тот вызывает неясную тревогу.

— На своей вечеринке «Электрикум Арт» соберет множество гостей.

Глава «Вмешательства» произнес это, скрестил ноги и откинулся в кресле, позволяя ассоциативным ручейкам сплетаться в привычном потоке сознания. Соломенные подстилки, два кресла и столик между ними. Фарфоровая чашечка-наперсток, блюдце с миндалем, высокий бокал с янтарной жидкостью и вишенкой. Уют огороженной силовой изгородью беседки плывет над ядовитыми миазмами застывшего растительного хаоса. Завезенная с планеты почва уложена так, чтобы имитировать естественный природный ландшафт: топкие прогалины, болотца и озера с застоявшейся водой. Тина. Лианы и грязь. Ветер, который включается каждые два часа. Тяжелый гул вентиляторов… Клубы испарений медленно, гротескно перекатываясь, ползут в одном направлении, словно движется весь Лама-сектор, имитационный заповедник. Рассеянный теплый свет утопленных в далекий потолок круглых прожекторов, крики птиц, треск и шелест… закроешь глаза — и будто ты в джунглях экваториальной земной зоны. Откроешь — нет, вокруг пластиковые горы-малютки возвышаются над зелено-бурыми водами. Вентиляторы не спасают: воздух горячий и жирный, густой. Солнца нет, но желтые пятна прожекторов в вышине кажутся сквозь марево множеством расплывчатых маленьких солнц. Они тихо гудят.

— Не люблю восточных людей, — сказал гость Аши. — Вы слишком углублены в себя. Эта вещь большая?

Главный лама «Вмешательства» взглянул на Фнада. Странный человек. Или страшный? Шкала Иби Шаболо, бывшего старшего аналитика корпорации, надежная и проверенная ШВЛ — Шкала Выживаемости Личности, — никогда не ошибалась. Она учитывала множество параметров, от наследственности до отношения к домашним животным. Коэффициент Выживаемости среднестатистического гражданина из благополучных автономий Западного Сотрудничества чуть больше десяти процентов. Обычный полицейский — двадцать семь процентов. У солдата ОКК, объединенного корпоративного контингента, тридцать шесть, столько же и у «среднего» преступника. Охранники «Вмешательства» гордятся своим КВ в пятьдесят процентов, а у самого Аша целых семьдесят пять. Вообще свыше семидесяти — лишь у одного процента всех жителей планеты, а девяносто — у ноль целых ноль сотых процента. Специализированный боевой аякс из «Аякс-Треста» имеет девяносто девять целых и девяносто девять сотых, то есть почти неуязвим. Почти — потому что шкала, как гипербола, может бесконечно сближаться с осью Х, но так никогда и не достигнет ее.

Да, умен был Иби Шаболо, хоть и склонен к депрессивному психозу, и не зря он гордился Шкалой, своим любимым детищем. Но ждал его печальный конец. Перед тем как нанять Фнада для выполнения первого задания, ‘Вмешательство’ решило прогнать его психокарту через ШВЛ… Сто два процента. Хотя теоретически Шкала не могла выдавать результат свыше ста, даже сто не могла. Иби, мучаясь все сильнее, бесконечно проверял и перепроверял данные, теребил развед-отдел «Вмешательства», который в результате накопал о Фнаде столько, сколько не накопали полиции пятнадцати автономий, где Жиль был заочно приговорен к смертной казни. И результат изменился, шкала показал сто три процента. Но такого просто не могло быть, это противоречило всей концепции ШВЛ! — и в один прекрасный день Иби Шаболо нашли с дыркой во лбу и пистолетом в холодной руке.

Сто три, мать его, процента, думал Аша. Да целый спец-взвод аяксов не наберет столько. Такая выдающаяся живучесть должна как-то проявляться — между тем…

Между тем сидящий перед ним человек производил впечатление лишь своей неопределенностью, и больше ничем. Средний рост, среднее телосложение, среднее лицо. И еще он никогда не мигал, во всяком случае, лама ни разу такого не видел. Аше казалось, что фигуру Фнада окутывает нечто, мешающее сосредоточить на ней взгляд, подметить все обычные мелочи, из которых складывается впечатление о человеке. Это относилось ко всему: манере говорить, мимике, жестам. Будто

пузырь марева постоянно перемещался в пространстве вместе с телом Фнада. Неявный человек, неотчетливый. С таким можно проговорить целый вечер, а на утро не вспомнишь ни лица, ни жестов. Ни имени. Что это за ускользающее, лишенное коннотаций слово: «Фнад»? И как такое может быть, почему же он никогда не мигает?

Гул вентиляторов накатывал липкими волнами, удушливая жара поднимались из низин и болот Лама-сектора. Сегодня техники явно перемудрили с климат-контролем.

— Эта вещь поместится в кармане, — произнес лама, отвечая на вопрос Жиля Фнада. — Ее вряд ли смогут определить даже сканеры последних моделей, а если и смогут, то не идентифицируют как опасную или ценную. Мы догадываемся, у кого эта вещь, но все же не уверены до конца...

— Желательно, чтобы тот, у кого она находится, не смог после никому ничего рассказать?

— Да. Это одно. Есть еще две причины для вашей поездки. Уже довольно давно на нашей орбитальной платформе стоит устройство, которое мы все никак не решались перевезти куда-нибудь. Назовем его... Машиной. Была идея доставить Машину сюда, в Тибет, но за нами слишком плотно наблюдает Континентпол. Сейчас появилась возможность спустить Машину на планету, на небольшой космодром неподалеку от Университетов. Ваше дело — проконтролировать переправку Машины от космодрома до автономии и погрузку в трюм нашего сухогруза, дальше мы справимся. Ну и, наконец, третье — вечеринка «Электрикум Арт».

— Они ведь полностью вытеснили вас из Восточного Сотрудничества?

Аша с полузакрытыми глазами плыл в волнах гула, чувствуя слепое пятно, зону невыраженной пустоты там, где находился Жиль Фнад.

— Почти. Почти вытеснили.

— Ладно. Та вещь опасна?

Нет, это говорит не человек, обычный рот не может так малоэмоционально произносить слова. Речь доносится из слепого пятна, звуки генерирует пустое пространство...

— Сейчас ЭА оплатила строительство шикарного общежития для Красного Корпуса. Его открытие собрались превратить в рекламную акцию и пригласили шишек из нескольких крупных компаний. Там готовится что-то феерическое. Зачем вам такие подробности?

Аша спросил — и не услышал своих слов. Вернее, услышал их как вибрации черепной кости, но не через воздух. Гул

вентиляторов давил со всех сторон, ламе казалось, что он попал внутрь огромного стога сена, прелого и горячего.

Жиль Фнад не пожал плечами — слишком очевидный жест для такой персоны, — только сказал очередную необязательную банальность:

— Чтобы оптимально действовать, мне надо лучше разбираться в ситуации.

— Хорошо, вот вам ситуация. Университеты организовали внутреннюю Сеть еще несколько лет назад. К геовэбу это не имеет отношения. Ученые, преподаватели и студенты запускали туда данные последних экспериментов, рефераты, конспекты лекций, свои разработки. Информации со временем накопилось слишком много, требовалась новая справочная система, которая позволила бы работать с таким объемом. Вячеслав Раппопорт, декан факультета Теории Информации, вызвался сделать ее. Он использовал принцип фильтра. С самого начала предполагалось, что такое понадобится, потому университетская Сеть имела вид... стянутого посередине пучка соломы... — лама замолчал. Солома, да. Хорошее слово, сухое. Воздух был как солома, царапал губы и неприятно колол ноздри.

— С двух сторон — выходы на компьютеры разных Университетов, посередине большой сервер, как бы общий канал. Это все условно, для наглядности. Повторяю, на самом деле схема их Сети... они назвали ее Сеть Моногатари, СМ... Конечно, она куда сложнее. Так вот, Раппопорт поставил на центральном канале фильтр. Компьютер под названием Гэндзи, сквозь который прокачивались все проходящие через Сеть биты. В автономии это был первый биокомпьютер. Его винчестер — колония галобактерий в синтетической среде. По составу он напоминает... — Аша улыбнулся бы, если бы не чувствовал, что соломенный воздух уже проник в легкие и скрежещет внутри, рвет альвеолы, скребет, царапает и пьет его кровь... — напоминает первобытный бульон. Справочный компьютер Раппопорта отслеживал всю информацию, гуляющую по Моногатари, чтобы любой обратившийся к нему за помощью пользователь непременно получил ответ на свой вопрос. Естественно, там было много мусора, личных писем, рекламы. Раппопорту приходилось постоянно совершенствовать систему. Он задавал все более сложные эвристические алгоритмы отсеивания повторяющейся информации и спама. В конце концов Гэндзи перестал только подсказывать. Он стал советовать. Раппопорт понял, что из сложной многоступенчатой системы поиска и справки он получил искусственный интеллект.

Аша надеялся добиться хоть какой-то реакции, все-таки он

рассказал то, что знало не так уж много людей в Сотрудничестве. Жиль Фнад шевельнулся в кресле, и лама подумал, что сейчас сквозь пузырь неявности, который окутывал гостя, просочится хоть толика удивления, чего-то такого, что проявит Фнада как обычного человека.

— Но он разрушен? Или умер? Как лучше сказать про ИскИна?

Лама выдохнул, пытаясь вытолкнуть из легких солому, но жаркий воздух и тяжелый гул давили со всех сторон, мешали избавиться от колющего ощущения в груди.

— Как угодно. Раппопорт долго скрывал разумность Гэндзи, но такое не скроешь. Когда стало известно, что в действительности собой представляет центр справки Сети Моногатари, поднялся шум. Особенно зловещим казалось то, что Гэндзи не кремниевая, а бактериальная структура. В местных университетских медиа вышло несколько статей про злобных разумных бактерий. Ректоры, хозяева автономии, испугались.

— А каким образом про ИскИна узнали? — спросил Фнад.

— Гэндзи сам себя выдал. В этом виновата утечка информации из Красного Корпуса. Выяснилось, что там была секретная лаборатория, где группа спецов уже несколько лет выполняла заказ... — Аша посмотрел на гостя. Отвел взгляд и посмотрел опять. Хотел сказать «Мой заказ», но сказал другое: — То ли частного лица, то ли какой-то организации. Проект носил название «Средад» — это все, что о нем известно. Их компьютеры были подключены к Сети Моногатари, хотя своих данных группа на всеобщее обозрение, естественно, не выставляла. Но любопытство — одна из особенностей разумной системы. Однажды Гэндзи наткнулся на слепое защищенное пятно посреди Сети, удивился, проник в него и украл информацию. Кажется, она очень впечатлила его. У них ведь там есть и религиозные факультеты, теория веры и так далее, Гэндзи в свое время пропускал через себя в том числе и рефераты по теологии... В общем, СМ наполнилась его всполошенными сообщениями, которые он стал выставлять на общественных сайтах — в основном про абсолютное зло, дьявола, поселившегося на орбите Земли, и про то, что с планеты ему приносят тайные жертвоприношения. Чушь, но именно это и выдало его. Ректоры начали расследование. Раппопорт исчез, а Гэндзи разрушился. Или был разрушен. Или умер от неизвестной болезни.

Лама замолчал. Его тошнило. Желание исторгнуть наполнившую легкие кипящую соломенную взвесь возобладало над всем — и тут вентиляторы смолкли. Гул, который уже стал частью материи, проник в дерево беседки и плетеные кресла,

наполнил плоть Аша горячечной вибрацией, стих. Прекратилось всякое движение, движущиеся клубы испарений опали, впитываясь в почву. Во всем имитационном заповеднике наступила тишина, лишь сверху, сквозь желтую дымку, доносилось потустороннее, на грани слышимости, гудение прожекторов.

— Куда делись участники той секретной группы?

Аша выпрямился в кресле и произнес, в первый раз за все время разговора посмотрев прямо в лишенное выраженных черт лицо Жиля Фнада.

— Их было трое. Один убит, второй покончил с жизнью, третий исчез. Гэндзи тоже исчез, возможно — саморазрушился от пережитого шока. Его винчестер, где записана вся информация о том, что он обнаружил, пропал. Мы думаем, он находится у исчезнувшего члена исследовательской группы, который спрятался где-то на задворках Университетов. Или у Раппопорта. Сейчас другой Раппопорт послал в Университеты своего агента. Мы знаем, кто он, знаем, когда прибудет в автономию. Возможно, через него вы сможете отыскать винчестер Гэндзи. Это первое. Второе — очерните репутацию 'Электрикум Арт'. Тут можете действовать как угодно. Наконец, проконтролируйте погрузку Машины. В общем, Фнад — отправляйтесь в Университеты. Вам там понравится.

...И десять дней спустя похожие слова отразились гулким эхом от сводов аэропорта:

— Тебе там понравится.

Глаза Наты сияли, а на Дана все это наводила тоску: любое место, полное людей, шума и яркого света, было ему неприятно.

К их острову подогнали эскалатор, по которому пассажиры въехали в терминал. Ребристая гибкая труба на «Х»-образных штангах извивалась меж крыш технических построек в двадцати метрах над землей. Более всего она напоминала прямую кишку. Здесь не было ступеней, как в обычном эскалаторе. Использовался механизм перистальтики: люди стояли на месте, а вся внутренняя поверхность терминала мягко текла вперед. Под ногами хлюпало — одним из побочных следствий подобной транспортировки была выделяемая пористыми стенками влага.

Аэропорт занимал площадь в пять квадратных миль, вздымался к небу вышками маяков и погружался в землю трубами коллекторов и коммуникаций. С недавних пор здесь заправляли не люди, а структура компьютеров по имени Топлекс, и перед мысленным взором Дана аэропорт представал этаким расползшимся в пространстве бетонно-металло-пластиковым кибернетическим крабом, самостоятельно мыслящим супер-

организмом, и аналогия с прямой кишкой логично приводила к вопросу: какую же роль играют люди? Наверное, для Топлекса они являлись загрязняющими отходами, которые нужно быстрее вывести из организма под названием Центральный Аэропорт Университетской Автономии.

На выходе из терминала искусственная перистальтика пронесла пассажиров сквозь сенсорную подкову. Данислав с опасением ожидал тревоги, но ничего такого не произошло: главы крупнейших финансовых конгломератов Сотрудничества предпочитали не пользоваться имплантами. Сверхчувствительные сенсорные подковы ввели после того, как по планете прокатилась волна терактов нового типа. Проникший на борт террорист объявлял, что в его теле находится взрывчатка, детонатор которой замкнут на сердечную мышцу и разнесет все к чертовой матери в случае смерти носителя, а в десне спрятана ампула с быстродействующим ядом, которую он может прокусить. Теперь такие теракты тоже устарели, угонами занимались все больше хакеры, пытающиеся перехватить управление у программистов-'капитанов'. Все равно сенсоры подков просвечивали не только багаж и одежду, но и тела — на предмет имплантного оружия. Данислав опасался, что подкова выявит его телесный хард, но девайсы были покрыты новейшей органической защитой, которая и спасла их от рассекречивания.

Дан насчитал полсотни охранников, а еще над головами кружилось несколько механических пчел-убийц, но, сколько он не крутил головой, не заметил ни одного аякса. Конечно, спец-бойцы стоили баснословно дорого, тем более что Трест не соглашался продавать их, а лишь сдавал в аренду на определенный срок. Все же как минимум десяток из тех, кто прибыл на острове вместе с Даном и Натой, могли позволить себе круглосуточную защиту аякса.

Охрана обступила гостей плотным кольцом, оттеснив обычных и механических репортеров, но не маленького подвижного человечка с неестественно-радостным личиком — представителя «Электрикум Арт». Он принялся всем пожимать руки, что-то тараторя. Отражающийся от купола гул голосов не позволил Дану разобрать слов, да еще Ната, вцепившись в его локоть, растерянно крутила головой и чуть ли не пищала, словно цыпленок, который впервые выбрался из огороженного старыми ящиками закутка в ослепительно-громадный таинственный мир птичьего двора.

Дан постоял в раздумье, махнул рукой и отправился за багажом.

— Ну их, — сказал он Нате. — Они поедут наземным

транспортом, потому что так безопаснее. А мы заберем шмотки — и на струнник. И быстрее и интереснее, да? Увидишь город сверху. Оно забавно, потому что здесь не как в Западном Сотрудничестве — планировка старинная, и даже летающих машин нету, простые токамобили. Идем.

Они направились к багажному отделению аэропорта, миновав по пути мужчину с ускользающей внешностью. Людей вокруг было много, кто-то случайно толкнул мужчину, он шагнул вперед, задел плечо Дана и что-то пробурчал.

Жиль Фнад, пропустив молодую пару, огляделся в поисках уборной.

Тощая пожилая грымза прошла мимо, обдав его смешанным запахами дорого дезика, искусственной кожи туфель и тончайшим остаточным ароматом красящего пигмента для волос. На пояске болтался инфракрасный порт, стилизованный под пряжку, и, будто довершая карикатурную картину показательной зажиточности, за ней катил чемодан от ‘Фурнитуры’ из сверхдорогой натуральной кожи африканского крокодила — корпорация содержала цепь заповедников вдоль русла Нила. Чемодан, естественно, следовал за пряжкой, и потому даме пришлось прицепить ее к поясу над своей худой задницей. Фнад был слеп уже несколько лет, но не все фоторецепторы выродились, и микрочипы в глазных яблоках стимулировали чувствительность оставшихся. Он видел все так четко и ясно, будто смотрел не глазами, а цифровыми камерами с улучшенной фокусировкой. Гипертрофированно — различал каждую пору на носу грымзы, каждую капельку пота на лбу, мог пересчитать все волосы в бровях и морщинки на ее коже. Женщина раздражала его в общем и нервировала частностями: каждой деталью внешности и самим фактом своего присутствия в окружающем пространстве.

Но более прочего его вывела из себя пряжка на заду. Подавляя желание прибить старую суку, Фнад отвернулся. Стало еще хуже. Нельзя ведь ходить повсюду с закрытыми глазами, — а его приводила в тщательно скрываемую ярость любая попадающая на глаза высшая органика. Но в уборную хотелось, так что Фнад, обнаружив наконец вожделенную цель, заспешил к ней.

Внутри пахло дезинфицирующими туалетными водами. Изгибающиеся стены и потолок скрывали в своих складках множество невидимых источников света, от которых по всему полу разбегались радужные блики. Тихо жужжали кондиционеры с йодо-солевым раствором в бачках — пахло морем. Каждый шаг отдавался коротким эхом. Повинуясь прикосновению пальца,

магнитная молния ширинки разошлась. Скривившись и выпятив подбородок, Жиль зажурчал в прилепившуюся к стене янтарную раковину писсуара. Из писсуара полился ‘Танец сабель’.

Что-то оскорбительное было в том, что ему приходится уныло мочиться под ритмичную музыку. Фнад в такт ей заскрипел зубами, но не слишком громко — неодушевленное все же не вызывало у него такой идиосинкразии, как одушевленное. Хотя даже если бы очередной извив карьеры занес Жиля Фнада в самую безлюдную точку планеты, это мало что изменило бы. На его памяти вокруг никогда ничего не было хорошо. Достигшая немыслимых, абстрактных величин мизантропия вкупе с феноменальной сенсорикой превращали окружающий мир в шизофренический цирк уродов, постоянный вялотекущий кошмар, — всегда и везде Жиля Фнада бесило всё.

Двери раскрылись, и коренастый мальчишка лет тринадцати метнулся к соседнему писсуару. Чудным образом накладываясь на ритм ‘Сабель’, оттуда донеслась нежная мелодия ‘Аве Марии’. Этого было бы вполне достаточно для Жиля, чтобы сунуть мальчишку головой в писсуар и долго не отпускать. Но он уже закончил и, шагнув к раковине, стараясь не глядеть на свое отражение в зеркале, стал мыть руки. Сзади доносилось упругое журчание и музыка. Вытерев ладони ароматизированной салфеткой — запах лаванды вызвал новое вулканическое извержение ярости в его мозгу, — Жиль повернулся. Мальчишка стоял боком к писсуару, лицом к Фнаду. Одну руку он завел за спину, а другой зачем-то дергал ‘молнию’ ширинки — обычной, не магнитной. На мальце был изумрудный комбинезон дерекламистов, высокие ботинки на железных застежках и черные очки с круглыми и большими, как блюдца, зеркальными линзами. На голове — кепочка с яркой наклейкой в виде улыбающегося медвежонка.

— Ай! — завопил он хрипло. — Ай, дядя, дядя, прищемил!

— Что такое? — пробормотал Жиль, думая о своём.

— Прищемил, дядя, писю прищемил!!! — Мальчишка посеменил к нему, дергая молнию и скривив от боли рот, из угла которого вниз потянулась нитка слюны. — Отцепите, ай, дядька-а-а...

Происходило что-то совсем нелепое. Фнад шагнул к маленькому недоумку. Когда он оказался совсем близко, малец рывком вытащил вторую руку из-за спины и пустил прямо в лицо Жилю струю чего-то остропахнущего. ‘Аве Мария’ в ушах Фнада взорвалась осколками звуков, переливчатые синие цвета мраморного грота потемнели.

Потом реальность стала немного четче, и Жиль Фнад

обнаружил, что стоит на коленях и трет лицо. Из носа лились сопли, из глаз слезы, сквозь них Жиль видел мальчишку, рот которого от удивления стал круглым. Содержимое баллончика, которым был атакован Фнад, судя по всему, уже закончилось. Отбросив его, малец стал бить правой ладонью по браслету на левой руке. Жиль чувствовал себя плохо, но не настолько, чтобы это могло помешать ему сейчас же задушить маленького урода. Он привстал. Мальчишка вытянул руку, которой раньше колотил по браслету, и показал костяшками согнутых пальцев в переносицу Жиля. Между пальцами был зажат тонкий цилиндрик, из которого выстрелили и вонзились в ноздри Фнада извивающиеся усики шокера.

Камнедробилка, заработавшая после этого в голове Жиля Фнада, опрокинула его на пол и заставила скорчиться у ног мальчишки. Несмотря на все последствия, которые обычно сопровождают удар шокером, Жиль выгнулся, пытаясь дотянуться до ноги щенка. Вновь хлопнув по браслету, тот отступил, сверху вниз глядя на дергающееся тело.

Дверь позади раскрылась, и двое дюжих колесничих в халатах медицинской службы аэропорта, наброшенных поверх изумрудных комбинезонов, вкатили внутрь живокресло. На скуле каждого имелась легкая припухлость, какая возникает от недавно имплантированного подкожного микрофона; в левой ушной раковине покоился конус динамика, соединенного с микрофоном серебристым волоском провода.

Мальчишка послал в плечо Фнада второй заряд из шокера, и только после этого Жиль затих окончательно.

— Всё, всё! — произнес один из колесничих, у которого над воротником виднелся край узора динамической татуировки. Морщась, он похлопал себя по уху. — Нормально, Шунды?

— Нормально?! — хрипло выдохнул Шунды Одома и коснулся браслета, отключая сигнал. — Вашу мать!! Да он меня чуть не прикончил! Почему так долго?

— Куча шишек в зале, с ними охрана. Ждали, пока уйдут. — Татуированный склонился над Фнадом, вглядываясь в лицо. — Ну теперь-то хлопец вырубился...

— Аххх! — Шунды, приподнявшись на цыпочках и не снимая очков, сунул лицо под струю воды из крана. Развернувшись, он оглядел помощников, которые подхватили Фнада под мышки и усаживали в кресло. Одома шагнул к ним, остановился, покачиваясь с носков на пятки и обратно. Изумрудные блики от скрытых светильников медленно ползли по его круглой бледной физиономии. Самым примечательным был рот: уголки опущены так, что он напоминал туго натянутый лук, и это придавало лицу

выражение непроходящей брезгливости.

— Прыскалка! — сказал Шунды. — Если б я такой прыскалкой в летающий остров пульнул, он бы весь растворился! А этот еще дергался! Представляете?!

— У тебя хорошая прыскалка, Шунды, — попытался успокоить его татуированный, прилаживая к покоящимся на подлокотниках запястьям Фнада полупрозрачные слизистые трубки. На концах их были катетеры, напоминающие длинные острые клыки. Живокресло еле слышно вздохнуло, принимая в свои объятья пациента. Оно существовало для того чтобы заботиться о каждом, кто сел в него, как любящая мать о младенце. Натянутую сухую кожу на широкой спинке усеивали большие бледные бородавки — органические верньеры и кнопки. Второй ‘медбрат’ повернул что-то, и внутри биомеханизма заурчало. Живокресло опекало пациента по своему усмотрению, но его работу можно было корректировать. Протянувшиеся к запястьям Фнада трубки наполнились мутно-розовой жидкостью.

— И еще шокер! Он меня пытался схватить после первого раза! Тишка, вот скажи, если я в тебя ебану шокером, ты сразу, с первого раза вырубишься?

— Так то я... — ухмыльнулся колесничий. — Ну ты сравнил, меня и...

— Ты с кем разговариваешь? — процедил Шунды и медленно пошел к нему. — Кто, по-твоему, перед тобой?

Ухмылка сразу покинула Тишкино лицо — оно приобрело выражение, которое ясно давало понять, что тот, кому это лицо принадлежит, искренне, по-настоящему глубоко сожалеет о том, что только что произнесенные слова слетели с его глупого языка.

— Извиняюсь, — пробормотал он, медленно откатываясь. — Я... вы не...

Шунды шел на него, и стоящий чуть в стороне татуированный решил уже, что невоздержанному на язык Тишке настал кирдык, но тут Жиль Фнад пошевелился и дернул головой. Веки его затрепетали.

— Больше! — заорал Шунды, отпрыгивая к стене и вытягивая перед собой руку с зажатым между пальцами шокером. — Больше дайте! Вы его усыпите или нет?!

Татуированный крутанул верньер. Гул внутри живокресла стал громче, жидкость в трубках налилась густым красным цветом. Трое замерли, глядя на Жиля Фнада. Тот больше не шевелился. Шунды Одома рывком стащил с головы кепочку, обнажив выбритое пятно на макушке. В центре его поблескивал кружок эго-форминга. Одома поднял руку и осторожно подкрутил настройку.

— Этот зверь Асю и Ника в ад отправил, — плаксиво произнес он, позевывая от пережитого испуга. Форминг уже начал действовать: губы Шунды поджались, голос стал жалобным. — И весь Хрусталь сжег, а там пятьсот человек… За ним даже аякса послали, но он все равно ушел. Послушайте, я хочу, чтоб пока мы будем ехать, подготовили бункер. Вам понятно? Магадан, распорядись, пожалуйста.

Татуированный давно привык к искусственным сменам настроения Одомы. Он кивнул и поднял руку, прикасаясь пальцем к динамику в ухе.

Минуту спустя в зале аэропорта скучающие люди, уже успевшие забыть про развлечение в виде прибытия нескольких Очень Важных Персон, получили новый повод для пересудов. Два медбрата-колесничих быстро прокатились к центральным дверям, толкая перед собой живокресло с неподвижным телом больного. Рядом семенил мальчик с кривым ртом и в больших зеркальных очках, то и дело всхлипывающий и слегка ненатурально, но с напором причитающий:

— Папа! Что с тобой, папочка?!

Это вызвало прилив сочувствующих охов и бестолковых предположений о том, какая беда приключилась с господином в кресле. Медбратья, живокресло и любящий сын пронеслись сквозь услужливо распахнувшиеся плексигласовые двери и скрылись в горячих испарениях, которые заменяли воздух над стоянкой аэропорта. Вскоре с этой стоянки вырулил ощетинившийся антеннами черный микроавтобус, украшенный молочно-белой прямоугольной плоскостью солнечной батареи на крыше.

Развернувшись, он взял направление в сторону реки, за которой открывался пологий левый берег, уже давно занятый Университетами под общежития. В сотне метров над микроавтобусом тем же курсом, но гораздо быстрее, двигался похожий на фаллос вагон струнника, из которого Данислав показывал Нате крыши городских достопримечательностей.

— Разве здесь ни одного завода? Или инкубатора? — удивлялась Ната, привыкшая к фабричным и сельскохозяйственным округам запада. — Как же так?

— Понимаешь, мы же в Восточном Сознании, а не в Западном, — объяснял Дан. — Здесь промзоны не распределены кругами вместе со спальными и административными полосами. Тут не кольца, а скорее такие… пятна. Специализированные автономии-подсознания — в одних стоят заводы, в других офисные корпуса крупных корпораций, а здесь — Университеты. У них вынужденное взаимосотрудничество налажено, эти теми управляют, а те этим продукцию производят… Есть автономия

Мозгов — там все лежат в жизнеобеспечивающих люльках, соединенные в локалке через нейро-кремниевые преобразователи с хорошим битрейтом, и просчитывают всякие задачи на заказ... А университетское подсознание держится на образовании, сюда съезжается молодежь из обоих полушарий. Стоит дорого, но зато обуча.т хорошо. Ну и плюс это центр научного истеблишмента.

Ната серьезно кивала и смотрела вниз, бесстрашно опершись локтями на ограждение, тянувшееся вдоль узкого балкончика по периметру струнника. Сзади из окошек выглядывали пассажиры. От встречного ветра балкончик был защищен аэрационным пологом.

А Дан высоты боялся. Вначале, когда Ната вытянула его из салона наружу, он побледнел и почувствовал тошноту. Сейчас слегка приободрился, хотя перегибаться через ограждение все равно не решался.

Вагон уже миновал реку, внизу потянулся пологий левый берег — правильные геометрические фигуры стального цвета среди пушистых зеленых пятен. Дан пригляделся к Нате, шагнул вперед и обнял ее за талию.

— Как красиво здесь, — сказала Ната.

— Ага.

Она перегнулась через перила, и хотя Дан знал, что под ними статис-поле, ему вновь стало не по себе. Он положил одну руку на плечо Наты, а второй стал показывать.

— Вон те корпуса — это Университеты, а вон, видишь, из красного гранита, — это Красный Корпус.

— А вот это? — Ната указала на высоченные пенометаллические штанги, между верхушками которых строители протягивали горизонтальные плоскости керамической арматуры.

— Там строят Верхний Слой. Пытаются так бороться с перенаселением.

— Разве у нас перенаселение? — удивилась Ната.

Данислав почесал затылок.

— Ну, нет, демографический переход давно произошел. Но живут кучно, понимаешь? Все стремятся в определенные места, которых не так уж и много. В Западном Сознании, ты ж знаешь, уже несколько двухслойных мегаполисов.

Они замолчали: Ната разглядывала пейзаж, а Данислав — Нату. Ладонь лежала на ее талии. Потом он подумал-подумал — и прикоснулся к ней второй рукой, теперь ниже талии. Ната то ли не заметила, то ли сделала вид, что не замечает. Данислав опустил руки еще ниже, провел по бедрам...

Юбка на ней была короткая: когда он увез ее из

инкубаторского поселка, где все ходили в комбинезонах или старомодной одежде, Ната, обнаружив, насколько далеко шагнула мода, стала одеваться, как героини голографического аниме-кавай. Сейчас на ней были серебристые колготки из очень тонкого пластика, мини-юбка и зеленая безрукавка. В волосах сидел крупный жук с золотистым панцирем и вытянутым тельцем такой формы, чтобы его удобно было брать в руку. К поясу юбки крепилась мини-сумочка, а в саму юбку была прошита напоминалка, высоким голоском говорившая с владелицей, если та что-то роняла или забывала. Такая одежда не то чтобы портила ее, но и не очень шла — главным образом потому что девочкой-то Ната не выглядела. Она производила впечатление юной — и в тоже время вполне зрелой женщины. Почувствовав под руками гладкую холодную поверхность колготок, Дан прижал к ней ладони и стал медленно задирать юбку. Ната тут же отвлеклась от созерцания пейзажа, обернулась и отодвинула его руки.

— На нас же смотрят, — сказала она укоризненно.

Дан оглянулся: за окнами головы всех пассажиров мужского пола были повернуты в их сторону.

— Ну и что. Кому какое дело? Ты же не в своем инкубаторе. Сейчас ты никого не смутишь этим, даже если мы прямо здесь начнем...

— Нет! — сказала Ната, на которую, судя по всему, накатил один из ее приступов чопорности. — Не можешь потерпеть?

— Да ты пойми, это совершенно нормально, — принялся увещевать Данислав. — В университетских общежитиях даже нету раздельного проживания. Мальчиков и девочек селят не просто в общих корпусах, а в общих комнатах — по четыре-шесть человек, чтобы молодежь друг друга просвещала, понимаешь? — Говоря это, он медленно подступал к Нате, а она отступала, пока не уперлось спиной в ограждение.

— Мне так не нравится, — сказала она. — Не нравится, когда при этом на меня смотрят.

— Откуда ты знаешь? Ты что, делала это, когда на тебя смотрели?

Ната порозовела.

— Нет. Но я... я и так знаю. Это должно быть... — она наморщила лоб. Недостаток словарного запаса, да и вообще умения обращаться со словами, выражать мысли и, главное, чувства, заставлял ее часто морщить лоб. — Чтобы только вдвоем. Об этом не надо говорить и показывать это, и смотреть, потому что тогда... Ну, в общем...

— Исчезает таинство? — подсказал Данислав.

— Что? Да. Оно... Как ты сказал?

Так вот почему она не любила смотреть эротические фильмы, почему заставила его уйти с секс-шоу, на которое он ее когда-то повел, не любила даже разговоров на эту тему, хотя при всем этом в постели отнюдь не была пуританкой…

— Интимность пропадает, остается грубый секс, — пояснил Дан.

— Да… Что? Мне так не нравится. Тебе будет приятно, если… если мне не будет нравиться, когда мы это делаем?

Этот довод смутил его.

— Ну, нет, — сказал Данислав. — Нет, конечно, я не хочу делать это так, чтобы тебе не нравилось. Но хотя бы поцеловаться мы можем?

Раздался писк. На правом рукаве куртки Дана сидела свернувшаяся кольцом псевдоживая ящерица — биомеханический тонк. Данислав завел его недавно и уже хотел поменять, потому что, как выяснилось, это устройство раздражало его. А вот Нате подобное наоборот нравилось, забавляло — пришлось купить ей тонк-жука с игрушечным дизайном. Во лбу ящерки горел рубиновый глаз — жестикулярный датчик — и когда Данислав поднес к ней руку, она сама собой развернулась и прыгнула в ладонь.

— Да, Калем, — сказал Дан в щель под пружинным хвостом, то есть в динамик тонка. — Мы подъезжаем, скоро будет. Ага, давай…

Ната улыбалась. Дан положил руки ей на плечи и поцеловал.

Солнце горячим медом заливало тарелку наземной станции, окруженную покатыми стенами из пластистекла. Грузчик-колесничий с притороченной к животу тележкой похватал сумки и уложил к себе под брюхо.

Хотя они не виделись уже много лет, Дан сразу узнал появившегося на дорожке чернявого черноглазого Калема. Старый друг тоже колесничий: до колен ноги почти нормальные, а ниже — два органических колеса. Многочасовая хирургическая операция — и кость сложной формы, что-то вроде перевернутой Y, подвижно закрепленная в колене, охватывает колесо наподобие велосипедной ‘вилки’. В центре — сустав, сухожилия и прокачанные анаболиками ‘скользящие’ веерные мышцы; к окружности тянется тугая, как оболочка барабана, желтая кожа; обод — широкий ногтевой валик и твердая ‘шина’ из таких же ороговевших клеток, что и человеческие ногти. Три недели стационара, частичная перестройка нервной системы и вестибулярного аппарата, месяц ковыляния под бандажом — и кати куда хочешь.

Калем носил шорты, колеса оставались обнажены, хотя мода давно откликнулась на появление людей с модифицированными ногами: теперь для них делали так называемые шташины, брюки-зонтики, не скрывающие лишь нижнюю, касающуюся земли часть обода.

Шелестя и пощелкивая конечностями, Калем подкатился к Дану. Они обнялись.

— Это Ната, — представил Данислав, и бывший однокашник, а ныне — университетский преподаватель, схватил ее руку и энергично потряс. Он остался таким же порывистым и поверхностным, склонным легко воспринимать жизнь и избегать проблем. Дан заметил, что Ната слегка напряглась: в их поселке ни одного колесничего не было, она так до сих пор и не смогла привыкнуть. Калем же сиял улыбкой во все тридцать два покрытых белейшим кальцированным пластиком зуба. Они пошли к воротам, грузчик покатил следом тележку с сумками.

— Видел тут, как по мосту пронеслась колонна мобилей! — звучным голосом вещал Калем. Как и у многих преподавателей, в его скулу был имплантирован ‘громик’ — усилитель голоса. — Сигналили почем зря. Это те, что с вами на одном острове прилетели?

— Они. Там куча шишек. Прибыли на открытие нового общежития Красного Корпуса.

— То-то у нас с утра переполох, даже занятия некоторые отменили. Бюро шустрит, везде их солдатики носятся, все проверяют...

Бюро, как называли университетскую Службу Безопасности, не имело особых полномочий: Ректоры не хотели, чтобы в городе окрепла силовая структура, которая когда-нибудь может выйти из-под контроля и начать играть в собственные игры. Полиции как таковой не было вообще; Бюро, состоящее в основном из отставных вояк и подчинявшееся напрямую Проректору, обеспечивало безопасность на всей автономии. Здесь, в общем, было тихо: любые владельцы крупного бизнеса заинтересованы в притоке свежих молодых мозгов, и ни одной межкорпоративной войны на этой территории не случалось. Блюстителей порядка называли бюрами или, снисходительно, бюриками. Часто ими становились отчисленные за неуспеваемость студенты.

Выйдя за ворота, Дан встал, щурясь на солнце, охваченный внезапным приступом ностальгии. Низкие крыши и широкая полоса неба между ними, приглушенный шум токамобилей, прохожие, блеклые в дневном свете голограммные вывески...

Он никогда не понимал под Родиной историко-культурное наследие определенного этноса, как и государство, в котором

родился, — тем более что и государств никаких не осталось, лишь Сознания, объединения автономных областей — и потому недоумевал, сталкиваясь с любым проявлением патриотизма. Патриотизм по отношению к чему? К стране? К территории какого-то подсознания? Но это лишь кусок земной поверхности с определенными границами! Родиной для него был набор воспоминаний о местах, людях, ситуациях и свои чувства, со всем этим связанные. Некое ментальное облачко в голове, маленькая внутренняя отчизна. Вот к ней можно испытывать любовь, ностальгию — но, как и в одну и ту же реку, в эту отчизну нельзя вернуться. А сейчас... Нет, он не помнил этого места, тихой улицы за воротами станции струнной дороги, но какие-то смазанные временем картины из закоулков памяти вдруг всплыли в голове и наложились на окружающее, заставив Данислава остановиться, жмурясь, поглядеть по сторонам и замереть, не дыша: он пытался остановить мгновение, задержать это теплое, сладкое и печальное ощущение прошлого, сотканного из солнечного пуха и золотых пылинок...

— Ну что, такси поймаем? — спросил Калем, и затопившее Данислава детство — нереальное, не такое, каким в действительности оно было, но идеализированное его сознанием, — детство это исчезло.

Прохожих было мало, иногда почти бесшумно проезжали машины — широкие, чтобы на заднем сидении могло поместиться несколько человек, и совсем узкие, для водителя и одного пассажира. Калем замахал рукой, останавливая челомобиль, и грузчик, выдвинув из тележки считыватель, хмуро сказал: ‘Пять кликов’. Приложив подушечку большого пальца к фотоэмульсионному кружку считывателя, Данислав коснулся сенсора с цифрой 5 на табло. Один клик — условная единица, равная одному шагу по Большой Гипертекстовой Библиотеке, нажатию на одну из перекрестных ссылок. На самом деле, платить за пользование электронным Гипертекстом не было необходимости, клик был лишь условной единицей, результатом общественной договоренности — символом единицы информации, которой оплачивались услуги и товары. Не имея под собой никаких материальных ценностей вроде золота (которое, как и драгоценные камни, ценностью быть давно перестало), клик тем не менее вполне успешно заменил деньги.

Считыватель застрекотал и втянулся обратно. Колесничий вытащил сумки. Покосился на Калема, возле которого как раз остановилось такси, сунул ему что-то в ладонь, развернулся и укатил.

— Можно я впереди поеду? — попросила Ната. — Там лучше

видно.

— Давай.

Она села рядом с толстым водителем, Дан и Калем устроились позади. Расстояние между сидениями было достаточно широким, чтоб могли втиснуться колеса.

Водители такси, заступив на смену, своих машин до конца работы не покидали, а некоторые из них не вылезали неделями — оттого большинство таксистов страдало избыточным весом. Нижняя часть грузного тела была погружена в мягкий пластик шоферского гнезда. Функциями оно напоминало медицинское живокресло, только куда проще и дешевле — обеспечивало гигиеничный вывод естественных отправлений и через вживленные под ребра катетеры снабжало пищей. От приборной доски к телемоноклю на лице водителя тянулась гибкая белая спираль, по которой при каждом движении головы пробегали радужные кольца. Руки покоились в сенсорных пазах — специальных углублениях на приборной доске; движениями пальцев водитель управлял всеми системами, от включения и выключения фар до дверных фиксаторов. В большинстве подсознаний люди давно такси не водили, токамобили одной фирмы управлялись через геовэб упрощенным подобием искусственного интеллекта или штатными программистами. Но в Университетах водителям удалось отстоять свои права и вытеснить автоматизированные такси-сети, которые в разное время пытались развить здесь бизнесмены. Ректоры челомобильщиков поддерживали — по их мнению, живые таксисты предавали автономии аромат старины.

— Давно в машинах не ездил... — хмыкнул Калем. — Все больше на своих двоих...

— Что он тебе дал? — спросил Данислав, когда челомобиль, еле слышно заурчав тесларатором, поехал.

Калем захихикал и хлопнул по карману.

— Я не смотрел. Прокламацию какую-нибудь, что ж еще. Потом выброшу. У них движение ‘За свободу колесников’. Это они сами себя так называют — колесники, а слово ‘колесничие’ считают оскорбительным.

Дан удивился:

— Почему? Глупости какие...

— Ага. Они говорят, что нормальные люди их притесняют, используя колесничих только на тяжелых работах, ну или на неквалифицированных каких-то.

— Но ты ведь — преподаватель.

— Так то-то и оно! Дело в... — Калем многозначительно постучал себя по лбу. — А не в... — он хлопнул по роговому ободу

колеса.

Ната молчала, приникнув к окну. За ним проносились обычные дома — бетонно-керамические стены, бронированные окна — и прохожие — в основном молодежь, пешая или в транспортных костюмах. Город студентов, учителей и обслуживающего персонала...

Наклонившись к Даниславу, Калем прошептал:

— Э, дорогой, красивая девка. В твоем вкусе, а?

— Ага, — пробормотал Дан.

— Свежая, — не унимался Калем. — Как цветок, только распустившийся... А ты, значит, садовник...

Он преподавал теоретическую физику, но увлекался поэзией, в которой, однако, ничего не смыслил, и часто использовал всякие банальные сравнения. Калем, обладатель мохнатых черных бровей и большого горбатого носа, имел арабо-грузинское происхождение. Грузины-то еще остались, что им сделается, а вот арабов сильно поубавилось после Второй среднеевразийской войны, когда объединившиеся славяне и японцы (в Японии как раз окончательно расшифровали карту человеческого ДНК и смекнули, какая последовательность аминокислот за какой ген отвечает) устроили гено-геноцид: совместно создали хитрый вирус и саданули им по множеству ключевых точек, за одно поколение стерев сотни миллионов врагов с лица планеты. Конечно, тогда вышел большой облом: ориентировались на генные комплексы, ответственные за определенный цвет кожи и волос, форму глаз и прочие специфические внешние параметры, — соответственно, не все арабы полегли, а из тех, кто полег, не все были арабами. Например, погибло много евреев — они с арабами похожи. Народу вымерло столько, что, собственно говоря, как раз после этого — вернее, после того, как выжившие арабы взорвали одну атомную бомбу под Москвой, другую сбросили на Токио, а третьей рванули Ла-Манш, когда береговая охрана нейтральных французов выследила их мини-подлодку — именно после этого крупномасштабная война, тотальная межплеменная резня и табуировалась в коллективном сознании так же, как в нем табуированы, допустим, убийство ребенка или инцест. Это, однако, парадоксальным образом привело к увеличению, чуть ли не легализации насилия на межличностном уровне. Затем в течение двух десятков лет сложились Сотрудничества, и планета изменилась до неузнаваемости.

Ну а Калему повезло — он арабом был лишь частично, его штамм «антиарабика» не тронул. Возможно, его спас шнобель выдающейся величины.

— Так куда ты нас везешь? — спросил Дан.

— Гостиница возле старых корпусов. Ты говорил, вы на вечеринку в Общежитие приехали?

— Ну да. Меня пригласили. Хотя я так и не понял, что такого в открытии какого-то общежития, почему из этого надо шум устраивать...

— Э нет! Заметь, Общежитие — с большой буквы. Оно ж строилось по проекту ребят с прикладного факультета. А клики 'Электрикум Арт' дал. Это дом-умник, понимаешь? Киборгизированный... Тут уже и так, и сяк крутили — интельдом, домумник, зданум, умобитель... Как же так, думаем, 'жопа есть, а слова нет'? Непорядок. В конце концов все же решили умнодомом назвать, хоть оно и банально. ЭА вокруг открытия большой шум хочет поднять. Они сейчас взялись за проект по строительству умнодомов и конкурируют в этом деле с 'Фурнитурой'.

— Да это ж старье, — возразил Данислав. — Сколько времени уже дома с прошивкой делают, на компьютерном управлении... 'Фурнитура' вот что-то похожее клепает по заказам, я даже видел один. Похож на загородное бунгало, только движется. Чтоб отпуск проводить где-то за границей техносферы. Мы ехали по бану, а он мимо по лугу полз... как улитка какая. За ним еще след на траве неприятный, вроде мыло склизкое...

— Сам сказал, дорогой — по заказам. Они делают дома для богатых. К тому же движущиеся. А ЭА работает над проектом стационарных зданий.

— Ну и что тут такого принципиально нового? Наоборот, движущиеся дома... вроде как интереснее.

— Только для богачей. Экзотика такая. Они ж стоят раза в три дороже, потому что у них там качающиеся полы, вестибулярный аппарат сложный и навигационная система навороченная. Ну и потом — какой нормальный человек захочет жить в доме, который постоянно перемещается? Я б не захотел. Это чтобы на природе такой поставить... А в техносфере как? Старые дома с прошивкой — они именно старые, там технологии вековой давности. ЭА хочет сделать город, целиком состоящий из стационарных многоквартирных умнодомов. Поставить это дело на поток и снизить себестоимость, чтобы такое жилье могли обычные автономщики себе позволить. Хотя Общежитие — оно, конечно, сверхдорогое. Но это так, реклама. Громкий проект. Здесь, за чертой подсознаний, есть здоровенный квартал заброшенный. Кирпичные заводы там раньше были — помнишь еще, что такое кирпичи? Фабрики какие-то... Ну вот, они планируют, если с Общежитием все сладится, вложить средства в перестройку того района. Сделать для начала небольшой квартал компендиумов-умников, соединенных в общую систему через

геовэб... Ладно, сам увидишь... А, приехали!

Челомобиль встал. Не поворачивая лысой мягкой головы в бледных складках, водитель что-то еле слышно произнес, голос его полился из динамиков в потолке, будто заговорила сама машина:

— Десять кликов.

В спинке водительского гнезда откинулся щиток, показав щель приемника. Дан расплатился, и только после этого запертые двери раскрылись.

Они вышли на залитую солнцем улицу. Здания Желтого Корпуса стояли на склоне холма, венчала его цилиндрическая постройка лаборатории физического факультета. Было здесь и несколько не принадлежащих Университетам домов, и на одном, пятиэтажном, висела чуть мерцающая голографическая вывеска:

ПАРАДИГМА

— Парадигма? — удивился Дан, берясь за сумки.

Калем, искоса — и с явным вожделением — разглядывавший Нату, хмыкнул.

— Это уже как пару лет здесь мода пошла такая. Столовая ‘Квантовый суп’, ресторан ‘Жареный Кот Шредингера’ с летним кафе ‘Копенгагенская интерпретация’, цветочный магазин ‘Аромат кварка’, стриптиз-бар ‘Суперпозиция’, гостиница ‘Парадигма’... Такие заведения часто наш брат преподаватель держит. С возрастом денег поднакопят — ну и вкладывают в какой-то мелкий бизнес. Администратора себе нанимают, чтоб время не тратить... Я сам позже хочу мастерскую оптическую открыть. Назову ‘Волновая функция’! А чего? Нормальное название...

Пока он болтал, от гостиницы прикатил швейцар-колесничий. Взял сумки, кивнул и повел гостей за собой.

— Спасибо, Калем, — сказал Дан.

— А не за что, дорогой. Я на вечеринке в Общежитии тоже буду. Увидимся, ага? До свидания... — Калем улыбнулся Нате, и та в ответ кивнула, пряча глаза.

Перед тем как войти в гостиницу, Данислав оглянулся: челомобиль отбыл, но Калем в него не сел, а поехал на своих двоих, и скорость его передвижения была как у очень быстро бегущего человека.

Эта гостиница к умнодомам никакого отношения не имела: их встретил обычный дежурный, зарегистрировал и назвал код замка от номера, куда колесничий-портье уже отвез вещи. На лестнице сбоку лежала дорожка из толстого шершавого оргстекла, специально для колесничих. Войдя в двухкомнатный номер, Дан спросил:

— Ты чего смущалась?

— Нет, я... — Ната заморгала и пошла в ванную.

— Что? Я ж видел — раскраснелась вся.

— Просто он так на меня поглядывал!

— Ну, так что же? На тебя часто поглядывают, ты красивая. Как будто сама не знаешь...

Он остановился в дверях, наблюдая, как она выставляет на табло температуру воды и расстегивает безрукавку. Задняя стена ванной комнаты целиком состояла из мутно-белого стеклопакета.

— Так в чем дело?

— Он... у него колеса вместо ног!

Тут уж заморгал Данислав.

— Так он же — колесничий! Ясное дело, колеса. В поселке своем ты к ним не привыкла, но потом-то, когда мы уехали... Ты ж их часто видела.

Ната с порозовевшим лицом повернулась к нему.

— Я просто... Ну, Дан!

— Что? — он скабрезно ухмыльнулся, наконец догадываясь.

— Что — 'что'? Он... он смотрел. И я вдруг представила... Ну то есть представила, как это — с колесничим? Понимаешь? Он же наверно даже лежать не может... ну, как все. Колеса ведь мешают...

Туфли Ната сняла, еще только войдя в номер, потом — юбку, и теперь стояла в расстегнутой безрукавке и этих своих серебристых колготках. За ее спиной из душевой решетки текла вода.

— Сидя, — предположил Данислав и шагнул к ней, через голову, чтоб не возиться с магнитиками, стягивая рубашку. — Я себе это так представляю: колесничий вроде как на корточках, а ты сидишь у него... как бы сидишь у него на коленях.

— Я сижу?! — возмутилась Ната, пятясь и улыбаясь краем губ.

— Нет, не конкретно ты, а... партнерша... — рубашка полетела на пол, и Дан, приближаясь к Нате мелкими шажками, — а она отступала и уже почти достигла душа, — стал выпутываться из штанов. — Ха, зато они при этом могут кататься...

Солнечные лучи проникали сквозь мутное стекло, озаряя их фигуры, уже голые, под душем. Солнце в этот осенний день было ярким, свет будто распыленное великаном теплое аэрозольное облако, заполнившее город мириадами желтых пылинок, ласкал крыши и мостовые. Прямоугольная плоскость батареи на микроавтобусе, который сворачивал к заброшенному заводскому комплексу, впитывала фотоны и превращала их в электричество.

Гудел двигатель, колеса резво крутились.... На самом деле энергии солнца не хватило бы для движения машины, она работала от обычного тесларатора. В батарее только периметр предназначался для захвата фотонов, большая часть плоскости, состоящая из кружочков пятисантиметрового диаметра, служила другой цели.

Машина напоминала черную слезу, очертания дверей и лобового стекла оставались неразличимы, многочисленные антенны, уловители и приемники усеивали зализанный корпус. Они беспрерывно сканировали окружающее пространство, пытаясь выявить малейшую угрозу, — но так ничего и не выявили на протяжении всего пути от аэропорта до покинутого района за городской чертой, отделяющего университетскую автономию от зоны ПсевдоДнестра.

Теперь совсем другой мир тянулся вокруг. Бетонные равнины и моря бурьяна перемежались волноломами земляных насыпей, горными грядами из потрескавшегося силикатного кирпича, потухшими шлаковыми вулканами, скелетами подъемных кранов, глиняными ущельями карьеров, пустынями кокса и покореженными ангарами из гофрированного железа — будто развалинами футуристических замков.

Тишка расположился на водительском сидении, подключившись к центру управления микроавтобуса, надел телемонокль. Перед ним было обычное рулевое колесо, но водитель за него не держался. Хотя видел он то же лобовое стекло, дорогу за ним, руль — и его виртуальные руки этот руль сжимали, поворачивали при необходимости. Картинка, созданная маломощными лазерами, была четкой и яркой. Пучок лучей проходил через зеркало монокля, сквозь расширитель, фокусирующие линзы — и в конце концов проецировал изображение на сетчатку.

Рядом сидел Магадан, Шунды устроился позади. Живокресло стояло за его спиной, он то и дело с опаской оглядывался на Жиля Фнада, но тот оставался неподвижен.

— Гля, казус! — хмыкнул Магадан.

Тишка не отреагировал, а Шунды глянул в боковое окно. Между проржавевшим остовом древнего грузовика и лужей густой жирной грязи туда-сюда ковылял покалеченный колесничий в лохмотьях. Выломанное левое колесо заменял самодельный костыль. Достигнув лужи, казус проехался по ее краю, развернулся и потёпал назад, кренясь на бок всякий раз, когда короткий костыль упирался в землю. Заросшее щетиной лицо было задумчивым, правый глаз скрыт под моноклем, приклеенным к коже двумя кусками липучек крест-накрест.

— А я ж его знаю, — сказал Магадан. — Это Григан, помнишь, Шунды? Он с нами работал пару лет назад...

— Это у которого искусственная печень была? — спросил Одома, поежившись.

— Ага. От ‘МедЛаба’. Там сбой произошел, после этого он и сбрендил. Он еще к Большой Гипертекстовой Библиотеке подключен постоянно, ты знаешь? Как залез в нее — так назад уже и не вылез, ползает теперь по ссылкам год или два...

Одома плаксиво протянул:

— Ой, жалко его... Магадан, давай поможем?

Колесничий знал, когда можно перечить командиру, а когда — нет.

— Обойдется, — сказал он.

В мире индустриальных руин были свои аборигены. Очумевшие от психомарева растафары с намеренно расстроенными эго-формингами — их приставки, именуемые еще ‘эмошниками’, работали в запрещенном плавающем режиме и каждые несколько десятков минут, меняя концентрацию нейромедиаторов, накрывали своих носителей новой эмоциональный волной. Овощеподобные бомжи-флористы из Гринписа; казусы с поломанными конечностями и слетевшими с катушек искусственными органами. А еще — бывшие дерекламисты, повернутые на антирекламной идеологии психи. Они не присоединились к группе Одомы после того как направление денежных потоков изменилось так, как того хотели тузы, организовавшие их движение, — добившись своего, бизнесмены тут же перестали его финансировать. Маньяки до сих пор иногда совершали набеги на город, уничтожали бигборды, голо-буйки и пиароботов. Бюро не слишком успешно боролось с ними.

Действия эмошника хватало на некоторое время, а затем взрывная, агрессивная натура Одомы вновь брала верх над наведенным приставкой психомаревом: когда они вылезали из микроавтобуса, плаксивость уже оставила Шунды, рот изогнулся уголками книзу, и он вновь переполнился раздражительной злостью.

— Дрыхнет, урод?

В черных очках отражались две одинаковые выпуклые картинки: колесничие выкатывали живокресло по короткому пандусу.

— Не, без сознания, — возразил Магадан.

Перед этим они долго петляли между развалинами заводов, а после въехали в бетонную трубу, под небольшим уклоном уходящую в землю. В конце ее перегораживали круглые

пенометаллические ворота, охраняемые тремя дерекламистами. Дальше находилась ржавая платформа элеватора, опустившая микроавтобус в земные недра.

Тусклый свет пары прожекторов озарял стылый бетонный бункер. Ширина — двадцать метров, длина — тридцать, а потолок, испещренный тонкими трещинами, выбоинами и пупырышками, всего в трех метрах над полом. Магадану всякий раз казалось, что он попал внутрь спичечного коробка, и колесничего одолевал легкий приступ клаустрофобии. Расстегнув ворот, он стал чесаться: из-за динамической татуировки, чьи узоры медленно путешествовали сквозь подкожную клетчатку, грудь часто зудела.

Трое солдат-дерекламистов — обычные, не колесничие, — вышли из будки в углу помещения. Каждый держал автомат, на поясах болтались звуковые кастеты. От будки вдоль стены тянулся глубокий зацементированный ров, его огораживала подрагивающая, тихо гудящая лезвенная цепь.

Магадан отключил живокресло и сбросил Жиля Фнада на пол. Упав, тот остался лежать неподвижно.

— Как прошло? — спросил один из солдат.

— Мы спешим, — объявил Шунды. Под бетонными сводами голос его отдавался коротким холодным эхом. — И так еле успели. Свяжите его покрепче и бросьте туда. Мы сейчас за Машиной, как вернемся — будем его мучить по-всякому. Тишка, связь!

Тишка выкатился из микроавтобуса, так и стоящего на платформе элеватора, и протянул командиру тонк в виде подковки.

— Я его уже вызвал.

— Вомбат! — закричал Одома. — Все сделано, что я сказал? Точно все? Ладно, бывай тогда!

— А зачем связывать, шеф? — подал голос один из дерекламистов. — Там же цепь. Один хер он не вылезет, хоть связанный, хоть...

— Ебало захлопни! — завопил Шунды так, что солдат отпрянул. — Это вам не кто-нибудь — это Фнад! Связать, я сказал!

— Слушаюсь! — выпалил дерекламист и бросился к неподвижному телу.

Они склеили конечности Фнада липучками, затем двое потащили его к яме, а третий вошел в будку и отключил цепь. Тонкие, радужно отблескивающие лезвия, вертикально торчащие вдоль рва, поникли и перестали подрагивать. Дерекламисты не без некоторой опаски подступили к ним, взяли Фнада за руки и

за ноги, раскачали и бросили в ров, где уже лежало три тела, не то мертвые, не то при смерти. Когда на нервную систему цепи не подавался раздражающий импульс, она засыпала. Несмотря на это, несколько ближайших лезвий — пронизанный острейшими алмазными волокнами мезофилл, неспособный к фотосинтезу, но зато с краями, прорезающими кость, — дрогнули. Цепь питалась переменным током, но могла добывать энергию из крови, которая для нее была чем-то вроде редкого деликатеса.

Фнад с глухим стуком упал на покрытое бурыми пятнами дно, и дерекламисты поспешно отошли.

— Больше года уже тут, — сказал один, возвращаясь к будке, — а все одно не привыкну к этой хрени.

Он нажал кнопку на пульте, цепь тихо загудела. Лезвия затрепетали и распрямились.

— Теперь поехали, — скомандовал Шунды.

Операцию было решено проводить точно на середине пути между космодромом ‘Вмешательства’ и городской чертой. Репетировали несколько раз, все знали, что им делать, но Шунды нервничал. Он подкрутил эго-форминг, повышая агрессивность, затем пальцы пробежали по сенсорам: специальный порт бортового компьютера токамобиля высветил голографическое изображение прямо перед лобовым стеклом.

— Все помните? — с угрозой спросил Шунды.

Схема боевого спецфургона ‘Длеб-Каб’, который вот-вот должен был показаться на дороге, чуть подрагивала. Сенсор тихо зашипел, от отдельных частей схемы в воздухе возникли красные пунктирные стрелки, над которыми зажглись обозначения базовых узлов машины.

Ведущее от космодрома к подсознанию узкое корпоративное шоссе, прямое, как копье, окружали две лезвенные цепи с листьями высотой почти в человеческий рост. Защита лишь от бомжей и хулиганов-байкеров, не от серьезных людей с хорошим оснащением. Но целиком накрывать редко используемую трассу аэрационным пологом — слишком большие затраты даже по меркам ‘Вмешательства’, и потому спецфургон сопровождали две амфибии. Охрана была до смешного мала, если учесть, что именно находилось в кузове ‘Длеб-Каба’. Впоследствии отвечавшие за транспортировку младшие ламы ‘Вмешательства’ объясняли это тем, что не хотели привлекать лишнего внимания к пустынной местности неподалеку от города.

Микроавтобус поставили позади шлакового холма. Когда Шунды Одома и двое колесничих, облаченные в комбинезоны и перчатки из зеленой креп-фольги, в гладких шлемах с черными забралами, приблизились к трассе, лезвенные листья

затрепетали. Шунды откинул забрало, разглядывая местность. В круглых очках отразились куски керамики и бетона, завалы песка и рухлядь вокруг шоссе — через все это пришлось перебираться, чтобы приехать сюда. Хорошо, у них не обычный микроавтобус, а натуральный вездеход...

— Ладно, ставьте, — приказал он, кривя рот и чувствуя себя дьявольски крутым и опасным сукиным сыном.

Колесничие притащили два пластиковых ящика с раздвижными стенками, с помощью джипиэсок отмерили отрезок в пятнадцать метров и положили ящики в его концах, возле лезвенной цепи.

— Хоть землей чуток присыпьте! — прокричал Одома. — Тут все ржавое, чтоб они в глаза не бросались!

Сняв с руки браслет, он провернул две составляющие его дуги, превратив в узкую подкову, и набрал код. Шунды испытывал иррациональную боязнь перед имплантами и до сих пор не поставил себе подкожный тонк и клавиатуру в запястье, как у обоих колесничих, и даже не завел псевдоживое устройство. Такие устройства для многих заменили домашних животных после того, как популярность модо-собачек и прочих трансгенных существ прошла.

— Вомбат! — крикнул он, поднеся подкову к лицу. — Мы на месте! Да, ставим как раз... Да, точно по расписанию! Что? Да... Что? Слушай, иди ты в задницу! Делаем все четко, а ночью — остальное, как договаривались. Нет у меня ресурсов, чтоб дважды такую операцию проводить. Да! Ты навигационку контролируешь? Хорошо. Все, давай...

Колесничие, закончив с ящиками, подкатили к нему, и Шунды махнул рукой в сторону холма, соседнего с тем, за которым прятался микроавтобус.

— Теперь гранатомет.

Стараясь не подступать близко к лезвенной цепи, он выглянул на шоссе — темно-серое, идеально ровное и пустое по всей своей длине. Вдоль краев вспыхивали красные огоньки, образовывая две трассерные прямые, сходившиеся у горизонта: где-то далеко шоссе заканчивалось возле бронированных ворот в стене двадцатиметровой высоты, окружающей небольшой космопорт. С другой стороны стоял контрольно-пропускной пункт под охраной нескольких бюриков. По всей границе автономию окружала полоса мин и сигнальные вышки с видеокамерами и гнездами ‘плевательниц’. Любой обошедший мины нарушитель, которому вздумалось проникнуть в автономию, получал плевок нейропарализатором из стрекальных желез, растущих, как какие-то диковинные орхидеи, в органических гнездах на каждой

вышке. Если же он исхитрялся избежать яда, который за несколько секунд превращал человека в клубок агонизирующих нервов, его все равно засекали камеры, и тогда с треугольной крыши здания Бюро в центре города взлетали скоростные вертолеты, вооруженные пневмоэлектрическими пушками. Но в районе, где распласталось смрадное, полуразложившееся тело древней индустриальной зоны, вышка уже долгое время находилась под контролем группы Одомы: Вомбат просто-напросто отсек систему связи и запустил на мониторы Бюро свою картинку, показывающую, что здесь все тихо. Мины в этих местах давно не обновлялись, бродяги успели подорваться на тех, что были заложены раньше, и ходить тут можно было спокойно.

— Готово, командир, — прокричал сзади Магадан.

Шунды посмотрел на старинные часы, прикрепленные кожаным ремешком к его тонкому детскому запястью, затем выглянул на шоссе. Что-то, пока еще едва видимое, с большой скоростью приближалось...

— Ой, бля! — креп-фольга тихо заскрипела, когда он помчался к холму, за которым стоял микроавтобус. — Готовьтесь! Магадан, ты на гранатомете! По центру шмаляй! Тишка — в машину!

В управляемом компьютером ‘Длеб-Кабе’ люди отсутствовали, а в амфибиях, кроме водителей, находилось по семь хорошо вооруженных охранников. Теоретически жизнеобеспечивающая система машин имела замкнутый регенеративный цикл, но в действительности это уже было не так: Вомбат подключился к ней и нарушил ход воздушного потока.

Когда кортеж оказался между ящиками, из них выскочили раструбы пульверизаторов и выстрелили двумя белыми струями. Прозрачное облако быстродействующего смертельного газа окутало участок дороги.

И тут же Магадан с короткими интервалами трижды пальнул из гранатомета.

Визг, грохот и скрежет быстро стихли. Колесничий, положив оружие на плечо, скатился по склону. Из-за соседнего холма вылетел микроавтобус. Посреди лезвенной цепи зияла прореха — след взрыва плазменной гранаты. Приличных размеров яма, на дне которой на боку лежал ‘Длеб-Каб’ с развороченной кабиной, еще курилась дымком. Яму окружал пузырящийся, но быстро остывающий невысокий черный вал, которым стало покрытие трассы. Микроавтобус влетел в прореху, давя обугленные лезвенные листья, развернулся и встал. Обе амфибии были уже далеко впереди, на большой скорости приближаясь к автономии: водители в них погибли вместе с охраной, и навигационная

система шоссе, определив критическое изменение курса, взяла на себя управление. По идее, она должна была остановить машины, после чего дать сигнал на космодром, но трудяга-Вомбат и тут показал себя во всей красе: красные огни навигационки вдоль шоссе всполошено перемигивались, однако сделать она ничего не могла. Амфибии, увеличивая скорость, мчались дальше.

— Быстро, быстро! — орал Шунда, брызгая слюной.

Тишка, раскрыв задние дверцы, опустил пандус; Магадан вытащил наружу и потолкал к яме куб плазменного резака на воздушной подушке. Прихватив большой белый сверток, Одома выбрался из микроавтобуса.

Резаком быстро вскрыли заднюю часть спецфургона. Помимо прочего в самый последний момент спецы ‘Вмешательства’ установили сигнальный модуль, наличие которого не успели зафиксировать в технической документации, скопированной Вомбатом. Выявив внеплановую остановку и нарушение герметизации, модуль активировал радиомаяк, и через мгновение волна СоУ, сигнала-об-угрозе, затопила эфир.

Сигнал приняла аппаратура парящего над шоссе в средних слоях атмосферы милитари-острова тибетцев. Там отреагировали — в необъятном дне острова раскрылись люки, из стартовых шахт вылетело три модуля, крупногабаритный «Орлан» и два небольших «Махаона». В нижней части «Орлана» темнели жерла шести импульсных гидродинамических лазеров, управляемых компьютером.

Магадан, отключив электроннолучевую защиту багажного отсека, выпучил глаза на то, что стояло в кузове.

— А как ты ею управлять будешь, командир? — спросил он.

— Потом разберемся... — Шунды, развернув белый сверток, набросил на Машину липкую сетку. — Помогай! С другой стороны держи! Оборачивай! Давай, теперь тянем ее!

Они отволокли Машину к микроавтобусу, кое-как втащили по пандусу и поставили внутри, приторочив сетку к торчащим из стенок карабинам. Магадан покатил было к яме за резаком, но Шунды выкрикнул:

— Все, время! Пусть лежит, там наших отпечатков нет!

Над корпоративным шоссе нарастал пронзительный вой снижающихся с предельной скоростью модулей «Вмешательства». «Махаоны» на бреющем полете разлетались веером, окружая место событий. По темно-серому полотну от космодрома уже неслись амфибии корпоративного дивизиона.

У импульсных лазеров видимые лучи отсутствуют, и для прицеливания используются маломощные лазеры непрерывного действия с неодимовой накачкой, дающей зеленую гармонику. Сенсоры «Орлана» засекли микроавтобус. Сервомоторы оружейных турелей синхронно переместили стволы, и шесть зеленых точек на мониторе в кабине модуля слились в одну.

«Солнечная батарея» на крыше микроавтобуса приподнялась, из круглых ячеек, прорвав имитационную металлопленку, выстрелило три десятка микроракет. Они разлетелись, оставляя

за собой белые дымные следы. «Махаоны», уже окружившие похитителей, и висящий над шоссе «Орлан» взорвались. А впереди амфибии, полные мертвых тел, врезались в «Супер-Ворота от ФУРНИТУРЫ», установленные на контрольно-пропускном пункте, взорвали их вместе с двумя выскочившими из будки охранниками и расчистили проезд. До квартала, тянувшегося вокруг общежитий Красного Корпуса, звук взрывов, конечно, не долетел.

— Истеблишмент — это... ну как бы правящая верхушка. В данном случае это те, кто формируют идеологию современной науки, понимаешь? — с умным видом разъяснял Данислав. — Он здесь сосредоточен. Вообще у нас наука слегка застопорилась, потому что затраты на нее стали очень уж большими, эксперименты, чтоб что-то новое узнать, суперсложные теперь. Но все равно всяким корпорациям образованные спецы нужны. А спецы эти обучаются в Университетах. Потому подсознание здесь богатое, и Ректоры влияние имеют.

Ната, держащая его под руку, рассеяно лизала мороженное и вовсю глазела по сторонам.

— Молодые все... Смотри, почти совсем стариков нету.

— Ясное дело. Сюда из обоих Сознаний подростков отправляют учиться. В Дублине вроде как свои Университеты имеются, конкурирующие, но они пожиже будут.

— И что, всех берут?

— Нет, ну не всех подряд, конечно.

Мимо проехал человек в громоздком транспортном костюме, потом, держась за руки, пронеслась парочка молодых колесничих. Ната сбилась с шага, провожая их взглядом, и Дан спросил:

— Что такое?

— Не могу привыкнуть к этим... — пожаловалась она.

— Давно пора. Что с ними не так?

— Разве ты сам не видишь? Ног нет! Что они со своим телом сделали, зачем так?

— Надругательство над плотью? — спросил Дан.

— Что? Да! Надругательство... Это — грех.

— Грех? — удивился он. — Гм... Ты имеешь в виду, насильственное изменение того, что создано «по образу и подобию»?..

Неужто она верующая? Они ни разу не разговаривали на эти темы, да и не замечал Данислав в Нате никогда склонности к религии. Собственно, какая теперь религия? Бог, кто бы он ни был, давно убит технологиями, зачастую настолько сложными, что они напоминают чудо. Были люди, почитающие электронный Парк, как новую землю обетованную, были те, кто всерьез

утверждал, что в Антарктиде есть воронка, покрытая слоем льда, на дне которой, в центре земли, сидит плененный Люцифер, и организовывали экспедиции с целью найти и освободить его — потому что поклонялись Несущему Свет и верили, что свет этот есть избавление; были герметики, раскапывающие руины Эль-Харры, чтобы найти погребенные останки и возродить Триждывеличайшего. Радикальное крыло Гринписа провозгласило, что вся планетарная флора есть «разобщенный творец», и превращала своих адептов в овощеподобные тела, лишенные разума — в, соответственно, «клетки творца» (хотя она не являлась самой радикальной группой в Гринписе, ультра-радикалы из этой организации утверждали, что на самом деле никакой флоры не существует — впрочем, и эти не переплюнули Метагениев из церкви Новой Дискордии, провозгласивших, что не существует Земли). Была автономия ивактов, которые полагали, что люди и боги равны, множество богов обитает на планете, каждая вещь — это бог, который сознательно сделал свою плоть доступной людям. Культ Неукротимого Зулуса поклонялся невидимому чернокожему великану (Земля была правым яичком в мошонке этого великана, а Луна — недоразвитым левым, люди же являлись сперматозоидами), а Иллюуилсоняне утверждали, что на самом деле человечество погибло еще в 1908 году, когда планета столкнулась с гигантской кометой из антивещества, и теперь люди, сами того не ведая, обитают в Чистилище, расположенном на дне черной дыры. Коммерческая Церковь ЛаВея зарабатывала на прихожанах — вполне честно, потому что такой заработок и был основной целью, о чем сообщалось в ее программном манифесте; клики предполагалось тратить на убийства людей, поскольку люди, по мнению основателей церкви, являлись главной проблемой человечества — хотя на самом деле все пожертвования попадали в карман основателями, прихожан обманывали, о чем, впрочем, в том же манифесте недвусмысленно сообщалось... Было много чего — но Бога теперь не стало.

— Мне неприятно на них смотреть, — заключила Ната.

Он развел руками.

— Тут уж ничего не поделать, придется привыкать. Такие штучки будут чем дальше — тем больше распространяться.

Она доела мороженое, и тут с другой стороны улицы к ним танцующей походкой направился пиаробот из красной пластмассы. Голова его выглядела как гладкий чуть сплюснутый с боков шар; в передней части желтая пластиплоть уже менялась, текла, выстраивая черты, напоминающее лицо Наты. Пиаробот успел просканировать потенциальных клиентов,

воспользовавшись загруженной в него программой физиогномики, выявил более податливого и теперь подделывался под его внешность. Почему-то психологи, трудящиеся на контору, которой принадлежали городские рекламные автоматы, решили, что такой финт ушами расположит реципиента к доверию и поможет втюхать ему товар.

Вообще пиароботы были, на взгляд Данислава, странноватой технологией. Предполагается, что реклама охватывает приличную группу населения. Висит, допустим, над шоссе блистающий огнями, играющий оглушительные мелодии, вопящий на разные голоса голографический бигборд, а под ним каждую минуту в обе стороны проносятся десятки машин — и все, кто сидят в салонах, волей-неволей бросают на него взгляды. Даже плавающие по улицам голо-буйки рассчитаны на захват внимания групп, а не единиц. Пиаробот же мог потратить полчаса только на одного клиента, убеждая его что-нибудь купить. Хотя, с другой стороны, они не только рекламировали — они зачастую и продавали рекламируемый товар, если, конечно, размеры и вес позволяли таскать его за собой, то есть являлись скорее механическими коммивояжерами.

Ната второй рукой ухватила Дана за локоть, и он прошептал, заранее радуясь:

— Смотри, что сейчас будет.

Пиаробот напоминал человека, то есть имел две руки, две ноги и голову, но разумного в нем не было ничего, простая операционка с набором несложных действий и удаленным сетевым доступом.

— Новый маршрут наземного транспорта! — загудел он издалека, растапливая пластиплоть в улыбке, протягивая билеты и одновременно высвечивая над головой рекламную картинку с изображениям вездехода странной формы. — Первые рейсы — за десять процентов стоимости, напитки в салоне бесплатно...

Как только он вошел в круг пятиметрового диаметра, внутри Дана включилась мощная прога. Голос пиаробота стал очень высоким, слова слились, — а потом что-то щелкнуло, и сразу же изображение на голограмме сменилось: теперь там содрогалась в экстазе натуральная, всамделишная шведская групповуха, персон так на семь-восемь — из-за того, что они переплелись, точно сосчитать не представлялось возможным. Голос пиаробота совсем смолк, руки задрожали, рассыпав билеты по мостовой, из динамика полились ахи и охи: звуковой ряд, сопровождающий веселое действо, демонстрируемое теперь голо-проектором автомата.

Он побрел прочь, оглашая улицу страстными стонами,

экстатически дергаясь и подпрыгивая, будто наглотался амфетаминов. Несколько идущих навстречу прохожих отскочили, проезжающий мимо колесничий крутанулся вокруг оси и встал, изумленно пялясь на свихнувшийся автомат. Засмеялись какие-то студенты.

— Пошли быстрее, — Дан потянул Нату за угол, но она успела подхватить с мостовой один из билетов.

Когда они отошли на квартал, он замедлил шаг.

— Что это такое было? — спросила Ната.

— У меня ведь антивирус... — Данислав все еще ухмылялся. — В него, понимаешь, по моей просьбе добавили утилиту, которая воспринимает подобную рекламу как вирусную атаку. Такими пиароботами управляют через геовэб, и этот мой антивирус... Ну, он как бы видит, что ко мне приближается враждебная программа, и валит ее. Расстраивает двигательные функции, а потом заставляет транслировать любой случайный поток из геовэба. Вообще, робот передает запись от своих хозяев. Там кремниевый модулятор, который расщепляет два фазированных световых луча... Ну, это, в общем, полупроводниковая фотоника, это сложно. Я сам это плохо понимаю. Короче, антивирус принуждает его выловить любой случайный поток из сети. Там же постоянно кто-то с кем-то файлами обменивается. Но это у меня запрещенный софт, с таким лучше бюрикам не попадаться...

Ната улыбалась и кивала. Потом вспомнила прерванный появлением рекламного автомата разговор.

— Даник, я все-таки не пойму, почему именно ноги? Если умеют делать такое... Почему другое что-то не меняют?

— Колесо было величайшим изобретением человечества, — авторитетно заявил Дан. — Очень сильно повлияло на прогресс. Но колесами в природе никто не обладает, это чисто искусственная штука. Люди тысячелетиями использовали разные повозки, передвигающиеся на колесах. А теперь вот решили и сами... Ты видела, с какой скоростью они двигаются?

— Но ведь ноги! — не унималась Ната. — Они же... Ну вот у женщины — когда красивые ноги, ведь на них приятно смотреть, правильно? И трогать их. Я имею в виду — вам приятно. Мужчинам. И мужские ноги, когда они хорошей формы, то...

Данислав возразил:

— Послушай, но ведь у меня телесный софт прошит, ведь ты знаешь! Это тебя не смущает?

— Так его не видно, — возразила она.

— Ну так что же... Все равно, дело просто в привычке. Среди колесничих уже тоже конкурсы красоты проводятся. И колопорно

тоже уже есть. ‘Сладкий изгиб’ вот — не смотрела такое видео?

— Не смотрела! — испугалась она.

— Когда вернемся — я тебе покажу.

— Не надо! — Ната с опаской покосилась на него, словно домохозяйка, которая вдруг узнала, что ведущий замкнутый образ жизни милый пожилой господин по соседству — агрессивный фетишист-некрофил. — Тебе такое нравится?

Он помотал головой.

— Нет, что ты. Я для общего развития смотрел.

Она что-то еще говорила, но Дан уже не слушал — он задумался над своими словами: ‘Когда вернемся’... Надо сказать ей. Обязательно, ведь это, в конце концов, жестоко... Сейчас она еще может поступить куда-то на курсы, выучиться... секретарем каким-нибудь, что ли? Он поможет устроиться куда-то. А если тянуть... вдруг забеременеет? Конечно, случайно такое теперь не происходит, но Ната хотела ребенка, уже трижды она несмело подступалась с этим вопросом, а Дан пресекал такие темы на корню. И она может специально... Не выпить вовремя таблетку — проще простого. И что потом? Насколько Данислав ее знал, на аборт Ната не согласится ни за что.

— Ты иногда молчишь, — сказала она. — Вроде что-то сказать хочешь.

— Нет, я... — начал он.

— Но я же вижу. Что такое, Даник?

— О, гляди, Калем! — обрадовался он. — Видишь? Идем к нему. Я пить хочу.

Колесничий покачивался возле столика открытого кафе, на стуле рядом сидела блондинка, — они пили вино и ели мороженое. Калем помахал рукой.

— Садитесь, дорогие... Вино, водка, виски? Это Турби. Турби, это Дан Серба, однокашник мой, а это Ната.

Турби напомнила Даниславу собаку породы колли, которую очень плохо кормили. Сколько он помнил, у Калема была склонность к утонченным во всех смыслах женщинам — изящным до безобразия. И лицо: худое, вытянутое, унылое...

— Я вас раньше здесь не видела, — сказала она, поднося к губам бокал, который держала за ножку двумя пальцами, отставив мизинец.

Зряшная женщина — сразу понял Дан. Они с Калемом насмешливо переглянулись — тот заметил, куда смотрит Данислав, и еле заметно нахмурил брови, как бы говоря: ‘Ну так что? Я прав, а ты в женщинах ни черта не смыслишь, как и раньше’. Когда-то они с Калемом — тот еще не был колесничим — сильно на эту тему спорили. Калем говорил: ‘Это

мы, мужики, грубые скоты, даже если интель какой-нибудь, начитанный сукин сын в очечках и с тонкими усиками, — все одно, питекантропия сидит где-то глубоко, никуда не деться от нее. Но женщины — они должны быть тонкими, воздушными — и телом, и мыслью, и чувствами. Приличными, светскими. Желательно — поэзию чтоб сочиняли.' 'Ерунда! — говорил в ответ Дан. — Тонкими — ну это еще ладно, но светскими... Знаешь, как вычислить бабу, с которой точно нельзя дел иметь?' 'Как? Ну как?!' — распалялся Калем (они к началу таких разговоров обычно уже допивали вторую бутылку вина). 'Угостить ее чем-то, шампанским или ликером каким. Если она держит бокал или рюмку, оттопырив мизинец: все, пиздец, сразу вскакивай и беги подальше, и не возвращайся.' 'Херню говоришь! — обижался однокашник, у которого, конечно же, в это время был роман с очередной воздушной, как хорошо взбитый крем грымзой с культурологического факультета, имевшей привычку отставлять мизинец, даже когда в руках ее был толстостенный пивной бокал. — Недоумок, ни черта в бабах не рубишь!' 'И вообще, я всегда предпочитал пивные ресторанам, — заключал Данислав. — Пивные, понимаешь? Там — жизнь, а в ресторанах сплошной этикет. Тоже и с женщинами. А ты, жаркий южный мужчина, дались тебе эти, которые поэзию сочиняют! Тебе положено любить знойных блондинок, страстных, разнузданных в постели. А эти, утонченные... поэтессы, блин! С такой если спишь, так вроде дохлая лягушка рядом, холодная...' 'Те, что утонченные, они как раз в постели и разнузданные. А вот селянки всякие, с виду — кровь с молоком, а в постели вялые да стеснительные... коровы', — возражал Калем. Так они ни о чем никогда и не договаривались.

Принесли вино Нате и пиво Дану. Официант был роботом — просто цилиндр на колесиках, с подносом и пластиной кликоприемника. Дан заплатил, прозрачный колпак откинулся, и они взяли бокалы.

Тут же к ним подплыл голо-буек, напоминающий серебристый тазик, над которым вспучился полупрозрачный пузырь. Внутри находился проектор, а пузырь состоял из оргстекла, покрытого пленкой фотополимерной смолы в пятьдесят нанометров толщиной. Микроскопические призмы, вытравленные в полимере лазером, направляли изображения в глаза окружающих — иногда оно оставалось в фокусе, иногда расплывалось.

Данислав поспешно опустил руку под стол, нащупал сенсорную пластину в специальном кармашке на ремне и пробежал по ней пальцами, отключая антивирус: не хватало еще,

чтобы тот расстроил буек, заставил его беспорядочно кружиться над столиками и показывать что-то непристойное на глазах у почтенной публики. Голо-буек покрутился рядом, но они старательно игнорировали его, и автомат улетел.

— Здесь теперь везде машины? — спросил Данислав, поглядывая на снующего от столика к столику официанта.

— Отчего же, заведения, где обслуживают люди, еще остались! — произнесла Турби.

Говорила она так, будто сначала тщательно формулировала фразу в уме, составляла слова в правильную последовательность, и оттого звучали они книжно и выспренно. Словно осознавая этот недостаток и желая привнести в свою речь больше живости, Турби делала ударение на последнем слове чуть ли не каждой фразы, как бы ставя интонациями восклицательный знак.

— Город, к сожалению, все больше становится техносферной областью, и официанты-роботы — один из признаков!

— Да-а? — Данислав, подняв брови, огляделся. Сквозь щели между керамическими плитами улицы нет-нет да и прорастала трава, за аркой во внутреннем дворике виднелись чахлые, по самые корни напитавшиеся атмосферным свинцом и цинком деревья.

— Вы из Западного Сознания? — догадалась Турби.

Дан кивнул.

— Вот именно. Понимаете, техно — это же не просто название. Это когда ноосфера полностью вытеснила естественную биосферу. Беспрородный Технический Мир. Живая природа внутри техносферы полностью контролируется. Здесь же... — он развел руками.

Турби оказалась патриоткой — она выпятила подбородок, нахмурила лобик под льняными кудрями и пошла в атаку:

— БТМ — это тупик!

— Вот так вот круто? — удивился Данислав. — Почему же? Природа в любом случае уже обречена, это еще Альтшуллер сформулировал. Тут вопрос просто в том, чтобы не разрушать, как происходило раньше, а перестраивать.

— Подминать под себя! — обвинила Турби.

— Перепроектировать, — возразил Данислав, отпивая пиво. — Да чем вам техно не угодило, собственно?

— Хотя бы тем, что натура обладает неисчерпаемыми запасами красоты, а у техно этого нет!

— Ну почему же. Видели новый туристический остров от ‘Турбо-Аэро-Гидро’? Когда на создание ушли такие суммы, и в нем принимали участие лучшие умы — получается очень эстетично. Он в самом деле красив.

Турби помолчала, формулируя очередную благоглупость, и заявила:

— Ничто искусственное, ничто, созданное человеком, не сравнится с закатом в горах или Ниагарой! Вы видели Ниагару?

— Видел, а как же. Вполне прилично. Но...

— Эта поэзия. И музыка!

— Музыка? Шум там — уши закладывает, — возразил Дан. — Но...

— Я говорю о гармонии!

— Так и я о ней. Несомненно, в водопаде присутствует своеобразная гармония. Но девятая симфония Баха не хуже. А музыки в природе нет, только случайные шумы, правда? Вот вам пример чего-то чисто искусственного, созданного людьми, но способного быть прекрасным, — музыка.

— Музыка природы чарующа! — возразила Турби. — Просто не всем дано ее услышать. А вы, Данислав... Серба? Я вспомнила, это ведь ваши родители Дана и Святослав?..

— Да, — сказал он несколько сухо, поскольку разговоров на эту тему не любил.

— Владельцы ‘Искусственных садов’, компании по организации техносферы! Ясно, почему вы техно защищаете...

Она поймала предостерегающий взгляд Калема, несколько мгновения непонимающе смотрела на него, затем тряхнула головой.

— Вы, Данислав, не обижайтесь, но ведь они погибли в катастрофе, когда Глобальный Мост обрушился в Коралловое море!

— Не весь Мост, а только одна секция, — поправил Дан.

— Это все равно! Я говорю о том, что они, — только не сердитесь — всю жизнь работавшие на техно, как раз и стали его жертвой!

— Нет, жертвой людей. Взрыв устроили гвинейцы из Нового Маданга. Люди делают техно злым или добрым, это же ясно.

Гвинейцы, облучившиеся прогрессом соседних народов, быстро и неожиданно для остальных превратились в техноварварское племя крайне агрессивного толка. Они оставались чуть ли не последней на планете народностью с четкой культурно-этнической идентификацией, в отличие от большинства других, сначала перемешавшихся, а после разбившихся на автономии, созданные вовсе не по национальному или расовому признаку.

Дан покосился на Нату — та сидела, будто палку проглотила, сжимая ножку бокала. Мизинец оттопырен не был.

— Дорогая, но ты же пишешь стихи, — вмешался Калем. —

Поэзия, а? Суслики и бобры не сочиняют стихов, и ветер тоже...

— Я черпаю вдохновение из природы! — сказала Турби и, подумав, добавила: — Поэзия природы божественна! Бог создал жизнь, но дьявола в божественном плане не было — его создали люди. Техно лишено добра. Оно неодушевленно, безжизненно, а природа — одушевленна. Нет, одухотворенна!

— Ну, ИскИны тоже одушевленны, — не согласился Калем. — Да и в природе...

— Никаких ИскИнов нет!

— Ну что ты, Турби... Просто их совсем мало, меньше десятка, и работают они где-то в недрах самых крупных корпораций. А вот так, как Гэндзи, то есть чтоб случайно родившийся ИскИн... вообще единственный раз. Так вот, насчет природы — какое же там добро со злом? Там рациональность, выживание видов, смерть слабейших и больных. А мы о своих калеках заботимся — при помощи той же техники, кстати. Вот завтра поглядишь на Общежитие и решишь, прекрасно оно или нет. По-моему, классно у них получилось. Ну и, если уж твоей, э... твоей мысли следовать, Турби, то технологии Общежития как раз 'добрые' — потому что направлены на жизнеобеспечение и комфорт людей, которые там будут жить. Они освобождены почти от всех бытовых проблем, могут отдаться, гм... — он блеснул своими черными глазами на блондинку и быстро отвел взгляд, — отдаться творчеству. Науке. Поэзии, в конце концов. Натура такие условия жизни никогда бы не обеспечила, пещера какая-нибудь или там шалаш из веток... Природа лишена комфорта и негигиенична.

Турби, которой через взгляд передалось томительное волнение, овладевшее после второго бокала вина горячей натурой Калема, молчала. Мизинец был оттопырен.

— Кстати, ИскИны, — сказал Дан, обрадованный, что Калем сам подвел разговор к этой теме, и спеша завершить невразумительный спор. — Что тут у вас произошло с этим, как его... с Ганджи?

— Гэндзи, — поправила Турби.

— Да, Гэндзи. У нас в новостях про это говорили, но как-то смутно.

— Потому что оно и было все очень смутно, — откликнулся Калем. — Вячеслава Раппопорта помнишь? У него еще старший брат на Континентпол работает вроде бы.

— Конечно. Он у нас теорию информации читал.

— Во-во. Он создал этого Гэндзи на винте из бактерий. Не важно, главное, Гэндзи сначала был справочным центром, а после превратился в ИскИна. А потом обнаружил какую-то секретную

группу, которая чем-то там занималась… не знаю. По заказу какой-то крупной конторы — не то ‘Майкрософта’, не то ‘Вмешательства’. Что они делали — так никто и не понял. Нет, ну может сам Проректор в курсе, но… В общем, Гэндзи ополоумел.

— Как ИскИн может сойти с ума? — удивился Данислав.

— Да кто его знает? Я только слышал, что Раппопорт в него прошил три закона, ну эти, банальные… В школе мы его учили, как его… Асимов! Только ‘роботов’ на ‘ИскИнов’ заменил. Мол, ИскИн не может причинить вреда человеку или своим бездействием… ну и так далее. В общем, Гэндзи сбрендил, а потом самое странное началось.

— Страшное! — вмешалась Турби.

— Ну или страшное. Ты ж Раппопорта помнишь — он всегда нервным был, холерик, короче, но веселый такой мужик, с чувством юмора, незлой. Так вот, Гэндзи ему что-то такое рассказал — после этого Раппорт пришел на лекцию и начал, по словам студентов, чушь нести. Заговариваться стал, потом вдруг заикаться начал сильно — ты ж помнишь, за ним раньше такого не водилось… На середине лекции похватал свои папки и убежал. И все, исчез. Мы его не видели больше, пропал человек.

— Он что, тоже с ума сошел?

— Нет, вроде нет. Просто нервный срыв. А вот другой человек — тот сошел с ума. В этой спецгруппе, материалы которой Гэндзи обнаружил, работало трое. Я их знал. Один, Миша Азберг, исчез — похоже на то, что его агенты той конторы, которая спецгруппу создала, и ликвидировали. Второй, Людвиг Ассасинов, застрелился. Вечером после лекции пришел домой и пальнул в рот из дробовика. Его отец охотником был в Псевдозоне, ружье в наследство оставил. А вот третий, Иван Кропоткин, — тот и вправду с ума сошел. Ему вроде как Гэндзи что-то такое показал, это бюрики потом, когда уже расследование проводилось, обнаружили. На домашний комп Кропоткина от Гэндзи поступил длинный видеоряд. Кропоткин, получается, его посмотрел — и сбрендил. Попытались дальше выяснить, что к чему, но файл не нашли, хотя вроде бы отследили, что к Гэндзи он попал… из космоса.

В отличие от других сведений, это действительно было нечто новое, и Дан переспросил удивленно:

— Из космоса? Что, прям…

— Нет, ну, может, не из дальнего. С орбиты, наверное.

Данислав кивнул. Ната, допившая вино, во-первых, скучала, во-вторых, злилась. Осоловевшая Турби бросала на Калема призывные взгляды.

— Идти пора, — решил Дан, вставая. — Вы куда сейчас?

Калем и Турби переглянулись.

— Куда-нибудь... — неопределенно сказал колесничий. — Прогуляемся... Хорошо, дорогой, завтра на открытии встретимся. Это, кстати, по поводу нашего предыдущего разговора, Турби. Поглядишь на Общежитие и решишь: может ли быть прекрасным продукт техносферы.

— Так, секундочку... — подняв указательный палец, Шунды другой рукой подкрутил эго-форминг в нужную позицию, и, очень быстро впав в ярость, завопил:

— Как он ушел?!

Магадан с Тишкой старались держаться подальше и выписывали круги вокруг бегающего по бункеру командира, будто два спутника вокруг материнской планеты.

— Как он ушел?!!

Крики звонко отскакивали от бетонных стен, словно шарики для пинг-понга, метались по помещению.

— Он же цепь на хер сломал! Она мне в двадцать тысяч обошлась!

У Магадана, как всегда, когда он попадал в бункер, начала чесаться татуировка. Терзая ногтями грудь, он подкатил к длинной яме под стеной. На середине лезвенной цепи лежало два тела, листья прорезали их.

— Он по трупам перебрался, — сказал Магадан.

— Так просто? — огорчился Тишка. — А я думал, че-то фантастическое...

От будки охранников к яме тянулась длинная полоса темной, слабо насыщенной кислородом крови. Двое солдат-дерекламистов были мертвы, колесничий уже рассмотрел тела: их словно голыми руками растерзали, а у одного еще и лицо выжжено. Где этот мужик взял горелку? Его же в микроавтобусе обыскали и просканировали тело на предмет имплантов...

Третий охранник, дрожа, прятался в будке, тихо подвывая от боли, — у него была сломана рука.

Шунды, подгоняя солдата пинками и руганью, принудил его выбраться наружу, поставил на колени спиной к яме, подобрал валяющийся на полу звуковой кастет и шмальнул в голову провинившегося с близкого расстояния. Всем показалось, что потолок бункера с глухим стуком просел на пару сантиметров — хотя такого не могло произойти в принципе. У присутствующих заложило уши, словно в помещении вдруг резко изменилось давление, а у солдата, конечно, сразу лопнули барабанные перепонки, он замычал, разинул рот и опрокинулся назад — прямо на цепь. Словно переспелое яблоко уронили на торчащие

острием вверх гвозди. Дерекламист подергался и застыл, разбросав руки и ноги, концы листьев прорезали грудь и бока. Листья извивались в экстазе, впитывая кровь, сухо шелестели и постукивали алмазными прожилками, чуть не причмокивали от удовольствия.

— Зря он, — пробормотал Магадан, сглатывая. — Хоть узнали бы, как этот черт смог удрать...

— Тишка! — взревел Шунды из другого конца бункера. — Ты Машину в лабораторию поставил?!

— Да, командир, — поспешно откликнулся колесничий. — Она сетку нашу почти сожрала, представляешь?

— Как это — сожрала?

— Ну, вроде... впитала ее в себя. Только концы и торчат.

— Так выдерни обратно! И приведи туда старика, пусть занимается. Я позже приду. Магадан, сюда!

— Есть, командир!

Тишка с Магаданом переглянулись, и первый покатил к элеватору, а второй — к Одоме.

— Поставь новых охранников, — велел тот, когда колесничий остановился рядом. — Путь уберут здесь все.

В группе Шунды было полтора десятка человек, в основном — простые бойцы, которые несли охрану территории и выходили на задания, где требовалось большое количество участников. За всю историю существования группы одновременное присутствие всех ее членов понадобилось лишь единожды, когда ломанули инкассаторский фургон. С помощь Вомбата Шунды смог зажилить часть кликов, что лежали на счету Антирекламного фонда. Это было до того, как бизнесмены, организовавшие фонд — и все движение дерекламистов в Восточном Сотрудничестве, — добившись своего, прекратили финансирование и отозвали средства. А из фургона тогда добыли диски с новейшим софтом. Шунды разбогател. До главного ламы ‘Вмешательства’, директоров ‘Электрикум Арт’ или, к примеру, владельца ТАГ ему было далеко, но он стал одним из самых зажиточных людей в этой экономической области.

Солдаты жили в большом цехе кирпичного завода, перестроенном под общежитие, и Магадан покатил туда. У Шунды же была своя квартирка — несколько бывших кабинетов на третьем этаже заводской администрации. Он принял душ, переоделся, поел, передохнул немного, сидя на высоком стуле перед окном и глядя на поросшие бурьяном растрескавшиеся бетонные плиты, ржавые арматурные клети и горы грязного песка. В комнате стоял сейф, Одома раскрыл его, достал прямоугольный серебристый брусок с несколькими кнопками,

задумчиво повертел и сунул обратно. Подкрутил эмошник в то положение, которое выставлял всегда, общаясь со стариком, и потопал в лабораторию.

‘Лаборатория’ — это, конечно, слишком сильно сказано. Просто бывшая мастерская, где когда-то обновляли электролит в заводских погрузочных карах. Теперь здесь было установлено несколько приборов, манипуляторы и плоские мониторы из натянутых на рамках квадратных кусков электронной бумаги.

— Что это с вами? — спросил Одома, увидев, что старик облеплен розовой жижей. — Где вы измазались?

Вячеслав Раппопорт повернулся к нему. Одетый в замызганный лабораторный халат и спортивные штаны, седой, с мелко трясущейся головой и морщинистым серым лицом, он выглядел лет на десять старше своего истинного возраста. На груди его висел небольшой компьютерный терминал черного цвета.

— Я залез в-внутрь, — прошамкал Раппопорт тусклым скорбным голосом, махнув худой рукой в сторону Машины, что стояла на широком железном поддоне в центре лаборатории.

Шунды был холоден и собран. Он встал рядом с поддоном, старик присоединился к нему.

Машина имела цвет свернувшейся крови, а форму… у нее не было формы в привычном понимании. Более всего это напоминало огромный ком пластилина, размятого гигантскими пальцами. Чуть ниже взрослого человека среднего роста, длиной примерно как обычный легковой токамобиль. Сбоку розовели две пухлые вертикальные складки — будто здоровенные половые губы.

— Вы забирались внутрь? Что вы можете рассказать мне по поводу этого устройства? — четко выговаривая слова, произнес Одома, чье сознание сейчас купалось в наведенном приставкой психормареве из разряда ‘холодная деловитость’.

— Фантастика, ма-а… мальчик, — прошамкал Раппопорт, тряся головой.

Если бы какой другой человек обозвал его ‘мальчиком’, Одома тут же на месте его бы убил, но старику приходилось прощать многое. Кроме него, спецов в распоряжении Шунды не было. К тому же Раппопорта не нужно охранять — он сам когда-то связался с Одомой и рассказал ему все, а после добровольно пришел к дерекламистам.

— Что вы имеете в виду?

Старик попятился, присел на корточки, упершись ладонями в пол между своих ступней, и сразу стал похож на больную задрипанную обезьянку, к тому же — голодную. Правый его глаз

был обычным, а слегка выпученный левый — с высветленным мутно-молочным зрачком.

— М-мне бы стикерс... — попросил он, дергая веком.

Одома хлопнул по карману комбинезона.

— Получите, когда все расскажите.

— Рассказать... Трудно рассказать что-то к-конкретное. Я думаю, в-внутри вещество на основе перфтордекалина. — Он замолчал, темный зрачок правого глаза сдвинулся, глядя на Одому, а левый, светлый, так и пялился на Машину — бессмысленный, будто у олигофрена.

— Пер-фтор-дека-лин, — раздельно произнес Шунды. — Разъясните, будьте добры.

— Углерод с фтором. Вроде искусственной крови — им мо-о... можно дышать, он присоединяет кислород и п-переносит его. Тот попадает п-прямо в альвеолы... — Раппопорт вдруг закачался, с сипом и сухим кашлем натужно выхаркнул розовую слюну на пол перед собой и отер губы дрожащей рукой. — До-о... до сих пор отплеваться не могу. Мерзкое ощущение. Так вот, перфтордекалин выдерживает до-о... до четырехсот градусов. С водой и спиртом не смешивается, не го-о... горит. И он инертен. Не ядовит, значит. А эта корка, что на поверхности... Это, д-думаю, слой органического геля, коагулировавшего из золя, что наполняет устройство. Этот гель выполняет функцию за-а... защиты, а еще выцеживает кислород из окружающего, отфильтровывает и пропускает внутрь. Пре-е... превращает молекулы кислорода в дисперсную фазу, насыщая ими перфтордекалин.

— Искусственная кровь... — повторил Шунды, напрягая свои скудные познания. — Но кровь — это жидкость. А мы дышим этим... газом. Как можно дышать кровью?

— Я был в-внутри, — повторил старик, выпрямляясь. — Пролез через эту штуку... — он показал на розовые губы. — До середины про-о... протиснулся, а потом как бы... как бы засосало в-внутрь. Жидкость наполняет легкие, ты в-вроде бы тонешь, захлебываешься первые секунды. А потом вдруг по-о... понимаешь, что можешь д-дышать. Главное, чтобы рот был приоткрыт, чтобы кислородные ассоциаты попадали в-внутрь. А вообще — оно легкое очень. В-взрослый му-у... мужчина ее приподнять сможет.

Сложив руки за спиной и ухватившись пальцами правой за кисть левой, Одома молча разглядывал Машину.

— Ассоциаты... — пробормотал он наконец. — Ладно. Так что там, вы говорили, внутри?

Раппопорт вновь сплюнул и зашамкал:

— Я могу лишь пре-е... предполагать, это неизвестная мне биотехнология. Н-никто на планете не умеет пока такого, я уверен. Все это — т-тонкая жидкодисперсная система. Лиофильная. Самое необычное — она как бы... как бы трехфазная. Не по-о... понимаете, мальчик?

— Нет. Разъясните.

— Ну во-о... вот, дисперсные системы... Они состоят из непрерывной фазы... Это как бы... как бы вся среда внутри этой штуки, то есть в данном случае — модифицированный перфтордекалин. Вто-о... вторая составляющая — прерывистая фаза. Какие-нибудь пузырьки, крупинки, или еще что, которые п-плавают внутри непрерывной фазы. Они еще н-называются мицеллами. Бывают структурированными или неструктурированными. Две эти части и составляют дисперсную систему. Так во-о... вот, тут у нас внутри непрерывной фазы — два вида мицелл. Одни — структурированные, они там вроде... вроде объемной сетки т-такой, висят почти н-неподвижно. А второй вид — в броуновском движении п-пребывает. Кружатся они там. Этими вторыми вы можете дышать. А сетка, то есть структурированная п-прерывистая фаза, это... Не-е... не знаю, что это, мальчик. Не пойму.

Шунды тоже ни хрена не понял, вернее, понял крайне мало, и, поворотившись на каблуках, глянул в сторону Раппопорта. Белесый зрачок смотрел тоскливо, в нем присутствовало что-то неземное — будто глаз принадлежал какому-то рептилиевидному инопланетянину. В другом состоянии Шунды махнул бы на все это рукой, но психомарево еще действовало, и он попытался разложить услышанное по полочкам.

— Дисперсная система состоит из двух частей — непрерывная эта... фаза, то есть жидкость, искусственная кровь. И пузырьков, плавающих внутри, — прерывистой фазы. Так?

— Пленочки, или ко-о... колбочки, призмочки, пузырьки... — вставил старик.

— Ладно. Но здесь прерывистых фаз две, одна — структурированная, в виде объемной решетки, вторая — беспорядочная. Эта вторая попадает в легкие, и ею можно дышать... Правильно? Ладно, а первая? Которая жесткая, структр... структурированная — что оно такое? Может, это каркас, который поддерживает... — он неопределенно повел рукой в сторону Машины, — поддерживает ее форму?

— Нет, что-о... что вы, — возразил Раппопорт. — Это же всего лишь... молекулы какие-то, что ли? Они н-ничего поддерживать не могут. Я думаю, это скорее... — он покосился на Шунды правым глазом. — Нейронная сеть с распределенной системой

вычислений, Ра-а... распределенкой.

— А корка... этот гель на поверхности?

— О, у него совершенно необычайные с-свойства. Он одновременно и в-вроде мембраны, пропускающей кислород. И пластичен. Но-о... но способен отражать всякие в-внешние воздействия.

— Для чего?

— Для чего? Ка-а... как для чего? Конечно же, чтобы защитить того, кто в-внутри.

— Так это охранный транспортный биомодуль! — понял наконец Одома. — Что вы мне голову морочите, так бы и сказали. Типа спецфургона со сканерами и радарами?

— Ну-у... может быть. Да. Хотя... з-знаете, мальчик, по-моему, он разумен. Ко-о... конечно, примитивно, функционально разумен.

— Но мы сможем с его помощью попасть в средад?

— Ну д-да. Для то-о... того его и сделали...

Тут в лабораторию вкатил Магадан.

— Солдат расставил, командир, — доложился он. — Все пучком и в лучшем виде.

Кивнув, Шунды подошел к модулю, пригляделся к розовым складкам... в них было что-то настолько гипертрофированно бесстыдное, что он стесненно хмыкнул и отвел взгляд.

— А как им управлять? — вдруг сообразил он и обернулся к Раппопорту. Рот Одомы неспешно, как в замедленной съемке, кривился уголками книзу, на гладком мальчишеском лбу возникали морщины, и голос менялся — в нем крепчали горячечные, злые нотки. — Там что — рычаги, баранка, педали? Телемонокль?

— Да нет же, мальчик! Я же говорю — вроде нейросети! — от возбуждения старик даже позабыл заикаться. — Вы когда влезаете, вы же прямо внутри нее оказываетесь, да еще и непрерывная фаза у вас в легких, в горле, в носоглотке... Там такое происходит... Эта штука, машина эта, она транслирует изображение в-всего, что вокруг, прямо в-вам в сознание... Вы по-о... попробуйте, не бойтесь — я вот попробовал, и живой!

— Полудохлый, — сказал Шунды, презрительно глядя на старика. — Магадан, если со мной что случится, убьешь его. Жопой на лезвия посадишь, понял?

Колесничий кивнул и ухмыльнулся.

— Ну ладно... — Шунды обеими руками ухватился за складки и медленно развел их в стороны.

— Мальчик, а стикерс! — застонал Раппопорт, простирая вслед руки. — Лепесток м-мне сначала! Стикерс приклеить дайте!

— Приклеишь, как обратно выберусь, — глухо донеслось из модуля, после чего розовые губы сомкнулись вокруг Шунды Одома.

Мягкие стенки сжали его, содрогнулись, будто в оргазме, и втянули внутрь — во что-то теплое и густое, наполненное беспорядочно клубящейся пылью мицелл. Оно казалось темно-красным в мерцающем свете крошечных пузырьков, которые, выстроившись перпендикулярными рядами, образовали симметричную структуру из бесчисленных пустотелых кубов. Шунды задергался, рефлекторно пытаясь вырваться обратно, как упавший в воду, не умеющий плавать человек, но не находя выхода; разинул рот в беззвучном крике — и на несколько мгновений потерял сознание.

Он очнулся, вися, подогнув ноги, в густой взвеси непрерывной фазы, с разинутым ртом — грудь тяжело двигалась, мышцы сдвигали и раздвигали ребра, но теперь легкие наполняло то же самое, что и снаружи, и это было неприятно, странно и необычно... но не смертельно, лишь сердце стучало глуше и тяжелее, чем всегда. Шунды Одома не вдыхал — но он дышал.

По нейронной сети пришел вопрос: Кто ты?

Темно-красная среда всколыхнулась, разошлась двумя занавесами, открыв картину: стена мастерской, угол фрезерного станка, изогнутый манипулятор — все это слегка искаженное, будто смотришь через очень большую, но слабую линзу.

Кто ты?

Голос звучал в мозгу... хотя сейчас Одома не чувствовал своего тела, ни рук, ни ног, ни головы, где этот мозг находился. Шунда висел, свернувшись, будто зародыш в теплых густых водах...

Ты будешь двигать меня?

Двигать? — подумал в ответ Шунды.

Ты можешь двигать меня. Вперед. Назад. Влево. Право. Наискось. С разной скоростью.

Теперь Одома видел всю мастерскую — для его взгляда покрывающая модуль корка стала мутно-прозрачной, хотя он был уверен, что старик и Магадан как и прежде не видят того, что внутри. Они стояли под стеной и глядели на модуль. Шунды различил и проход, то есть шлюз модуля слева от себя: две протянувшиеся вертикально узкие темные полосы.

Вперед, — подумал он. — Медленно.

Картина дрогнула и стала меняться, все поползло в одном направлении.

Стена, — сказал голос модуля в голове. — Что с ней сделать?

А что ты можешь сделать?

Могу остановиться. Могу повернуть. Могу сдвинуть ее.

Сдвинуть? Что это значит?

Значит, — сказал голос. — Значит... Разрушить. Уничтожить. Разбить. Поломать. Расплавить. Снести.

Стой.

Модуль остановился. Шунды Одома, размышляя, замер посреди сети из пузырьков.

Куда более сложная сеть — ее называли геовэб — лишь недавно освоенная, окутывала планету незримым легчайшим одеялом биомагнитного поля. Устаревшее название ее было эхосеть, потому что считалось, что она подпитывается эхом всех мировых гроз: резонансом Шумана. Двигаясь со скоростью света, резонанс кольцевой волной беспрерывно катился по планете, восемь раз в секунду ярко высвечивая на своем пути ленивые магнитные завихрения и расплывчатые пятна статического атмосферного электричества, более густые в теплых местах и разряженные в холодных; позади резонансного вала они тускнели, чуть расплываясь, а когда он в очередной раз достигал их, вновь разгорались красками. Интернет был заключен в проводах и оптоволоконных кабелях, информация хранилась на винчестерах — в жестком дискретном мире. Знаменитый протокол 7/83 позволил вложить Сеть прямиком в поле Максвелла. Здесь программы могли как существовать на отдельных серверах, так и становиться децентрализованными приложениями: распределенные по значительным областям геосети, они меняли занимаемую ими площадь, модифицируя самих себя в бесконечном поиске идеальных решений, перестраивались и самоорганизовывались, протягивали друг к другу автономные подсети для решения схожих задач, разрушали их, перерождались или умирали; вечный беззвучный шум, призрачный шелест миллиардов терабайт, единиц и нулей, стоял над планетой, и тысячи клиентов входили в геовэб посредством внешнего харда или телесных пользовательских интерфейсов.

Планетарная Сеть — штука динамическая, подвижная. Подчиняясь легчайшим, мягким теченият — флоу — непринужденному скольжению битов, легкому дыханию вечности в атмосфере цифрового кода, следуя незадокументированным, лишенным строгой математической логики эстетическим принципам, она сама себя налаживает, выстраивая фрактальные узоры, красота которых кое-кого сподвигнула на то, чтобы признать ее разумной. Геосеть сексуальна и прекрасна, как Афродита из пены, свежа и настойчива, как весенний бриз. Флоу — это естественная самонастройка динамических конфигураций, универсальная навигация, легкость перемещения

от файла к файлу, от программы к программе, прозрачность интерфейса, отправляющая сознание пользователя в бесконечное путешествие через глобальную архитектуру геосети, когда поиск даже самой утилитарной информации — это творческий акт, а ее обнаружение и постижение — оргазм художественного переживания.

Хотя ума у геосети все же нет: она разумна не в большей степени, чем накатывающий на пустынный песчаный берег океанский прибой, чем дуги водяных рифелей или морозные узоры кристаллизующейся на стекле влаги. Но оптимальные маршруты прохождения данных вычисляются словно сами собой, и потому связь с частным партнером Континетпола Михаилом Раппопортом была отличной.

По вечерней улице, озаренной высокочастотными токами — сиянием светящегося над Университетами воздуха, — они уже подходили к Общежитию, когда Дану пришлось сесть на скамейку. Он сказал Нате: ‘Подожди, меня вызывают’, вытащил из кармашка на ремне телемонокль, нацепил на нос и вставил штекер-спичку в крошечное гнездо под мочкой правого уха. Его короткая черная комфорт-куртка — комфортка — несла в себе множество хитрых карманчиков, соединенных проводами отделений и вшитых в ткань микрокапсул. Монокль же был навороченный, универсальный: закрывал не только глаза, но и часть ушных раковин, чтобы доносить до пользователя звуковой ряд, а еще от дужки вниз шла проволока с каплей микрофона на конце.

Его телесный комп, собственно говоря, не представлял собой ничего такого уж супер-высокотехнологичного. Что может быть проще, чем имплантировать в позвонок крошечную серебристую фитюльку, голографический винчестер на пару терабайт? Проц под правой лопаткой — тоже нехитрое дело. Нет, конечно, есть технологии и куда более простые, но и эта — не последний писк хай-тека.

Пока что на планете насчитывалось не так уж много пользователей геовэба. Существовали интерфейсы, реагирующие непосредственно на ментальное усилие, на изменения бета-ритмов, но у Дана была обычная сенсорная пластина, подключенная к телемоноклю оптоволоконным шнурком. По ней приходилось водить пальцами или коротким пластиковым стрекалом, соединяя линиями квадраты с различными буквами и цифрами и отдавая таким образом команды.

Для максимальной интерактивности лучше всего лежать в емкости с жидкостью, удельный вес которой равен весу человеческого тела, имеющей такую же температуру, в

изолированном помещении. Но и так было хорошо.

Хотя не очень: он чувствовал дуновение ветерка, ощущал ягодицами и спиной скамейку, а это отвлекало. Впрочем, ощущения казались далекими, их почти заглушали два потока синхронизированной информации, которыми монокль наполнял уши и глаза. Эмблема геовэба — голубой шарик, заключенный в круглую клетку из пересекающихся под прямым углом тонких белых линий — мигнула и исчезла.

Далеко внизу был электронный Парк — не только здания с офисами и игровые сектора, но еще и музеи, галереи, интерактивные библиотеки, базы данных по искусству, науке, истории, архивы, фонотеки и фильмотеки. В каждом здании имелись выходы на БГБиблиотеку. Когда Антикопирайт победил, оцифровано было все — книги, фильмы, музыка, исторические и футурологические исследования, каталоги, научные труды, своды законов, нормативы и инструкции; в сети происходили конкурсы, выставки, симпозиумы, искусствоведческие, научные и правовые дискуссии, постепенно здесь были зафиксированы все словари, учебники, энциклопедии и сочинения умнейших мыслителей, все идеи, понятия и образы... В основе Парка лежала программа Большой Гипертекстовой Библиотеки имени Лейбница и Нельсона. Там посредством перекрестных ссылок от статей к художественным образам, от тех к научным теориям, от теорий — к схемам и чертежам, от схем к сводам законов и каталогам, от которых ссылки вели к оцифрованным картинам, голографическим изображениям статуй, записям спектаклей, старинным или новым фильмам, и так далее, и так далее — посредством этой сверхсложной паутины ссылок БГБ включала в себя всю созданную людьми инфо-массу. Суперплотная связность, когда всё имеет связь со всем, победила инфо-энтропию: импликативный порядок в БГБ был суперстабильным, никакая информация там никогда не терялась, никуда не пропадал, хотя найти ее зачастую было и сложно. Сфера разума, некая рассеянная и всепроникающая субстанция, раньше имевшая скорее умозрительный, неявно-мистический вид, проявилась в Интернете, влилась в него, как вода в бутылку, и Данислав периодически принимался, задумчиво хмуря лоб, размышлять о том, что Сеть — это воплощенная ноосфера. Впрочем, у данной мысли не было продолжения. Этакая многозначительная философическая максима, из которой он не мог вывести никаких дальнейших интересных умозаключений.

Но сейчас Дан находился куда выше Парка. Он увидел накрытую голубым куполом долину, огромный диск, испещренный бесчисленными разноцветными линиями,

составляющими квадраты, в которых были равнобедренные треугольники, в которых были ромбы, в которых были круги, в которых были пентаграммы, в которых были гексаграммы... Сервер Континентпола, существующий не на винчестере, но висящий прямо посреди завихрений магнитного поля. Каждый фрактальный набор — точка связи, хотя никого вокруг Дан не видел. Еще бы, у них ведь секретность, не хватало, чтобы все агенты, информаторы и доносчики, с которыми штатному следователю Континетпола приспичило связаться через геовэб, могли наблюдать аватары товарищей по оружию, стоящие в соседних фракталах.

Зато Раппопорт-старший был здесь: висел, сложив ноги по-турецки, на облачке размером с подушку. Аватара у шефа была в черном кимоно, с узкими глазами и катаной за спиной. А еще — белый плащ с капюшоном из плотной шерстяной материи и тщательно прорисованными текстурами.

Раппопорт сказал:

‘Континентпол предоставил нам свой ресурс для связи. У меня новости.’

‘Слушаю’ — ответил Дан.

‘Мы нашли Вомбата. По всей видимости, сейчас он работает на экстремистскую группу, отколовшуюся от дерекламистов. Они пытаются вмешаться... гм, вмешаться в дела ‘Вмешательства’. Несколько часов назад возле автономии было совершено нападение на спецфургон тибетцев, перевозивший нечто с их корпоративного космодрома. Перед этим глава группы выходил на связь с Вомбатом. Следует найти его.’

‘Ага, — сказал Дан. — Слушайте, Михаил, это все может быть опасным. Я к таким заданиям не привык. Вы что, не знаете, на чем я специализируюсь? Я разговоры разговариваю, а не с экстремистами перестреливаюсь. Помните, что тогда возле инкубатора произошло, когда вы хотели, чтоб я у Гринписа технологию выкрал? Меня чуть не подстрелили, сотрясение мозга получил...’

Наступила пауза. Раппопорт висел на своем облачке, Дан сидел неподвижно. Шар его мозга тихо покачивался в мелких магнитных волнах. Магнитный ветер с едва слышным шелестом гнал по круглой долине магнитную пыль. Потом Раппопорт сказал:

‘Нет никого больше в вашей автономии. Кого мне послать? И вообще, вы единственный из моих людей знаете местные условия. Действуйте осторожно, вот и все!’

‘У меня тут знакомая. Зачем я ее брал? Потому что на банкете ЭА надо быть с дамой. Думал, потреплюсь, как обычно, новой

инфы раздобуду — и все. А вы что меня заставляете делать? Знал бы — хотя бы ее не привозил сюда.’

Опять тишина. Черная аватара налита красками, но если смотреть чуть в сторону, то можно заметить совсем легкое призрачное мерцание — след пробегающей резонансной волны.

‘Что-то узнали?’ — спросил наконец шеф.

‘Так, сплетни. Тут говорят, к одному из членов группы, которая занималась каким-то проектом для ‘Вмешательства’, поступил видео-файл от Гэндзи. Не по геовэбу, по обычной университетской сети. Посмотрев его, тот человек сошел с ума.’

‘Это известно.’ — сказал Раппопорт.

‘Да, но еще говорят: к Гэндзи файл поступил из космоса. С орбиты, понимаете? Отследить его не смогли. Что это значит? Разве не все спутники известны?’

‘Не все, — сказал Раппопорт. — Их же много. Платформы всякие, базы, анклавы... У ‘Вмешательства’ есть как минимум один спутник, который мы не можем засечь. Эллиптическая орбита, высота, видимо, около двух тысяч километров. По некоторым данным мы можем судить, что это большая сфера с покрытием, препятствующим обнаружению. С объекта и был спущен груз, который перевозили из космодрома и который захватили дерекламисты. Возможно, видео-файл попал к Гэндзи оттуда же. Найдите Вомбата. Будьте осторожны.’

Оставаясь лицом к Дану, он поплыл наискось вверх, к далекому голубому куполу, чуть покачиваясь...

‘У вас дерьмовая аватара! — мстительно сказал вслед Данислав, показав на белый плащ. — Бурнус! Причем тут бурнус к ниндзя?’

Заставка геовэба, шарик в круглой клетке, мигнула и тут же исчезла. Вместо нее лазеры монокля запустили в зрачки Дана карту Университетов и пульсирующую красную точку там, где находился этот Вомбат.

— Ох ты! — сказал Данислав, отключаясь и снимая монокль. — Так он, выходит, в Общежитии сейчас...

— Кто?

Он покосился на сидящую рядом Нату и спросил:

— Ну что, идем? Ты круто смотришься, бэйби, как раз для такой вечеринки...

Ната надела вечернее платье из гладкой ткани с зеленовато-стальным отливом, и туфли на таких высоченных каблуках, что Дан теперь смотрел на нее снизу вверх. Пигментация ее тонка могла меняться, цвет Ната выбрала яркий — сидящий в волосах псевдоживой жук пылал алым. И прическу она сделала классную. Данислав машинально пригладил свои волосы. После выхода из

геосети изменившиеся альфа-ритмы делали мир странным, как бывает, когда много раз подряд повторишь какое-нибудь слово, и оно потеряет смысл, превратившись в набор чудных звуков, — сейчас все предметы вокруг сделались чуждыми и лишенными смысла конгломератами непонятной, незнакомой материи. Ну а после работы с телесным компом Дан всегда остро чувствовал свое тело, его анатомию: вот верхняя апертура, ключица, лопатки, позвоночник, ребра, вот таз... кости, сухожилия и мышцы... все это покрыто где натянутой, а где уже и свисающей кожей... Его ладонь похлопала по затылку. Черепная кость, а дальше мозг — вполне обычный, разве что с правым полушарием, активным чуть выше среднего. Данислав своим мозгом был доволен, хотя иногда не понимал, что происходит вокруг. Вот как сейчас, к примеру...

Что касается Жиля Фнада, то лобные и височные доли коры его головного мозга, участки, формирующие стратегию поведения, были весьма, весьма специфическими. Ответственная за мораль и этику височная область напоминала раскаленный до густо-вишневого цвета, пышущий дрожащими волнами жара кусок металла, а желудочки мозга, предназначенные природой для образования и циркуляции ликвора, — такие огромные, что для мозгового вещества вокруг них и места почти не оставалось. Решетчатая кость казалась сильно увеличенной, лобные пазухи разрослись, — короче говоря, мозг у Фнада был небольшим, и работал он крайне странно. Какой-нибудь впечатлительный врач, если бы ему пришлось обследовать голову Жиля при помощи ядерно-магнитного томографа, долгое время после этого мучался бы ночными кошмарами.

С органами у него тоже было не все в порядке — главным образом потому, что значительная часть являлась искусственной, созданной на биологическом принтере по технологии NewsHP, когда пористую форму из синтетического желе наполняли органическими клетками, а потом, как из мягкого пластилина, лепили из получившейся смеси нужные органы, прошивали в них кровеносные сосуды — и заменяли ими то, что успело поизноситься или выйти из строя.

Жиль выбрался по резиновой ленте транспортера, когда-то переправлявшего в цех сырую глину, пересек карьер, а затем долго брел через необъятное бетонное поле, по которому ветер гнал тихо скрипящие лоскуты пластипапера, съежившиеся клочья дестабилизированной креп-фольги и асбестовую пыль. Изредка мимо пролетали брошенные тонк-жуки, Фнад даже попытался поймать одного, чтобы связаться с ламой, но жук, надрывно звеня, будто кто-то пытался дозвониться по нему, тяжело взмахивая пластиковыми крыльями, полетел прочь. Почти

разряженный, но еще подчиняющийся сторожевой утилите, принуждавшей его избегать всех, кроме хозяина, он вдруг задергался, окутался фиолетовым дымком и рухнул на землю. Это уже явно была работа подцепленного через геовэб вируса. Ходили слухи, что недавно хакеры наловчились клепать вирусы, которые из операционных систем тонк-жуков в виде звуковых кодов могут переходить в мозг человека, если тот воспользуется зараженным устройством, так что Жиль плюнул и пошел дальше. Впереди виднелись размытые силуэты Университетов, в другие стороны тоскливый пейзаж тянулся до горизонта. На краю поля обнаружился ручной насос, весь заржавевший, но еще действующий, и Жиль кое-как помылся, отчистил одежду: не хватало еще, чтобы в городе к нему пристали бюрики.

Его мозг превратился в кипящую сверхновую звезду, вспышки гнева облизывали черепные своды ревущими протуберанцами; глаза затянула красная пелена прилившей к голове крови. Он не попал на космодром, пропустил доставку Машины, но это ладно, наплевать на ‘Вмешательство’, — его оглушили, связали, бросили в какую-то бетонную яму! На запястьях до сих пор остались клейкие влажные ошметки липучек, мерзкая гадость, да еще и суставы ломит как всегда после...

Раздались голоса, и Жиль пошел осторожнее. Впереди возвышался перевернутый самосвал с прицепом — лежащим на боку железным параллелепипедом. Фнад обогнул его, глянул: стенка разворочена, внутри двое. Растафары, один колесничий, второй нормальный. Колесничий кружился на одном месте, то приседая, то распрямляясь, и что-то взволнованное бормотал, второй стоял неподвижно, пялясь перед собой. Оба в лохмотьях. Дрянные людишки! Жиль побрел прочь.

— Погоди-не-ходи!

Он оглянулся: переваливаясь через песчаные горки, колесничий с отрешенным лицом катил к нему. Правый глаз был скрыт под моно-моноклем, от которого изогнутая пластиковая спираль вела к штекеру в виске.

— Разве так надо? У нас остался заморчок вроде сморчок хочешь приклеиться? — отдачу дает как футурекс поет при перенагреве без лишнего кэша... Кэша... — растафар ненадолго замолк, моргнул левым глазом, словно внутри его головы мигнула глюкнувшая операционка. Это был явный ифноман, чье сознание беспрерывно путешествовало по БГБиблиотеке, неслось через паутину перекрестных ссылок, охватывающих все человеческое наследие. Впрочем, коль скоро он еще мог говорить и как-то реагировать на окружающее, значит, инфо-зависимым стал относительно недавно. Инфоманы на последней стадии

болезни как правило впадали в кататонию, сознание их ‘улетучивалось’ в Гипертекст, что служило неисчерпаемым источником для новой мифологии о сетевых призраках, которые будто бы уже даже создали свое электронное королевство, скрытое ‘на другой стороне’ геовэба и невидимое для обычных пользователей. Инфомания была сродни эротомании или порнозависимости, когда человек все свободное время — а если мог себе такое позволить, то и все время — уделял эротическим или порнографическим онлайн-играм. Только здесь вожделенной целью была не Эрос, а Мудрость или Истина, впрочем, по Платону так же обладавшая эротической притягательностью, провоцировавшая страсть к обладанию — если не плотскому, то хотя бы ментальному. Инфомания еще не стала общечеловеческой проблемой, но врачи и психологи уже обратили внимание на это явление — главным образом потому, что болезненная страсть к обладанию новой информацией, в отличие от порнозависимости, охватывала в основном людей, склонных видеть дальше собственного носа, интеллектуалов, то есть гуманитарную и техническую элиту. Одним из следствий зависимости было желание поделиться заполученной информацией с окружающими, что выливалось в ассоциативно-беспорядочную речь, или беспрерывное, лихорадочное рисование, или — совсем уж редкий случай — в создание музыки. Известная многим личность по прозвищу Композитор, лежащий в частном стационаре богатый инфоман, подключенный к геосети, вот уже больше года почти беспрерывно транслировал электронный концерт, посредством которого успел изложить всем, кто был готов его слушать, Специальную Теорию Относительности, этрусскую мифологию, теорию черных дыр, новейший урбанистический фольклор двухслойного мегаполиса, столицы Западного Сознания, все семьдесят пять сохранившихся офортов из серии «Капричос» Гойи, а теперь заканчивал музыкальный пересказ синергетики.

Бродяга разинул слюнявый рот, и слова опять полились сплошным потоком бессмысленных битов:

— Кэша — каша! Каша познания во сне сознания через остаточные явления — я говорю ты говоришь он говорит! — только метеорит на орбите и пьяные монахи бродят по городу плюют на иконы Иуды совершенных идей, бесконечного постижения прекрасное — прекрасно... Что делаешь друг!!! — взвыл колесничий, когда Жиль ударил его кулаком в лицо.

Растафар опрокинулся на спину, Фнад ухватил его за колено, приподнял — колеса вращались в разные стороны, — раскрыл нижнюю суставную чашечку указательного пальца правой руки и

включил плазменный кинжал. Жужжащая полоска вонзилась в плоть. Бродяга, чьи нервные окончания давно атрофировались, лишь захныкал. В середине газового лезвия дрожал красный стерженек, дальше оно становилось синеватым, а по краям — зеленым, таким чистым, раскаленно-зеленым, что глаза резало. Правое колесо отпало вместе с костяной ‘вилкой’. Колесничий охал и нес чушь. Жиль отключил кинжал, швырнул растафара на землю — тот упал на бок, вращая целым колесом, поливая все вокруг кровью и потоком бессмысленных причитаний. Второй бродяга так и стоял в прицепе, пялясь на происходящее с тупой полуулыбкой.

Фнад пошел дальше, не оглядываясь. Сустав ныл. У него имелось еще несколько подобных девайсов, все — покрытые специальной органической тканью, препятствующей сканированию. Ее совсем недавно вырастили биологи ‘Вмешательства’, таможня в аэропортах пока не наловчилась определять импланты, замаскированные такой штукой.

Он услышал гулкий лай, доносящийся будто из трубы, оглянулся — стая одичавших модо-собачек брела через развалины. Там было несколько плоских, словно древесные листы на прутьях-ножках, собачка-шарик, не столько идущая, сколько прыгающая с кочки на кочку, собакогусеница — вроде заросшей сиреневым мхом кишки на сотне коротких лапок... Фнад скривился: еще одно свидетельство низкого эгоизма людей! Когда модифицированные домашние животные, результаты изощренных трансгенных мутаций, вышли из моды, часть их усыпили, а часть просто выгнали, и теперь стаи ‘летающих кошек’, похожих на очень крупных мохнатых кузнечиков, будто саранча, скакали по Псевдозоне, а бескрылые модо-попугайчики с губами вместо клювов, способные произносить длинные связные фразы, ковыляли по индустриальным развалинам. Завидев Фнада, собачки разразились какофонией жалких звуков, затявкали, засвистели и зачихали, но закон не позволял создавать модо-животных больше определенных размеров, к тому же в них искусственным образом понижалась агрессивность, потому Фнад гаркнул на стаю, замахал руками — и собачки, поджав волосатые, кожистые и хитиновые хвосты, убрались.

На краю индустриальной зоны тянулось частное шоссе, бригада рабочих устанавливала новые ворота, а возле сгоревшей будки толпились вооруженные бюрики. Фнад обошел все это стороной. Феноменальная развитая сенсорика помогла ему пробраться мимо мин, а контрольная вышка почему-то не отреагировала на Жиля — и ядом не плюнула, и не передала в здание Бюро сигнала, так что никакие вертолеты не прилетели.

Вечерело, над городом разлилось сияние искусственной aurora borealis. Жиль Фнад устал, он хотел есть и пить. Общежитие уже высилось впереди — и Фнад шел, снедаемый ненавистью к окружающему, не столько к неодушевленному миру, сколько к многочисленной высокоорганизованной органике, которая двигалась, дышала, чихала, разговаривала, сидела в открытых кафе, флиртовала, целовалась, рассматривала голо-буйки, пила, пожирала химические вещества и другую органику, подвергшуюся термообработке или сырую…

Формой Общежитие напоминало поставленный вертикально старинный фонарик: более широкий круглый цоколь, затем горизонтальная плоскость, а над ними — очень высокая цилиндрическая башня с антенной-тарелкой у вершины. Если бы Раппопорт или кто другой позже попросил Данислава быстро изобразить эту постройку, то Дан нарисовал бы простенький рисунок:

Ни одного окна — зачем окна, на что смотреть, если телекубы могут симулировать любой ландшафт из любой временной эпохи? Вершина постройки погружалась в искусственное сияние, которое включали на ночь для освещения города. Полотнища света лениво двигались — как если бы кто-то взял за один конец разноцветную простыню из легкой металлопленки и стал трясти ею, заставляя полоскаться, ходить волнами над землей, и все это снял на видео, а затем пустил изображение в замедленной съемке.

На стоянке под распахнутыми дверями полукруглого центрального входа стояло множество машин — и обычных, и такси-челомобилей, которые, доставив пассажиров на вечеринку, ожидали их возвращения. Дан и Ната прошли между токамобилями, слыша бормотание таксистов: у тех была своя сеть, в которой они, как правило, проводили все свободное время.

Общежитие вовсе не показалось Даниславу таким уж распрекрасным. Разве что высокое очень, а больше никаких достоинств. До Ниагары во всех смыслах далеко…

— Так купил бы себе билет тоже, — говорила Ната. — Разве он дорогой?

— Не знаю, — отвечал Данислав. — Тебе-то я не покупал…

Некоторое время назад выяснилось, что билет, который Ната подобрала, после того как антивирус Дана шуганул пиаробота, — это пропуск на многочасовую экскурсию вглубь ничейной ПсевдоДнестровской зоны, что извивающейся лентой тянулась между двумя подсознаниями. ПсевдоДнестр, искусственный речной приток, первым подвергся заражению микроботами. До

того планета успела пострадать от их крошечных нано-сородичей, когда управляющие ими компьютеры, способные манипулировать материей на атомарном уровне, накрыли Исландию сплошным слоем интеллектуального наногеля. Его распространение удалось остановить лишь введя в него резидентную программу, логический вирус, который ‘поссорил’ наногель самого с собой, в результате чего тот скоропостижно скончался от внутренней нейрологической войны. Впрочем, было подозрение, что отдельные кляксы наногеля, вовремя отделившие свое сознание от материнской массы, затаились в земных трещинах, так что Исландию на всякий случай взорвали. С тех пор нанороботы никто не производил, — но и микроботы, как оказалось, тоже ничего хорошего не принесли. После их бунта воды и берега ПсевдоДнестра на долгое время обезлюдили, а теперь там возникла ядреная смесь Дикого Запада и чернобыльской зоны.

‘Наземный транспорт’, который расхваливал рекламный автомат, оказался всего лишь сцепкой туристических вездеходов, лязгающего, растянувшегося на полкилометра каравана, из бронированных окошек которого туристы разглядывают экзотические пейзажи и диковатых аборигенов Псевдозоны.

— Видел я это, — проворчал Дан. — Мне такие штучки никогда не нравились. Там наверху платформа, вроде как открытая, с невысоким ограждением. Столики, официанты. Туристы сидят и смотрят наружу. В безопасности, потому что платформа под аэрационным пологом.

— Ну так что?.. — ныла Ната. — Ну вот и поехали...

— Это вроде зоопарка, понимаешь? Сидят богатые хрычи и пялятся на замурзанных фермеров, бродяг этих всех, на дикарей... У них, может, голод, дети мрут — а тут мимо катит себе туристический караван, весь в огнях, и хорошо одетые буржуи тычут в них пальцами. Не поеду!

— Всего ведь на три часа экскурсия, — не отступала Ната, успевшая просмотреть текст на обратной стороне билета и загоревшаяся идеей прокатиться по ничейной зоне.

Они подошли к раскрытым дверям Общежития, сквозь которые внутрь вливались последние ручейки гостей. Между дверями и холлом тянулся просторный тамбур с парой сенсорных подков, вдоль стен стояло два десятка охранников-бюриков в серебристой форме, все с болевыми жердями в руках. Дан заприметил на потолке что-то новое, устройства, которых раньше не видел: длинные гибкие штыри с решетчатыми шариками на концах. Штыри состояли непонятно из чего, вроде — металл, но слишком мягкий, да и цвет какой-то странный, густо-янтарный... Они поворачивались, направляя шарики на посетителей,

вздрагивали, а потом застывали.

— Не могу, — сказал Дан. — Мы специально ради этого банкета сюда прилетели, а ты хочешь, чтобы мы ушли... Ну не могу! Не обижайся.

Ната свесила нос, и все время, пока они пробирались через толпу, молчала.

Круглый холл блистал огнями; шум голосов, шарканье ног и смех отражались от высокого зеркального потолка, под которым тянулась кольцевая площадка с дверями лифтов. Вверху плясали, переливаясь, проникая друг в друга и распадаясь, голографические картины — не один рекламодатель выложил ЭА приличную сумму за то, чтобы установить в холле Общежития свой проектор. Ната тут же воспряла духом, заулыбалась и стала крутить головой, разглядывая толпу.

Состояла она в основном из молодежи, хотя попадались и солидные дамы и господа. Молодежь по большей части двигалась в сторону ведущего вниз широкого пандуса, а гости поважнее поднимались наверх, к лифтам.

— Внизу дискотека должна быть! — прокричал Данислав. — 'Электрикум Арт' самого этого, как его... Зага Космо пригласило!

— Так мы туда идем? — обрадовалась Ната.

— Нет. Нам наверх, мы вроде как знатные гости...

Она опять скуксилась, и тогда Данислав, начиная раздражаться, прокричал:

— Слушай, я не понимаю! Тебе что, совсем не хочется на этот банкет? Ты же готовилась, красилась, платье это надела... В чем дело?

Они уже вступили на узкий спиральный эскалатор, один из множества, тянувшихся к кольцевой площадке с дверями лифтов. Море людских голов, на котором отблески голограмм скользили, переливались, будто радужные бензиновые узоры на поверхности лужи, медленно проворачивалось, опускаясь под ними.

— Ты обидишься, — сказала Ната.

Данислав покрутил головой, взглянул на стоящего впереди мужчину в дорогом вечернем костюме, на двух дам, ехавших ниже, и все понял.

— Не обижусь, честное слово. Так что?

— Мы ведь часто на такие банкеты... Ты меня постоянно на них водишь. Мне на них...

— Скучно?

— Да... нет. То есть и скучно тоже. Но еще я...

— Чувствуешь себя стесненно? Не знаешь, как себя вести со всеми этими людьми? Тебе неинтересно, о чем они говорят, главное, ты вообще не понимаешь большую часть того, что они

говорят, и ты напряжена, скована?..

Она внимательно, слегка растерянно и чуть обиженно слушала, а когда он замолчал, сказала:

— И еще эти дядьки... Они...

— ...Бросают на тебя плотоядные взгляды, и хотя, в принципе, мужское внимание приятно, но именно их внимание, взгляды этих старых гамадрилов, — неприятно? А дамы...

— Гамадрилов? — переспросила она.

— Неважно. А дамы все такие холеные, холодные, расфуфыренные, и бокалы держат, оттопырив мизинцы?

— Что? — удивилась она. — Какие мизинцы?

Они уже достигли площадки с лифтами, и Данислав отвел Нату в сторону, встал под стеной, отрешенно разглядывая поток людей. Кабины то подъезжали и раскрывали двери, то уезжали.

— Да... — заключил он. — Это не для тебя, правильно. Ты терпела, а теперь решила восстать. Взбунтоваться.

Ната потупилась, хмуря брови.

— И ты тоже становишься другим на этих вечеринках.

Он развел руками.

— У меня работа — ходить по ним...

Она подняла голову и взглянула ему в глаза.

— Какая работа?

Данислав молчал долго. Почему бы и не сказать ей? Какая, в конце концов разница, что плохого в том, если она узнает... Понимаешь, все считают, что я — богатый наследник, владелец ‘Искусственных садов’, бездельник-повеса при кликах, и меня приглашают на все подобные мероприятия, а еще — на заседания дюжины фондов и десятка контор, совладельцев акций ‘Искусственных садов’, на все вечеринки, балы, банкеты. А на самом деле... На самом деле, когда стало известно, что родители замешаны в нелегальном клонировании внутренних органов, и образцы берутся у детей с африканского юга — все наше имущество перешло под контроль Континентпола, и на скорости двести километров родители врезались в ограждение, предварительно отключив систему безопасности токамобиля — это был никакой не теракт новогвинейских националистов из Юго-Восточного Бессознательного, это было самоубийство. Теперь Континентпол поддерживает мой имидж богатого молодого бездельника, хотя у меня, по сути, ничего нет, я вынужден работать на Раппопорта-старшего, хозяина конторы по техно-шпионажу, сотрудничающей в основном с Континентполом, который ограничен законами Сознания и доверяет всякие двусмысленные мероприятия частным партнерам; я живу за счет Раппопорта и собираю инфу — любые сведения, слухи и сплетни,

циркулирующие среди элиты, а еще ко мне до сих пор иногда обращаются мелкие лаборатории, пытаясь продать какое-нибудь изобретение, ведь известно, что мои родители сделали первоначальный капитал, помимо прочего, приторговывая новейшим хай-теком, а теперь эти изобретения Раппопорт перекупают для Континентпола... Ну а сейчас — необычное задание, шеф хочет, чтобы я нашел его брата, или кого-нибудь из университетской спец-группы 'Вмешательства', и через них добыл винчестер Гэндзи — судя по всему, на этом секретном спутнике у тибетцев прорыв в технологиях, они создали нечто невиданное, а ведь 'Вмешательство' последние годы вкладывает большие средства в оружие, и если они изобрели какую-то, черт его знает, супер-пушку или еще что, то информация про это как раз и может храниться на винте Гэдзи, коль скоро он сумел выследить группу и проник на их компы, а потом еще, судя по всему, и добрался до этого Черного Спутника, или как его там...

Конечно, ничего этого он не сказал. Зачем? Все бессмысленно.

— Знаешь, а и вправду, езжай на свою экскурсию, — предложил он, кладя руки Нате на плечи. — Ну что ты будешь мучаться здесь?

— Без тебя? — спросила она.

Он виновато кивнул.

— Без тебя мне не хочется.

— Ну не могу, пойми! — взмолился Данислав, заглядывая в большие, ясные и — сейчас — грустные глаза. — Мне надо переговорить с некоторыми людьми, что-то обсудить... А ты съезди, отдохни. Поглядишь на всяких дикарей. Там безопасно, такие караваны не через геовэб программистами управляются, а живыми водителями, и охрана там всегда хорошая. До утра вернетесь. Где этот твой билет, дай сюда...

У Наты была сумочка, неизменный женский генитальный символ, крошечная, с ладонь, висящая на почти невидимом прозрачном шнурочке. Она раскрыла ее и достала прямоугольный листок пластика.

— Так... — протянул Данислав, читая медленно ползущий текст сначала на одной стороне, потом на другой. — Смотри, отправляется меньше чем через час. Маршрут стандартный для таких круизов... Место отправления... Ну, это возле той станции, на которой мы со струнника сошли. Клики у тебя остались?

Ната кивнула: у нее была карточка и счет в банке, открытый Даниславом.

— Ну так, сейчас выйдешь, возьмешь любой челомобиль и скажешь адрес: Струнная-1. Там сядешь на этот караван. Вся

экскурсия займет часов шесть. Тонк у тебя есть, в случае чего позвонишь. Как вернетесь, опять такси возьмешь и доедешь до гостиницы ‘Парадигма’. Я скорее всего еще спать буду, код замка помнишь? Вот и хорошо...

Они смущенно посмотрели друг на друга. Это было первый раз за все время знакомства, когда они собирались провести столько времени порознь. И хорошо, решил Дан. Пусть привыкает потихоньку, потом легче будет...

Он поцеловал Нату в щеку, ободряюще улыбнулся.

— Все нормально?

— Да, — сказала она.

Данислав видел, очень ясно видел все одолевающие ее чувства — детская радость, что она все-таки поедет туда, куда хочет поехать, и огорчение, что они не едут вместе, и недавно зародившееся опасение: что-то меняется... Мужчины не такие, а женщины способны сразу представить все последующие отношения, решить, как оно будет дальше — короткий ли это роман или на всю жизнь, замужество, дети... Ната была уверена, что это навсегда — ‘до самой смерти, и чтоб умереть в объятиях друг друга’, — а теперь вот впервые, может, не прямо сейчас, но совсем недавно, возможно, когда они летели на острове, — впервые почувствовала, что созданная в мечтах картина неверна...

— Я тогда пойду, — сказала она.

— Но ты точно не потеряешься?

— Нет, Даник... Ну что я, по-твоему, совсем уж дурочка?

Он энергично потряс головой.

— Я так не думаю! Просто ты не привыкла еще пока...

Она ушла, а Данислав из-за ограждения смотрел, как ее прическа движется среди множества других и исчезает в дверях холла, — смотрел, охваченный иррациональным тревожным чувством, что никогда больше Нату не увидит; чувством, порожденным, конечно, правым полушарием его асимметрично работающего мозга.

Лифт напоминал обрезок стеклянной трубы, рассеченный вдоль вертикальной оси и прилипший плоской частью к направляющим штангам. Множество кабин, пущенных в этот вечер с небольшой скоростью, чтобы гости могли разглядывать то, что проползало за прозрачными покатыми колпаками, поднимались и опускались по центральному стрежню.

Данислав все еще не понимал — что такого особенного в этой общаге? Дом как дом, разве что большой... Когда холл остался внизу, он увидел другие кабины, поднимающиеся и опускающиеся вдоль стен колодца, сквозь который протянулись линии коммуникаций, узкие лесенки и длинные, растянутые на

пружинных распорках, сетки. Иногда по ним пробегало что-то призрачное, плохо различимое в тусклом свете.

Оказалось, что вечеринка по случаю открытия делится даже не на два уровня — нижний, дискотечно-молодежный, и верхний, солидно-буржуазный, — а на три. Лифт остановился примерно на середине высоты здания, и большинство пассажиров вышло. Весь этаж был занят залом, формой напоминающим хоккейную шайбу, где веселилась публика покруче, чем студенты, но пожиже, чем руководители крупных фирм. Дан кивнул сам себе: ну да, то-то он удивлялся, что слишком много солидно прикинутых господ поднимается в лифтах. Не может быть, чтобы вечеринка для VIPов состояла из полутора сотен человек.

Теперь в кабине, кроме него, остались лишь две юные дамочки в похожих платьях-сеточках и высокий мужчина, облаченный в бледно-синий, поскрипывающий при каждом движении костюмчик из креп-фольги в обтяжку. Правый зрачок мужчины казался немного светлее левого — словно два кружочка покрашенной дешевым красителем ткани, один из которых долго лежал на солнце. Стикерсмэн, вот что это значит. Средняя стадия вырождение сетчатки из-за регулярного употребление ‘лепестков’. Пассажиры о чем-то тихо разговаривали, не обращая внимания на Данислава, дамы при этом были убийственно серьезны, их спутник иногда тонко хихикал.

А кабина ползла и ползла, и только теперь Дан начал по-настоящему осознавать истинные размеры здания. Он, наконец, разобрался со структурой. Все просто: каждый этаж — вроде горизонтального колеса с широким отверстием в центре и радиальными коридорами. Кабины ездили по шахте, пронизывающей этажи; комнаты студентов, всякие столовки, кафешки, библиотечные архивы и прочее шли кольцами ближе к внешней стене, а ближе к центру располагались служебные помещения.

Одна из девиц, вскрикнув, словно раненая птица, закатила спутнику звонкую оплеуху. Голова того откинулась, он ухватился за щеку — Дан решил, что сейчас они подерутся, и на всякий случай отступил к стене — но стикерсмэн вдруг пронзительно захохотал, а вторая дама вцепилась в его локоть и тоже стала смеяться, но голосом низким, грудным.

Центральный колодец исчез из виду, кабина въехала в узкую трубу. Еще несколько этажей, и она встала. Тут же открылись двери, но не те, через которые пассажиры вошли, а на противоположной, плоской стороне.

Внутрь всунулись головы двух охранников — не бюриков, а,

судя по шлемам и остальному, сенсор-солдат корпоративного дивизиона ‘Фурнитуры’. Позади них виднелась стена очень тускло освещенного изгибающегося коридора.

— Проверка сетчатки.

Голос глухо донесся из-под шлема. Показалась рука, сжимающая сканер с овальным окошком в окружении черных резиновых губок. Юные дамы, чуть наклоняясь и отставляя попки под сеточкой платьев, по очереди приставили к сканерам лица, затем, хихикая и что-то бормоча, их примеру последовал господин.

Данислав прошел проверку, и солдат равнодушно сказал: ‘Добро пожаловать, сэр’. Экипированные, естественно, ‘Фурнитурой’, оба напоминали боевых киборгов-пингвинов из оплаченного Гринписом фильма: сегментированная ‘мягкая броня’ черно-белой окраски, сбруя, увешанная всякими специфическими прибамбасами для убиения ближнего, слоты под антенны и мини-радары на покатых, вытянутых вперед шлемах... Это были сенсолдаты, через геовэб объединенные в локальную сетку, по которой они почти мгновенно обменивались информацией, так что каждый всегда знал, что происходит с остальными — обычно такие команды состояли из трех, семи или двенадцати живых сенсоров, значит, где-то дальше находился еще как минимум один. Данислав пересек коридор, на ходу разглядев короткие пулеметные стволы под потолком, ощущая особую давящую атмосферу — где-то здесь был спрятан работающий в холостом режиме, но готовый включиться по первому сигналу охраны репрессивный генератор — сделал еще несколько шагов... Да! Вот теперь он точно попал куда хотел: на вечеринку Больших Боссов, Крутейших Среди Крутых, Главных Мудаков Планеты — на фоне плывущего волнами мутного света перед ним стоял настоящий, всамделишный аякс.

II

В первую секунду Дан даже слегка испугался: хотя клон никаких угрожающих движений не делал и вообще стоял неподвижно, выглядел он как-то очень резко, будто снятая высококлассной камерой фигура, наложенная на фон из фильма столетней давности.

В отличие от корпоративных солдатиков, аякс одет был легко, чересчур легко для того, чья главная функция — убивать, оставаясь живым. Свободные бежевые брюки из хлопка да рубашка с короткими рукавами. И оружие... никаких тебе сбруй с мега-ультра-девайсами, никаких сканеров для выявления ‘потока агрессии’. На поясе болталась короткая трубка слабенькой болевой жерди, а в правой руке был пневмоэлектрический пистолет-пулемет. Оно, конечно, штуковина мощная, способная изрыгать до двух десятков начиненных сжатым кислородом ‘злых пуль’ в секунду, но все равно — лишь скорострельный пистолет да оружие из разряда нелетального...

Но остановился Дан не только из-за аякса. Для оформления зала VIP-вечеринки наняли, как выяснилось, знаменитого дизайнера, фамилию которого Данислав не помнил, известного тем, что всем прочим видам мебели он предпочитал жидкую. Зал купался в медленно плывущем, блеклом синем свете, маломощные источники которого находились в разных местах, зачастую — под поверхностью воды, что создавало такой эффект, будто ты попал в огромный аквариум, полный мутноватой, начиненной планктонной кашей и останками водорослей жидкости, а свет льется в него снаружи, из-за толстых стеклянных стенок. Управляемая текучесть превратила отдельные водяные массивы в покатые кресла, округлые столы и изгибающиеся барные стойки — нигде ни одного прямого угла или четкой грани.

— Мы использовали тот же принцип, что и в обычных токамобилях... — голос донесся от небольшой группы людей, как раз проходивших мимо. Дан узнал того маленького подвижного человечка с неестественно-радостным личиком, который встречал гостей в аэропорту. Видимо, это был распорядитель-тамада, нанятый ЭА для мероприятия, или, быть может, какой-нибудь их штатный сотрудник из отдела внешних связей.

— Как вы знаете, токамобили работают от стандартных тесларaторов, настроенных, так сказать, в резонанс с электромагнитным полем, то есть с его колебаниями примерно в семь с половиной герц, и то же самое — в нашем Общежитии, но

только два наших тесларатора неизмеримо мощнее...

Фигуры двигались мимо вставшего под стеной Дана. Из-за плывущего света, который скользил по ним, то ярче, то тусклее высвечивая ткань костюмов и платьев, кожу и волосы, казалось, что они пульсируют, отодвигаются на несколько метров и придвигаются ближе; попеременно то истончаются, то наливаются жизненными соками, материальностью.

Данислав медленно пошел вперед, разглядывая обширное круглое углубление в центре зала. В нем маячили фигуры, парили, презрев гравитацию, как большие вялые рыбы или медленно шли по дну, покачиваясь, будто анемоны. Дан оглянулся на аякса: истукан истуканом, лишь зрачки движутся, беспрерывно сканируя зал. Переполнен убийственной взрывной энергией, готовой в любое мгновение вырваться на свободу — словно это и не человек вовсе, а дыра в форме человеческого силуэта, прореха, ведущая на объятый пожаром военный склад, заполненный цистернами и ящиками с напалмом, гексогеном, пластитом и тринитротолуолом. В поединке на свободном пространстве аяксу могла нормально противостоять только сетка из семи очень хорошо вооруженных и обученных сенсолдат, которая справлялась с ним едва-едва, теряя при этом обычно пятерых-шестерых, а иногда и не справлялась вовсе. Дюжина не успевала — мгновение, которые требовались большему количеству сенсолдат для принятия совместного решения, оказывались решающими, — ну а тройка даже не могла взять в перекрестный огонь. Правда, недавно ‘Фурнитура’ объявила, что посредством сверхширокополостных нейро-кремниевых преобразователей добилась объединение солдат не только в информационную, но и в когнитивную сеть, в общую рационально-ментальную сферу, своеобразный коллективный боевой разум, распределенный на несколько тел, и такие сенсолдаты смогут завалить аякса в каком угодно количестве свыше двух. Впрочем, Дан слышал скептические замечания о невозможности создание хорошо откалиброванной когнитивной сети — у каждого сенсолдата, как бы ни был он сосредоточен на выполнении задания, все равно будут возникать случайные, посторонние мысли, собственные интерпретации происходящего и личные ассоциации. В когнитивной сети они станут мгновенно передаваться напарникам — вроде статики, сбивающей всех с толку и нарушающей целость сенсети. Спецы ‘Фурнитуры’ утверждали, что разработали ментальный экран, вроде фильтра, пропускающего команды, но блокирующего статические мысли, однако Данислав подозревал, что это всего лишь пустая реклама.

Позади аякса в стене была едва заметная дверь. Надо

полагать, охранник караулил зашедшего в нее хозяина. Предтечей клонов стал Сури Аякасаки, знаменитый победитель всех существующих легальных и нелегальных боев чуть ли не во всех возможных единоборствах. Аякасаки имел какую-то совершенно уж запутанную родословную: не то новогвинеец японско-тайваньского происхождения, не то китаец с примесью малазийской и монгольской крови. С головой у Сури было, конечно, не в порядке, что компенсировалось небывалыми рефлексами и прочими достоинствами, необходимыми для выдающегося спортивного драчуна. Он умер на Луне, в хранилище ДНК, при странных обстоятельствах, как раз когда террористы-антиевгеники попытались это хранилище к чертовой матери взорвать. То ли Аякасаки сам участвовал в теракте, то ли случайно оказался на спутнике в неподходящее время — для широкой публики осталось загадкой. Так или иначе, его жена и дети объявили, что в их распоряжении имеются образцы тканей, компьютерная томография мозга и голограммная копия тела покойного супруга и отца, а так же его разрешение на производство клонов. С разрешением дело тоже было темным, но, в общем, ‘Аякс-трест’ существовал уже три года и распадаться не собирался: теперь около тысячи клонированных аяксов несли службу по охране как отдельных персон, так и целых объектов, и лишь то, что Трест драл за них баснословные клики, мешало клонам вытеснить все остальные частные охранные структуры.

Дверь отъехала, и в зал, поблескивая очками, вывалился пресс-секретарь ‘Силикон Индастрис’ Никита Аквидзе собственной долговязой нескладной персоной — в длинных, до колен, желтых трусах с антибактериальной трихлозановой пропиткой, и больше ни в чем.

— Дани, малыш! — качнувшись, он шагнул к Даниславу и обнял его за плечи. Никита часто ездил по делам в Тихоокеанскую империю и выучил новогвин — новогвинейский, на котором имя Данислава звучало именно так, ‘Дани’. ‘Дан’ — так оно произносилось на орьенском, языке Восточного Сознания, а по-окасски, то есть на языке Запада, Дан был ‘Данисом’. К примеру, оружие по-орьенски называется стреляло, пиаробот — рекламат, системный блок компьютера — итель, Искусственный Интеллект — разумник, модо-собачка — футурекс. А вот злая пуля, по-орьенски — зуля, на окасском называется — ебуля, от ‘evil bullet’.

— Привет, — сказал Дан.

Они были на ‘ты’, потому что Аквидзе считался другом семьи и, как подозревал Данислав, подкатывал, — возможно, безуспешно, а возможно и успешно — к матери до того, как она

вышла замуж за отца.

— Ну ты как? — слегка пошатываясь, Никита повел его вглубь зала сквозь изменчивый свет. Аякс неслышно шел за ними.

— Где твоя... а, ты ж нас так и не познакомил. Барышня твоя где?

Зал наполняли плеск, бульканье и отзвуки голосов, приходилось говорить громко.

— На экскурсию поехала.

К ним приблизилась официантка, одетая лишь в узкий короткий передник из серебристой чешуи, и плавным движением подвела к Дану поднос с бокалами, один из которых он взял.

Когда официантка повернулась и, качая задом, пошла прочь, Аквидзе попытался ущипнуть ее, но лишь мазнул пальцами по гладкой ягодице.

— А, шалавко чешуйча! — выругался он на новогвине. — Там столько силикона — не ухватить, вроде пузырь резиновый... И зачем они вообще их сюда притащили, девок этих? Для понту, точно. Тут же бокалы всякие сами собой как из-под земли вырастают... Знаешь, Дани, как они тренируются, чтоб задом мотать туда-сюда, вот как эта, сексуально чтоб так вилять им?..

Дан этого знать не хотел и промолчал, но Аквидзе все равно стал рассказывать:

— Карандаш туда всунула и голая возле стенки... Типа идет... ну так, на одном месте ноги переставляет. Потом смотрит — если карандаш на стене восьмерку... нет, эту... бесконечность если он на стене нарисовал, — значит, правильная походка. Во! — он помахал перед носом Дана длинным указательным пальцем с часиками-имплантами в ногте. — А, да ладно, бред это все. Ты где остановился, Дани?

Никите всегда была свойственна эта манера перескакивать с одной темы на другую, этакая умственная неопрятность, сумбурность.

— Гостиница какая-то, — сказал Дан. — Как ее... ‘Парадигма’.

— Пар... не слышал. Захудалая какая-то? Мотель небось... Дани! Нам всем ЭА номера в ‘Ракете’ заказало, а ты чего? Не можешь себе позволить нормальное жилье? Давай, переезжай к нам, и барышню свою захвати. Мне она в ресторане тогда на острове понравилась, и я...

— Почему ты в трусах? — перебил Данислав.

Они как раз дошли до круглого углубления, вокруг которого стояли водяные пуфики, где расположились гости. Дан узнал Проректора, главу администрации Университетов и, по сути — всего подсознания. Облаченный в черный костюм крупный седой мужчина удобно устроился на приплюснутом водяном пузыре,

вверив свое грузное тело жидкости со стабилизированным поверхностным натяжением, и разговаривал с какой-то рыжей девицей. Над Проректором, тускло поблескивая, кружилась механическая пчела-убийца, готовая вспрыснуть парализующий яд любому, от кого ощутит направленный на хозяина поток агрессии — интересно, подумал Дан, если пчела столкнется с аяксом, чья возьмет?

В Восточном Сознании персональные электронно-механические системы защиты были не так развиты, а вот в Западном они давно стали не просто популярными — модными. Когда официально вновь разрешили дуэли, в них зачастую участвовали не люди, а личные механические телохранители. Уже лет десять как возникла целая наука о защитных системах. Дана всегда это удивляло: настоящая наука под названием опсия, со своими законами, наработанной терминологией... Ему казалось, что эта наука сама себя создала, точно так же как тегименология, наука о покровах, оболочках и упаковках, или альтерософия, наука о возможных развитиях человечества — каким бы оно стало, если бы победили идеи Эдисона, а не Теслы, или герметизм в конце концов одолел бы христианство... Не получилось ли и с опсией нарушение причинно-следственных связей, как, допустим, с меметикой? Мем — воспроизводящаяся от носителя к носителю культурная единица, этакий информационный вирус. Конечно, узнав про обычные вирусы, люди не породили их — те так и были собой, и заражали людей, вне зависимости от того, знало про них человечество или нет. Но нормальные биологические вирусы жили и размножались не в созданном людьми культурно-информационном пространстве. А вот единицы информации... пока про них так не думали, не воспринимали их в качестве вирусов — они вирусами и не были. Но потом на эту тему вышли первые статьи и книги, где авторы сформулировали, что любой информационный паттерн, или культурная единица, — это вирус под названием мем, размножающийся через людей. И внедрили это свое определение в умы других ученых — то есть работы по мемам и были такими мемами, которые заразили прочие умы пониманием мемов как мемов и, собственно, создали мемы... На этом месте в своих размышлениях о меметике Данислав всегда сбивался.

При всей этой надуманности меметики имела практические следствия. К примеру, нью-лондонцы, основатели электронного Парка, населили свое детище так называемыми лозунгами, или псевдоразумными слоганами. Программисты запустили в Парк несколько саморазмножающихся, то есть спаривающихся и рождающих потомство лозунгов — «потомство» в данном случае

означало, что при взаимодействии двух программ, которые в электронном пространстве Парка имели графический вид ярких прямоугольных транспарантов с какой-нибудь энергичной фразой, появлялась третья программа, третий транспарант, где два родительских слогана каким-нибудь образом перемешивались.

Обычные мемы хранятся на жестких дисках, книгах и других носителях информации в виде спор, окуклившихся зародышей. В головах людей — и при переходе из одной головы в другую — они копируются, при этом, как правило, чуть меняясь, сращиваются, образуют саморегулирующиеся конгломераты. Нью-лондонцы решили создать искусственную эволюцию культурных единиц, и самой естественной средой для этого оказалась Сеть. Достаточно было запрограммировать алгоритмы, заставляющие мемы совокупляться и рожать потомство. Самовоспроизводящиеся слоганы последнего поколения уже ничего не рекламировали (изначально нью-лондовцы делали лозунги по заказу ТАГ), но оделяли реципиентов, то есть тех, кто на них смотрел, либо какой-то бессмыслицей, либо странными фразами, в которых каждый видел свой смысл. Хотя в базовую программу всех лозунгов ввели огромный толковый словарь, просто чтобы они не создавали семантических структур вроде «абшибузука генстроар полторав», многочисленные безумные надписи, то и дело возникающие посреди деревьев, так раздражали желающих прогуляться по Парку, что в конце концов владевший им Геофонд поставил вопрос об уничтожении всех лозунгов. Ко всему прочему, те переговаривались между собой музыкальными фразами, где простейшие ноты выполняли функцию букв, а элементарные мелодичные наборы — слов, так что с некоторых пор Парк стал довольно шумным местом. Нью-лондонцы возражали Геофонду: по их словам, тут имела место всамделишная информационная эволюция, инфолюция — слово, в сознании Данислава путавшееся с поллюцией и инфлюэнцей — уничтожать которую преступно. Комиссия Геофонда ответила на это, что лозунги бездушны и если их уничтожить, боли не ощутят.

Нью-лондонцы предложили представителям комиссии самим попробовать «убить» хотя бы одного. Программу, в Парке имеющую вид ружья, быстро склепали, дважды скопировали, и трое членов комиссии отправились на охоту. Тут выяснилось, что в лозунгах прошита система самосохранения, которая заставляла их убегать, подобно трепетным ланям, как только на опушке появлялись аватары охотников с ружьями. Когда одного из них все же подстрелили, он стал издавать такие жалобные звуки — то есть заиграл очень тоскливую, душевную музыку — что члены

комиссии почувствовали себя вивисекторами. В конце концов была создана Музыкальная Поляна: небольшая, в сравнении с Парком, она расположилась позади диких секторов. Все лозунги постепенно отловили и переселили туда.

— Как в трусах... — Аквидзе с легким удивлением оглядел себя. — Ты гляди, точно! Где ж я все оста... — он обернулся, шевеля бровями. — А! Я ж в сортир ходил. Душ там. Представляешь, там магия какая-то, все само собой вырастает... Танцевали мы. Решил гель смыть. Хотя он к коже не пристает, нет. И еще, во, смотри... — Аквидзе поднял валяющийся на полу бокал и со всех сил швырнул его обратно.

Стекло треснуло, бокал распался на большие куски с белыми крошащимися краями.

— Ну и что? — спросил Дан.

— Ты гляди, гляди.

Вдруг все осколки одновременно погрузились в пол: раз — и нету их, канули, словно свинцовые гири в воде...

Дан присел на корточки, провел по полу ладонью. Ничего необычного... Он заглянул в бассейн. Вроде большой чаши, полной желтоватой субстанции. Несколько фигур парили, будто лягушки в хороводе, смешно двигая конечностями, другие ходила по далекому дну, расположенному где-то на уровне следующего снизу этажа.

— Он кислородосодержащий? — спросил Данислав, поднимая лицо к Аквидзе, который с преувеличенной осторожностью пьяного пытался усесться в пронизанное изумрудным мерцанием кресло. — А звук? Как же они танцуют, разве оно звуковые волны проводит?

— А! — сказал Аквидзе, пыхтя и оттопыривая зад. — Там звуки потрогать можно, такие они медленные, глухие. Не, мы с наушниками. Синхрози... Синхро-низировал мелодию с партнершей, да и пляшешь...

Аякс неподвижно стоял позади кресла, только зрачками двигал. И молчал. Всем клонам сразу после рождения в инкубаторе выжигали речевой центр, да еще и ампутировали языки. Никита решился, наконец, на крайние меры и плюхнулся в кресло, обрушившись на него всем своим длинным, слегка уже заплывшим, но все еще жилистым телом. И кресло, натурально, не выдержало — прорвалось, но не так, как рвется, допустим, туго набитая подушка, а целиком, то есть просто вдруг исчезло, взорвавшись мириадами водяных пылинок.

— А-а... — выдохнул Аквидзе, мягко съезжая по гладкому полу и переваливаясь через край бассейна.

Дан машинально попытался ухватить Никиту за плечо, но в последний момент отдернул руку, испугавшись, чтобы аякс не прострелил ему голову летящей со скоростью две тысячи метров в секунду зулей. Аквидзе упал на спину, разбросав руки и ноги, несколько секунд лежал на поверхности, потом, отчетливо сказав: ‘И зачем мылся?’ — стал медленно погружаться в гель. Когда над поверхностью остались только лицо и грудь, он подмигнул Дану, перевернулся и поплыл вниз, по-жабьи загребая руками и ногами. Мгновение спустя будто живая торпеда пронеслась мимо — аякс нырнул за хозяином.

Данислав выпрямился. Звучали голоса, смех, бульканье, все это приглушенное, как бы смиксованное в сумбурную звуковую дорожку, гулкую хаотичную музыку, так что трудно различить отдельные слова или источники звуков. Большая часть гостей была еще одета, но некоторые уже голые. Под стеной, едва различимая в световой мути, на водяной стойке бара лежала официантка и дрыгала ногами, а над ней склонился какой-то VIP. Хорошо, что Ната на экскурсию уехала, ей бы здесь точно не понравилось, решил Дан.

Тут у него кольнуло под правым ухом — раз, два, три — короткие слабые уколы. Между диванами, креслами и телами Данислав направился в ту сторону, откуда пришел. Искры, пронизывающие водные конгломераты, изумрудом мерцали со всех сторон, глаза от этого уже начали болеть; Дан прищурился, глядя прямо перед собой, стараясь лишь не наступить на кого-нибудь. Когда он приблизился к двери, та сама собой раскрылась, включился свет.

Он удивленно оглядел просторное помещение — здесь не было ни единого предмета мебели, ни душа, ни унитаза… Что за сортир без унитаза? Данислав растерянно шагнул вперед, дверь закрылась…

Нет, такого он не ожидал. Пол не разъезжался, ничего не выдвигалось из скрытых в стенах ниш: унитаз вдруг вырос сам собой, как какой-то гриб-мутант необычной формы, вспух, на глазах разрастаясь, и замер во всей своей белоснежной фарфоровой красе. Дан, несмело шагнув к нему, потрогал холодную поверхность, чтобы удостовериться, не голограмма ли это. А вокруг уже все шевелилось, из стены прорастала душевая кабина, рядом вытягивались крючки с полотенцами. Дан заморгал, когда позади возник стул. Вот это да! Он осторожно сел… нормальный, твердый, не какая-нибудь вода.

Данислав устроился поудобнее, положил ноги на унитаз и раскрыл кармашек на ремне. Хард имплантировали, конечно, под наркозом, и он до сих пор не знал, где в его теле прячется

основной чипсет, хотя подозревал, что все сосредоточено в районе плеч и лопаток. Он надел телемонокль и подключился.

Оказывается, слова Дана насчет неуместности бурнуса на ниндзя Раппопорт принял к сведению: теперь он предстал в простом черном кимоно, и даже без идиотской катаны за спиной.

‘Вомбат локализован, — объявил Раппопорт. — Он внизу сервера.’

‘Чего?’ — изумился Дан.

Шеф надолго замолк и потом сказал:

‘Затруднительно менять терминологию, комментируя программные и физические аспекты происходящего. В геовэбе сенсация. Из ниоткуда появилась огромная сложная Программа, в своем графическом аспекте имеющая вид башни. Мои люди изучили вопрос: это Общежитие. Архитектоника электронного Общежития повторяет его материальную конструкцию. Набор сложных сервисов и драйверов...’

‘Где? — перебил Дан, оглядывая фрактальную равнину. — Я ничего не вижу.’

‘Мы же в секторе Континентпола. Программа появилась на уровне Парка. Каким-то образом она контролирует все перемещения и действия любого попавшего внутрь человека.’

‘Но это невозможно! Здесь же сейчас тысячи людей. И они двигаются хаотично...’

‘Именно так. Мы работаем над этим.’

‘Работаете... Ладно, а физически это что означает? Как Общежитие следит за гостями? Через видеокамеры, что ли?’

‘Мы полагаем, система феромонов и их уловителей. Уловителями пронизано все здание, феромонные метки ставятся на любом посетителе, когда он входит внутрь. Кроме того, помимо обычных сенсоров, на входе установлена новая антитеррористическая система нейтронно-радиационного обнаружения взрывчатых веществ.’

‘И что произойдет с террористом, если его обнаружат?’

‘Мы не можем понять. Общежитие наполовину состоит из мощного антивирусного сервиса. Вроде муравейника — напичкана множеством полуавтономных подпрограмм.’

‘Физически, я говорю! Какие подпрограммы?!’

‘Мы работаем над этим.’ — сказал Раппопорт.

‘Ясно. У них тут, между прочим, мистика какая-то. Я в туалет зашел... унитаз, душ — все само собой из пола вырастает.’

‘Вот как... — заинтересовался шеф. — Это подтверждает наше предварительное мнение об использовании модулей на основе свертков пленки из крошки пиролетического графита с неизвестным нам связывающим веществом. Возможно, стены и

потолки полые, и по арматуре... Мы изучим этот вопрос. Пока что необходимо помнить: каждый гость находится под постоянным наблюдением.'

Данислав с подозрением огляделся, позабыв про то, что он в геосети.

'Но я не заметил никаких...'

'Мы пока изучаем структуру защиты, — повторил Раппопорт. — Сейчас необходимо спуститься в подвальный этаж.'

'Это где дискотека?'

'Да. По нашим сведениям, разогревающий механический оркестр вот-вот закончит выступление. Заг Космо уже прибыл. Количество гостей все еще увеличивается. Спускайтесь туда, потом трудно станет физически пробраться сквозь толпу. Слева... Справа от сцены дверь. Необходимо войти. Как только мы сможем распознать способ контроля над гостями — выявим вас и попытаемся помочь. Точная локализация Вомбата уточняется. Ждите сигнала.'

Покинув туалет, Дан на прощание окинул взглядом водяной зал. Подростковое презрение к 'этим взрослым' напополам с приступом снобизма охватили его. Ну вас на хер, господа! Ведь я всех вас знаю. На такую группу персон, десятка три, статистически должно прийтись несколько хороших людей. Но не сейчас. Единственный среди вас приличный — Никита, и тот — гнида. А вы все — эгоистичные властолюбцы с развращенными мозгами!

Дан миновал охранников, вошел в кабину, подумал-подумал — и коснулся среднего сенсора. Нечего торопиться, подождут...

Двери закрылись, кабина мягко и беззвучно поехала вниз. Поплыли пустые площадки, стены, перила, лестницы... Спустя несколько секунд, преодолев этажей десять, кабина остановилась. На этот раз открылись не те двери, через которые Дан попал в нее, — разъехались створки покатого колпака на противоположной стороне. Шагнув наружу, он оказался на хорошо освещенной кольцевой площадке.

Данислав медленно пошел вдоль закругленной стены, разглядывая одинаковые двери. Он попал в пространство между двумя скоплениями людей: далеко вверху и далеко внизу стоял шум и толпились посетители, но здесь было тихо и пусто... и странно — им вдруг овладело то ощущение, какое держалось обычно в течение примерно минуты после выхода из геовэба. Дан остановился, слушая неестественную тишину, полную тишайшего поскрипывания, шелеста. Что такое? Призрачные звуки, невозможно понять, слышит он их в действительности, или это

поскрипывает и шелестит его воображение. Стены бежевые и как будто шероховатые. Что-то такое они излучали, вроде как чуть пульсировали энергией: слабые волны не то мельчайшей вибрации, не то вообще не пойми чего пронизывали пространство.

Он шагнул к стене, пригляделся: едва заметные стеклистые расплющенные волокна… или сгустки… или пленочки… что-то похожее иногда плавает на глазных яблоках. Осторожно прикоснулся к поверхности кончиками пальцев, сам не понимая, чего ждет, то ли удара током, то ли того, что в стене откроется вдруг злобный зубастый рот и отхватит руку по самую шею.

Стена теплая и совершенно гладкая. Как зеркало. И скользкая. И никаких пупырышек, никакой ощутимой текстуры. И шелест, тишайший шелест расходится концентрической зыбью, пульсирует, закручивается коловоротами…

— Твою мать… — сказал Данислав, пытаясь разорвать тишину. Жуть волнами изливалась из стен, интерферировала, порождая мерцающие звуковые сгустки.

Повернувшись, он направился к лифту, — чья кабина так и стояла с раскрытыми дверями, — медленно переставляя ноги, не оглядываясь, чтобы не увидеть тех кошмарных созданий, что, высунувшись из стен, следили за ним и ждали: не обернется, так пусть идет, а обернется, заметит их, раскроет тайну — тогда прыгнуть следом, наброситься, откусить голову, выпить кровь, сожрать кишки. Вошел в кабину, все еще стоя спиной к коридору, нажал на кнопку и лишь после того как этаж остался далеко вверху, обернулся.

В холле народу не осталось, только у входа отдыхали бюрики. Вербальные фильтры глушили звук, но музыка все равно прорывалась снизу, сквозь проход на противоположной от центральных дверей стороне. Дан стал спускаться по широкому ребристому пандусу, словно по раздвижной аппарели приземлившегося милитари-острова, из которого обычно выкатываются стотонные бронебашни и ракетные установки класса ‘земля-орбита’. Вновь заколoло под ухом. Ругнувшись, он огляделся, отошел к стене, присел под ней и достал монокль.

Все та же круглая фрактальная долина и мелкая пыль, завивающаяся струйками над разноцветными кругами, треугольниками и квадратами. Одиноко тут, печально — могли бы и повеселее свой сектор оформить.

Вместо ниндзя на облачке стояла Джоконда. Да Винчи перевернулся бы в гробу: эти озабоченные козлы, — возможно, хорошие программисты, но начисто лишенные художественного чутья, — присобачили к ней тело порномодели с сиськами в

десять литров каждая. Пару раз Дан уже сталкивался с этой прогой, но раньше она имела более пристойный интерфейс, просто говорящий портрет Моны Лизы в золотой раме. Ее появление означало, что Раппопорт занят и не может выйти на связь.

Она разинула рот и заговорила хрипловатым, лишенным интонаций голосом:

‘Частично распознаны принципы работы Программы. Под каждого посетителя открывается база данных: досье на любого попавшего внутрь, где хранятся идентификационные сведения. При помощи феромонных меток мониторятся все перемещения и действия, они хранятся в другой базе данных. Любое перемещение или взаимодействие между гостями соответствует запросу-ответу между конкретными базами.’

‘Охренеть! — сказал Дан. — Что еще?’

‘Если гость хочет нанести зданию вред, Программа идентифицирует его как вредоносную резидентную программу. Если несколько гостей, вошедших внутрь, окажутся группой террористов, Программа идентифицирует их как конгломерат работающих сообща вирусов.’

‘И что будет?’

‘Особенности антивирусного сервиса все еще выясняются. Полагаем, при помощи полуавтономных подпрограмм вирусный файл будет помещен в карантин.’

‘Что это значит? Физически!’

Эти гады еще и анимацию использовали, взяв за основу какой-то видеофайл с порнухой или стриптизом — Джоконда, бессмысленно улыбаясь, чуть присела, разведя коленки, выпрямилась и сделал круговое движение бедрами, будто призывая невидимого партнера — в данном случае получалось, что Дана — немедленно залезть на нее и приступить к делу. Видимо, скрипт включался, когда программа автономно не могла ответить и посылала запрос к человеку-программисту, сидящему сейчас где-то в бункере на платформе посреди пролива Дрейка, где, насколько знал Данислав, у Раппопорта была основная база. Запрос-то шел почти мгновенно, но программеру ведь надо обдумать ответ, а после произнести его в микрофон компа, да потом еще Джоконда должна включить его в свои каталоги, чтобы при возникновении в будущем аналогичных задач вновь не обращаться с запросом...

Она сказала:

‘Файл-террорист будет заключен в одну из карантинных папок с ограниченными атрибутами доступа. Запрет на чтение и запись.’

‘Физически, я сказал!’ — повторил Данислав, все больше раздражаясь.

Вновь пауза. Джоконда лыбилась, блестя зубами.

‘Материальное тело будет обездвижено и помещено в тюремную кладовую. Судя по всему, это небольшие ячейки по типу сот, расположенные на каждом седьмом этаже.’

‘Обездвижен… а если он станет сопротивляться?’

‘Резидент будет стерт.’

‘Стерт… Убит? Этими антивирусными подпрограммами? Но кто они? Где?’

‘Мы работаем над этим.’ — сказала Джаконда.

‘Чтоб ты сдохла!’ — с чувством произнес он.

Джаконда откинула голову, выпятив груди так, что Дану показалось: сейчас они отвалятся и желтыми резиновыми шарами запрыгают по фрактальной равнине. Согнув руки и по-особому переплетя ноги, она крутанулась вокруг оси, словно стриптизерша вокруг невидимого шеста, затем выпрямилась, вновь стоя лицом к Даниславу.

‘Необходимо создание цепочки запросов-ответов между базой данных ‘Данислав Серба’ и базой данных ‘Вомбат’. ‘Вомбат’ включен в Программу по статусу модуля с большой степенью автономности.’

Дан удивился:

‘Он что, на две стороны работает? На этих дерекламистов — и на Общежитие… На ЭА, то есть?’

‘Таков вывод, — согласилась прога. — Физически — продолжайте движение вниз. Хотя количество запросов-ответов в глобальной базе данных продолжают наращиваться по экспоненте, количество вновь открываемых персональных баз данных недавно зафиксировалось. Физически: прибывшие гости взаимодействуют между собой, но новые уже не прибывают. Это поможет нам распознать вашу персональную базу данных. Как только она будет идентифицирована, мы станем мониторить возникающие запросы-ответы и перекрестные ссылки.’

Потом она стала пропадать — не уплывать, как аватара Раппопорта, а медленно растворяться. Первыми стерлись текстуры ног и рук, затем лобок, плечи, волосы — несколько мгновений перед Даном висели две груди с ярко-розовыми сосками и чеширская улыбка, будто картина возбужденного сюрреалиста. Дан выпрямился, когда все это исчезло полностью. Он рисовать не умел, и для него аватару склепали штатные программеры Раппопорта. Сам себя Данислав увидеть не мог, только руки. Как в некоторых игрушках-шутерах Парка, когда бежишь по коридорам и палишь во всякую нечисть, постоянно

видя перед собой свои запястья и пальцы, сжимающие шотган, или ракетницу, или древний калаш, но глянешь вниз — а тебя-то и нету, ни ног, ни поясницы, ничего; хотя если на уровне имеется зеркало и ты к нему подойдешь — оно твою аватару отразит. Данислав однажды специально забрался в одну из онлайн-игр и разглядел свое отражение в озере. Программисты схалтурили: из пиксельных шейдеров озера на него глянул какой-то хилый небрежно прорисованный чувак в сросшихся в одно целое пиджаке и брюках цвета хаки.

Дискотечный зал Общежития представлял собою шар со стеклянным полом, сквозь который видна была нижняя часть, заполненная водой. В графической модели здания в геовэбе это отображалось, наверное, так:

Шум здесь стоял, как на космодроме при взлете устаревшего ракетоносителя. Десятка два разноцветных софитов облаком висели под круглым сводом, а ниже над толпой носилось множество ребристых шаров — стробоскопов, из-за которых все становилось рябым, и пространство наполняла особая кислотная крапчатость, которую Дан не переносил. Когда по толпе прокатывались лучи софитов, люминесцентные блестки, усеивающие волосы, кожу и одежду, посылали во все стороны иглы света. Круглая плоская платформа — окруженная аэрационным пологом сцена, на которую только что вышел Загертоид Космо, — плавала низко над полом. Справа? Справа от сцены? Где тут ‘справа’?! Дан выругался, и сам своего голоса не услышал: зал восторженно взвыл, когда знаменитый рокер, детина под два метра ростом, с белыми волосами до ягодиц, облаченный лишь в клетчатую шотландскую юбку, босой, с динамической татуировкой, да еще и стимулированной — ярко горящие линии аж сновали по худому торсу — взмахнул руками и взревел, и скрытые динамики усилили голос так, что тот заметался, будто дубинка, над толпой, обрушиваясь на головы и стены:

— Слушай мелодию моего тела!

Ответом был рев, от мощи которого закачались стробоскопы. Позади Космо трое музыкантов, а по сути — техников, образующих вместе с Загом рок-группу ‘Ретикулярная формация’, заканчивали настраивать аппаратуру. Заг стоял, широко расставив ноги и разведя руки в стороны, выгнувшись, подняв голову — взгляд устремлен над головами, в даль, которая, несомненно, открыта взорам лишь тех, кто лабает истинный резо-рок.

— Влейся в гармонию моей крови!!

Дан пошел вдоль стены, пробираясь между разгоряченными — а что с ними станет, когда Космо возьмется за дело? — телами, в основном юными, от четырнадцати до двадцати. Под ногами вдруг что-то мелькнуло, он вздрогнул, пригляделся: в полутьме за стеклянным полом плавали крупные рыбы, тенями сновали в жидких сумерках.

Космо, не оборачиваясь, отвел руку назад, повернул ладонь горизонтально, и подошедший техник вложил в нее что-то вроде большой канцелярской кнопки: круглую липкую пластинку микрофона с торчащей из центра мономолекулярной иглой.

— Покорись ритму моего сердца!!!

Он с размаху нашлепнул микрофон на левую половину груди, и колонки наполнили зал быстрым стуком сокращающейся сердечной мышцы. И сразу же, повинуясь звуковому сигналу, облако софитов под сводом распалось, одни застыли, другие стали отплывать на своих гравитационных пузырях, третьи задергались в такт ударам: включилась цветоустановка. Космо поставил второй микрофон, журчание разогретой крови наполнило зал — оно не являлось мелодией в прямом смысле слова, но это была основа, фундамент для музыки плоти, и когда Заг, всадив третий микрофон, подхватил лежащую у ног магнитную гитару и ударил по изогнутым струнам, все это действительно превратилось в музыку: злую, бесовскую, но все же гармоничную. Визг струн наложился на журчание, барабанный стук сердца, кишечно-желудочное бульканье и причмокивание, и один из двух главных хитов ‘Ретикулярной формации’ — ‘Плоть&Кровь’, огласил зал ревущими децибелами.

Дан вышел из ступора, когда Космо запел. Здесь собрались не только студенты… собственно, не столько студенты, сколько мелкие служащие из городских контор, аэропорта, струнно-транспортной системы, всякая обслуга, юные жители городской окраины… Подростки дергались — это называлось трансовать — входить в транс, — совмещая свои ритмы с ритмом резо-рока: достигать резонанса с ним, балдеть, тащиться и отрываться по полной. Такую музыку — но релаксирующую, расслабляющую, а не возбуждающую — открыли лет сто назад, да только технологии с тех пор шагнули далеко. Что-то там происходило с ритмами мозга, когда-то Раппопорт сбросил Дану информацию об этом, но тот успел позабыть: альфы перепутывались с дельтами, а гаммы накладывались на теты… Резо-рок долотом врубался в префронтальную область лобной коры, и та судорожными вспышками откликалась на каждую ноту; мозги слушателей вскипали эндорфинами, взрывались гроздьями нейромедиаторов; змеиными хвостами извивались аксоны, и, будто железные

калитки, со стуком захлопывались и распахивались синапсы.

Дан взглянул на софиты. Одни дергались в ритме сердца, другие посылали волнообразные красные лучи, создавая световой аналог журчащей крови, третьи кружились, вычерчивая на полу и сводах сияющие кольца, четвертые пульсировали пузырями света. Все это было жутко, примитивно и тупо. Там, наверху, среди элиты, ему плохо, здесь, внизу, среди плебса — ему не лучше. Куда податься? Пивные и рестораны... Он всегда лукавил, когда говорил это Калему: в ресторанах было противно, но и в пивных тоже хреново, слишком грязно и грубо, и люди везде... Он презирал тех, но и этих он тоже презирал, и боялся их всех. Так где место для него самого? Посередине? — но там скучнее всего, вверху и внизу хоть попадаются колоритные, яркие мерзавцы, а посередине, в среде нормальных обывателей, все очень серо, и тускло, и мертвенно. И что вообще у него за жизнь, для чего это все? Какой-то сумрачный лес кругом, и пути нет, ни вперед, ни назад, как же он попал сюда, в какой момент жизни начал плутать, кружиться без толку — и очутился здесь, и теперь нет ни цели, ни смысла, ни интереса... А ведь сам виноват, сам — виноват тем, что старался не вмешиваться, не принимать к сердцу, не замечать, не углубляться и не усугублять — скользил по краю, по кругу, страшась сделать шаг в сторону, чтобы не увидеть то жуткое, что живет на ином пласте реальности, в середине круга отрешенного цинизма, по которому он медленно кружился всю жизнь... Да и что за мысли лезут в голову! Это все влияние музыки... Чем Космо ширяется перед концертом, что способен выдавать такое, заморчком, что ли?

Резо-рок действовал на Дана не так, как на остальных. Его вдруг посетил странный глюк: окружающие люди представились перед мысленным взором в виде обезличенных баз данных, набора файлов в обширной библиотеке, и каждое случайное прикосновение горячих тел, каждый поцелуй в засос под ядерным светом, каждый окрик сквозь рев музыки — запросами-ответами, выстреливающими от одного ярлыка к другому пунктирными стрелками, механическим движением неживых ярлыков в голографическом объемном мониторе...

Круглая сцена плыла в полуметре над стеклянным полом, расталкивая танцующих мягким прорезиненным краем. Кое-кто пытался влезть на нее, но не мог преодолеть аэрационный полог и падал обратно, спиной в толпу. Прижавшись к стене, Дан присел на корточки, глядя вниз: странные рыбы, наверное, мутация какая-нибудь — скорее всего не случайная, но целенаправленная — сновали из стороны в сторону, иногда переворачиваясь пухлыми синеватыми брюхами кверху,

описывали круги, опускались к невидимому дну или всплывали, глядя выпуклыми инопланетянскими очами... Боже, да они танцуют! Его передернуло, и к горлу подступила тошнота. Здоровенная рыба с умными глазами, выплывающая из темно-зеленых глубин, касающаяся его холодными губами, иногда просто целующая, а иногда утягивающая на дно, в липкие сумерки, полные непонятного движения, чуждой жизни, — это был его персональный кошмар, повторяющийся не часто, но регулярно, из-за которого он всегда просыпался в холодном поту, вскрикивал, чуть не подскакивал над кроватью, и Ната, конечно, сразу тоже просыпавшаяся, долго потом успокаивала его, гладя по груди и плечам и шепча на ухо что-то нежно-бессмысленное.

Кольнуло за правым ухом. Дан зажмурился, встал, не обращая внимания на толчки, сделал несколько шагов вдоль стены, открыл глаза... дверь. Вот она, прямоугольная и узкая, огороженная высоким, по плечи, кольцом из металлических труб, с проходом, за которым на полу сидит охранник-бюрик.

Пожилой мужик, сложив ноги по-турецки, обеими руками держал рукоятку болевой жерди, чуть покачиваясь — не в ритме резо-рока, но подчиняюсь своему личному, пульсирующему сейчас в его голове, от глазного нерва и до мозжечка, ритму. На правый зрачок был наклеен стикерс: круглый полупрозрачный лепесток. Та это дверь или не та? А что если в зале имеются другие... Вновь легкие уколы за ухом. Да слышу я! Вы там совсем охренели, вдруг у меня нет сейчас возможности выйти на связь? Он оглянулся. Танцевал весь зал, слаженно, как не должно быть, если в пляске участвует столько народа. Тела, пусть не абсолютно, но повторяли движения того тела, что скакало по круглой сцене: резо-рок передавал слушателям послания из одного источника, будто Заг Космо, защищенный аэрационным пологом, был лаборантом, облаченным в костюм, который снимал электрические импульсы, шедшие на мышцы Зага через спинной мозг, а все остальные в зале — лишь копирующими его движения антропоморфными манипуляторами, погруженными в агрессивную кислотную среду из ядовитого света и разъедающей органику музыки.

Опять кольнуло за ухом. Дан попятился, спиной протиснувшись между трубами, повернулся: стикерсмэн сел так, чтобы лицезреть проход и шугануть болевой жердью любого, кто попытается сунуться, но теперь он ничего не видел и не слышал, вернее, видел и слышал, но переломленное, измененное до неузнаваемости гормональным лепестком на глазу. Дан подергал плоскую ручку — заперта дверь. Что и требовалось доказать. Ясное дело, зачем же ее станут держать откры... тут она сама

собой мягко отъехала в сторону, показав короткую лесенку и коридор. Дан вошел, дверь закрылась, и музыка сразу стала на два порядка тише.

За ухом кололо беспрерывно. Дан оглядел пустой короткий коридор, открытую дверь, освещенное помещение за ней. Уже привычным движением уселся под стеной и достал девайсы.

Голос Джоконды изменился. Словно на синтезаторе скопировали обычный мужской басок — теперь в ее речи присутствовали нормальные человеческие интонации, но в тоже время он звучал с металлическим призвоном. Да еще и картавил.

‘Происходит нечто странное.’

‘Да ну? — откликнулся Данислав. — Информационная наполненность данного сообщения стремится к нулю. Нечто странное происходит с самого начала, как я сюда попал. Так в чем дело? И это вы открыли дверь?’

‘Дверь… да, мы. Судя по всему, Кибервомбат работает на две стороны. Он отличается…’

‘Кибервомбат? — перебил Дан. — Что это значит? С кем я говорю?’

‘Я — человек, — объявила Джоконда. — Позже программа вновь будет переведена в полуавтономный режим. Новый ник дан в связи с высокой степенью вероятности киборгизации физического тела индивидуума, на которого в Программе открыта база данных ‘Вомбат’… Что я сейчас сказал? Не перебивайте, Серба! Я запутаюсь. Так… Кибервомбат имеет развитые хакерские таланты, ЭА наняла его для обеспечения функционирования отдельных, еще до конца не притертых элементов системы Программа/Общежитие на время вечеринки. С другой стороны, мы с большой вероятностью констатируем: Кибервомбат действует в интересах дерекламистов. Двигайтесь к нижней области Общежития’.

‘Это что за нижняя область?’

Джоконда надолго замолчала. На этот раз никакие скрипты не включались, она окаменела: за тысячи километров отсюда в бункере океанской платформы программист просто думал.

‘Общежитие имеет обширную подземную часть, где начинается сложная система коммуникаций. Дойдите до автопрачечной. Спешите’

‘Я хочу посмотреть на программу Общежития.’ — строптиво заявил Данислав.

‘Зачем? Мы потеряем время…’

‘Минуту? Две? С места не сдвинусь, пока не увижу, ясно вам?’

Аватара мигнула: человек отключил прямую связь, и прога

вернулась в полуавтономный режим. Джоконда ладонями снизу подперла свои груди, приподняла их, при этом переступая длинными гладкими ногами, будто танцуя. Скрипт оказался коротким, да еще и закольцованным: в какой-то момент она дернулась всем телом и начала в точности повторять все то, что недавно проделала. Потом заработал транспортный алгоритм, скрипт тут же отключился. Джоконда взяла Дана за руку — тактильно он это никак не ощутил, просто увидел, что ее тонкие пальцы с ярко-красными ногтями сжали его грубо прорисованное запястье, где рукав пиджака заменял кожу. Сегменты фрактала разъехались симметричными треугольными лепестками, и аватары стали стремительно падать.

Поверхность огромного голубого шара открылась под ними. Секретный сервер Континентпола превратился в зеркальную шляпку гриба, застывшую далеко вверху, почти возле круглой клетки из белых линий, охватывающих шар. Вокруг сервера материализовавшимися орбитами кружились два утыканных иглами кольца антивирусного сервиса.

Когда-то тендер на оформление выиграли дизайнеры независимой арт-группы Нью-Лондона, и теперь освоенная часть геовэба имела вид огромного Парка, где цивилизованного, а где и дикого. Хорошо прописанный алгоритм заставлял кроны деревьев, кустарник и траву то волноваться под порывами несуществующего ветра, то застывать; краски были густыми, сочными, шейдеров не пожалели, и сверху это напоминало блестящее масляное море.

Было здесь и здание Континентпола — параллелепипед красного мрамора, их официальный сервер. ‘Вверху’, где висела фрактальная долина, строить нельзя, но у Континентпола имелась какая-то компрометирующая инфа на тех, кто когда-то создал базовый протокол 7/83, да и на нью-лондовцев тоже — потому в программах Парка осталась дырка, позволившая спецам Континентпола обойти запрет. Данислав подозревал, что где-то там плавает и несколько других подобных секретных образований, хотя ни одного ни разу не видел.

Постройки были разбросаны по всему Парку. Тут уж старались штатные программисты и дизайнеры арендаторов. Контролировавший Парк фонд ‘Геосеть’, чьи полномочия в юридических документах определялись как ‘ограниченное владение’, собирал клики за аренду электронного пространства и содержал на них штат людей, которые поддерживали программный порядок и обновляли графику. Левитировать без соответствующих программ не то чтобы запрещалось, но считалось постыдным лузерством. Пока они приближались к

деревьям, Дан заметил несколько воздушных катеров. В порядке оплаты за разработку базовой программы Парка нью-лондонцам предоставили эксклюзивное право на создание летательных средств передвижения. Лондонцы организовали дочернюю фирму ‘Леталка LTD’ и теперь бойко торговали всякими вертолетиками, глайдерами, флаерами, аэростатами и прочим. Созданием прог для наземного транспорта занимались ‘Майкрософт’, ‘Электрикум Арт’ и одно из подразделений ‘Фурнитуры’.

В этот раз люди Раппопорта решили пренебречь приличиями. Джоконда и Дан понеслись на бреющем полете — под ними тянулся центральный, застроенный в первую очередь сектор Парка. Красная громада Континентпола стояла посреди расчищенного от деревьев участка в окружении плоских геометрических фигур из пешеходных дорожек, газонов и клумб. Здесь царил порядок, но дальше, за кованой оградой, речушкой с мостом-аркой и засеянным березами квадратом общественного сектора, начался огромный район ‘Электрикум Арт’. В глазах зарябило от разномастных построек и летательных средств. Над сектором ЭА в разное время трудилось множество программистов, каждый со своими эстетическими воззрениями, в результате чего эклектика победила эстетику — повалила, избила до смерти и втоптала в почву Парка. Здесь имелось здание в форме креста с пористыми, вроде пенопласта, текстурами стен, огромные юрты из стекла, лаборатории — будто ряд застывших цунами, и все это соединяли перепутанные дорожки, причем некоторые стелились по земле, а некоторые висели над ней. Между дорожками сновали аватары — и пешие, и верхом, и на леталках нью-лондовцев. Проги наземного транспорта своим служащим ЭА продавало по себестоимости, к тому же, считалось патриотичным пользоваться ‘родным’ софтом. Оформляли их дизайнеры, раньше занятые главным образом в игровом и анимационном бизнесе: Данислав видел под собой то аватар на игрушечных динозавриках, то лупоглазые, ярко раскрашенные ‘живые’ машинки, то трехколесные велосипеды.

Транспортные проги ‘Майкрософта’ отличались футуристическим дизайном, а ‘Фурнитура’ специализировалась на исторических моделях — делала всякие дымящие паровозы, автомобили внутреннего сгорания, кареты и телеги.

Мимо шли великаны в шкурах, на плечах которых сидели аватары, иногда проезжали тарелки зеленых человечков из детского сериала ‘Инопланетяне-затейники’. Фонд неоднократно поднимал вопрос о том, чтобы принудить ‘Электрикум Арт’ навести порядок на своей территории, но всякий раз контрольная комиссия, состоящая на пятнадцать процентов из представителей

ЭА, предложение отклоняла.

Хорошо, хоть лозунгов теперь не видно — раньше между деревьями так и сновали псевдоразумные слоганы, но теперь их переселили на огороженную Музыкальную Поляну.

Здание ‘Турбо-Аэро-Гидро’ — большой остров с железными башнями отделов и филиалов, покачивающийся невысоко над сектором ТАГ, — осталось позади. Эта корпорация продвинулась дальше всех в использовании геовэба: Дан слышал, что многие отделы полностью перешли на работу в Сети. То есть приходишь с утра на службу, садишься в гнездо наподобие тех, которыми оснащены челомобили, надеваешь навороченный монокль и весь рабочий день проводишь в геовэбе, а вечером выбираешься из гнезда, делаешь зарядку, чтобы размять спину, и топаешь домой.

Когда они миновали стальной полумесяц ‘Фурнитуры’, потянулись маленькие участки, отданные под домики небольших независимых фирм и частных лиц, желающих иметь недвижимость в Сети. Вокруг обжитых секторов между деревьями и кустарниками тянулись тропинки, где иногда мелькали пешие аватары. До окраины Парка было еще далеко, но местность становилась все менее цивилизованной, застройки перемежались участками дикой природы — там, вроде бы, даже звери водились, автономные боты с ограниченными поведенческими параметрами. Мелькнул купол игрового сектора, под входом которого толпились аватары тех, кто желал побегать в каком-нибудь шутере, погонять на карах или погрузиться в эротический квест. ‘Смотрите’ — произнесла Джоконда прежним лишенным интонаций хрипловатым голоском, одновременно и сексуальным — и мертвым.

Общежитие высилось впереди, почти на границе Музыкальной Поляны, огороженной забором пятиметровой высоты. Базовый алгоритм лозунгов не позволял им подниматься выше, чем на три метра над уровнем земли. Из-за ограды доносился многоголосый хор музыкальных инструментов.

Они зависли, чуть покачиваясь, держась за руки, — будто влюбленная парочка, которая, гуляя по лесу, воспарила над кронами из-за переполнивших обоих чувств.

‘Да... — протянул Данислав. — Говорите, за одну ночь построили?’

ЭА использовала всю максимально допустимую высоту зданий в Парке, все двести метров. На далекой вершине Дан разглядел прилипший к стене белый кружок, но понять, что это, не смог.

‘Видимо, Программа была создана на жестком диске. ЭА и

Университеты арендовали сектор, и сегодня инсталлировали Общежитие в Парк.’

‘А что это за кружок там?’

Программисты Раппопорта смоделировали симуляцию простейших человеческих движений: Джоконда подняла голову, хотя могла и не делать этого, посмотрела вверх.

‘Антенна мощного тесларатора, одного из двух, обслуживающих материальную структуру Общежития.’

‘Что-то она большая очень, эта антенна. Можно как-нибудь получше рассмотреть?’

Тут Джоконда исполнила очередной танец: выгнулась, сделав мостик, касаясь кроны дерева пятками и одной рукой. Второй она все так же сжимала запястье Дана. Видимо, это означало, что программисты частично контролируют его аватару и могут перемещать ее вместе с Джокондой на максимально допустимой алгоритмами скорости. А если она его отпустит? Он шмякнется в траву или нет?

Джоконда выпрямилась. От ее лица отделилось прозрачное стеклистое облачко. Подлетело к глазам Дана, меняя форму и трепеща, стало квадратом, в котором виднелись темные линии перекрестья.

‘Утилита оптического прицела.’ — пояснила Джоконда.

Еле слышный шелест — в углу квадрата защелкали, сменяя друг друга, цифры и вершина Общежития стремительно увеличилось. Изображение чуть расплылось, но тут же вновь сфокусировалось. Кружок антенны стал блюдцем.

‘Еще ближе’, — попросил Дан.

Вновь шелест, щелчки. Теперь он хорошо разглядел большую тарелку из множества тонких дуг и штанг, образующих сложную, вроде концентрической паутины, систему.

Данислав пригляделся и сказал: ‘Достаточно’. Квадрат, мигнув, исчез вместе с перекрестием и цифрами.

‘Послушайте, эй! — сказал Дан. — Мне надо поговорить с кем-то живым.’

Пальцы на его запястье сжались, утонув в текстурах, затем возникли вновь.

‘Говорит программист, — молвила Джоконда синтезированным мужским голосом. — У нас авральная ситуация, мы...’

‘Ничего, я недолго. Скажите, зачем этот Кибервомбат согласился помогать ЭА с Общежитием?’

‘Клики.’ — предположил программист.

‘Ну да, понятно. Но я тут подумал... Что, если им нужно было оборудование? Общага напичкана всяким хай-теком, который,

наверное, не могли раздобыть дерекламисты… И эта антенна там… Возможна ли переориентировка антенны теслатора для каких-то других функций?’

‘Теоретически — да. Ну и что? Зачем…’

‘Вдруг Кибервомбат сейчас выполняет какое-то конкретное задание дерекламистов? И ему нужны крупные мощности? Вы говорили, они перехватили груз ‘Вмешательства’? Как они смогли отследить… Ну то есть, а вдруг…’

Пауза, и затем Джоконда вдруг стала мигать — быстро-быстро.

Синтезированный голос, то стихающий, то звучащий, как из мегафона, орущего прямо в ухо Дану, затараторил:

‘Это возможно. Вероятно. Слышишь, Эрик! Полевой агент говорит… Эрик, иди сюда! Вомбат может подчинить системы общаги и захватит контроль над сферой?’

Голос смолк. Все то время, пока он звучал, Дан безостановочно вопил — потому что Джоконда не только начала мигать, но и завращалась — и, естественно, вместе с ней стал вращаться Данислав. Ей-то это было все равно, а вот его вестибулярный аппарат тут же запротестовал.

Они зависли горизонтально, лицами к ветвям, и Дан взвизгнул:

‘Вы что делаете?! Если меня сейчас стошнит? Я же сижу под стеной!’

‘Вы выведены из-под мониторинга Общежития, — пробулькал синтезированный голос. — Немедленно найдите Кибервомбата! Дойдите до автопрачечной, дальше… Серба, спешите! Отключение.’

‘Почему отключение? Стойте! Я хочу знать! Да кто такой этот Вомбат?!’

Парк исчез, мигнула заставка геовэба, и он вернулся в коридор под дискотечным шаром.

Придерживаясь за стену, Данислав побрел вниз. После карусели над Парком штормило, но зато навеянные резо-роком тоскливо-сардонические мысли о Своем Месте во Вселенной оставили его. Выведен из-под мониторинга… Это значит, Общежитие теперь не видит его? Для антивирусного сервиса Дан теперь пустое место, этакий стеллс-вирус…

За коридором оказался тамбур вроде тех, которыми оснащены струнные вагоны: низкий сферический потолок и черные двери гармошкой. Они раскрылись сами собой.

Дальше была комната с одежными шкафчиками, от нее вверх вели три лестницы. Раздевалка для охранников? Но вроде нет их здесь, в смысле — охранников-людей, разве что бюрики, которых

позвали только на время вечеринки...

Данислав встал посреди помещения, разглядывая пролеты. Куда дальше? Придется проверять все по очереди. Он шагнул к тому, что слева, и тут же остановился, когда шелест, сопровождающий — как он понял только теперь — все его перемещения под дискотекой, стал громче. Что-то шевельнулось, еле заметная мигающая полоса описала круг по стенам — нечто стремительно пронеслось по горизонтали, раз, второй, третий... С каждым витком полоса становилась четче и темнее, а шелест превращался в мелкое постукивание.

Бежевый инверсионный след стянулся к одному месту, набух — и нечто остановилось на стене перед Даном. Оно напоминало божью коровку размером с человеческую голову. Бледно-серый, с легкой примесью желтого, цвет. Матовый панцирь, множество ножек, присоски, пара длинных, чуть подрагивающих усиков...

Приоткрыв рот, Данислав мелкими шажками подошел ближе. Существо состояло будто из цельного куска резины или каучука; как если бы расплавленную массу залили в форму и дали застыть — ни одного сочленения, все части покато переходили одна в другую.

— Перехвачен контроль над модулем антивирусного сервиса, — произнесло существо синтезированным мужским голосом. — Следуйте за ним.

— Уф... — протянул Дан. — Ну вы даете! А меня вы слышать можете?

— Звуковой контакт обоюден.

Ножки модуля шевельнулись, тихое чпок-чпок наполнило комнату, и ‘божья коровка’ скользнула к двери за одной из лестниц. Дан поспешил следом.

— Так куда теперь?

За дверью оказалась та самая автопрачечная, пустое помещение с круглыми стеклянными люками в стенах.

— Вперед, — велел модуль.

Он пронесся по потолку к отъехавшей в сторону двери на противоположной стороне.

— Не так быстро! — Данислав побежал следом. — Эй, вы! Я хочу знать имя. С кем я разговариваю?

Модуль поджидал его за дверью, в начале узкого наклонного коридора. Вдоль стен и потолка тянулись толстые трубы, поблескивающие свежей краской.

— Шеф настаивает на секретности, — сказал модуль.

— К чертям собачьим! Вы знаете, кто я, а...

— Вы — внештатный сотрудник. Ладно... Меня зовут Эрик.

Подрагивая усиками, модуль заскользил по трубе к прямоугольнику света в нижнем конце коридора, и Дан стал спускаться. Здесь дул ветер, было прохладно, и короткая черная комфортка Дана, состоящая из ткани на парафиновых микрокапсулах, стала нагреваться, компенсируя понижение температуры.

— Эрик, — позвал он. — Что у этой штуки внутри, вы знаете? Как она может двигаться с такой скоростью?

— Механические аспекты изучаются, — сказал программист. — Мы подозреваем технологию мягкого графита и водных подшипников, не создающих трения. Материал эластичен и обладает памятью на уровне кристаллической решетки. Он ‘привыкает’ к определенным деформациям. Вероятно, все перемычки и несущие балки здания пронизаны сетью туннелей для передвижения охранных модулей.

— Туннели... Но эти модули вроде как сквозь стены проникают? И бокал тогда в полу утонул...

— Локально изменяемое агрегатное состояние вещества.

Дан растерянно потер лоб. С какого-то момента технологии начали развиваться неравномерно, течение прогресса разбилось на отдельные потоки, часть которых стремглав неслась, а часть почти застыла — как если бы древний станковый пулемет стоял на космическом корабле. Современная жизнь была существованием между двумя полюсами, с одной стороны — всем понятные технологии вроде тонков и колесничих, четкая логика и алгоритмы, суть которых большинство людей понимали еще в школе, с другой — техника, созданная на принципах, ясных лишь единицам умников-технарей или ученых, лишь посвященным, а всем прочим казавшаяся мистикой: локальное изменение агрегатного состояния вещества, тесларатоpы, питавшиеся энергией будто прямо из воздуха, жидкие вещи, подкожная броня... недаром существовала секта техномагов, провозгласивших, что тайные магические знания уже давно вмешались в жизнь человечества, и мировой заговор зловещих колдунов-экстратехносенсов овладел планетой.

Коридор с трубами закончился узкой круглой комнатенкой. Все поверхности состояли из выложенных решеткой штанг и квадратных люков между ними. Божья коровка сновала туда-сюда, на мгновение останавливалась, прикасаясь к люку усиками, и бежала дальше.

— Зачем я иду к Вомбату? — спросил Дан. — Эй, Эрик! Эрик! Что мне делать с Кибервомбатом?

Модуль молчал.

Конечно, на ЭА работал целый штат

высококвалифицированных программистов, но и в распоряжении Рапоппорта было несколько очень крутых хакеров. И все равно — в сравнении с ‘Электрикум Арт’ контора шефа выглядел как двухместный обывательский токамобиль рядом с самоходной милитари-башней ТАГ. Хотя даже маленькая машина может быть начинена мощной техникой... Но ведь они сейчас шли против самой ЭА, да еще и Университетов... Дану было не по себе. Вернее, он просто боялся. Опасения усиливались тем, что не ясно было, для чего Раппопорт затеял всю операцию. Допустим, они обнаружат этого Кибервомбата, кем бы он там ни был, — и что? Что дальше?

— Послушайте, а этот сервис антивирусный не засечет, что вы у него модуль стырили?

Эрик вновь не ответил — именно в этот момент крышка одного из люков со щелчком откинулась вверх, приподняв сидящую на ней божью коровку.

— Сюда, — сказала она и нырнула в темноту за люком.

Вздыхая и морщась, Данислав кое-как забрался в узкую трубу, задевая стенки плечами и затылком, пополз на локтях, видя едва освещенный силуэт модуля впереди. Он успел проползти несколько метров, когда люк закрылся, окунув трубу в непроглядную темень.

Дан закрыл глаза, потом открыл — один черт, что так, что этак ничего не видно, лишь мрак и плывущие в нем блеклые расплывчатые круги. Чпок-чпок-чпок разносилось по трубе. Потом модуль впереди зашуршал, завозился. Кожей лица Дан ощутил дуновение ветерка от его стремительных движений, и тут божья коровка глухо забормотала:

— Руководитель группы дерекламистов, Шунды Одома, 13 лет, сирота, ШВЛ... Данные о ШВЛ отсутствуют. Имеются сведения, что его старшие брат и сестра, близнецы Ася и Ник Одома, убиты во время нападения на детский дом Хрусталь, предположительно, совершенное Жилем Фнадом, объявленным Континентполом в общепланетарный розыск... — модуль щелкнул. — Поправка. Ася и Ник Одома считаются пропавшими без вести, их тела не были найдены в развалинах Хрусталя.

— Ну и черт с ними, — сказал Дан. — Тринадцать лет? Малец какой-то...

— Возраст не существенен. В мозг имплантирована синаптическая сеть. Искусственно стимулированная агрессивность. Эмо-наркоман, пользуется формингом прошлого поколения. В крайне жестокой среде сформировался характер решительного лидера...

— Меня больше этот ваш Вомбат интересует. Для чего мы его

ищем?

— Просьба использовать ник Кибервомбат. Известно, что он обитает в нежестком жизнеобеспечивающем кластере с сильной поверхностью потенциальной энергии. Динамика ландшафта потенциальной энергии делает его способным передвигаться через основные планетарные среды. Для поддержания кинетики движения используется установка холодного термоядерного синтеза с акустической кавитацией ксенона в серной кислоте. При длительной остановке сегменты кластера расходятся, окружающее пространство включается в жизненную среду Кибервомбата. Кластер уже около трех месяцев зафиксирован под Общежитием.

— Что значит ‘основные планетарные среды’? — спросил Дан.

— Воздух, вода, земля, огонь...

— Земля? А камень?

— Сложный алгоритм вращательно-колебательных взаимоперемещений составных элементов кластера приводит к усилению энтропии в непосредственной близости от его оболочки, а сверхбыстрое общее вращение делают его квазитвердым телом, способным к движению сквозь твердые породы.

— Сквозь... Как он проникает сквозь них? Расплавляет и просачивается?

— Локально истончает и мигрирует, — поправил Эрик.

— Зачем я туда иду? — в который раз спросил Дан.

И тут же стало светло: впереди открылся люк.

Данислав стал выбираться. Он еще не успел толком разглядеть новое помещение, когда модуль заголосил:

— Получены данные: Кибервомбат переподчиняет антенну тесларатора! Защитный сервис Общежития определил угрозу и переведен в режим...

Что-то загудело, защелкало. Дан повернулся: множество труб, горизонтальных, вертикальных, наклонных, прямых и изогнутых... целый лес, так что пространства за ними не видно. Зато видна паутина — белые липкие волокна толщиной с мизинец, концами прилипшие к металлу и уходящие куда-то за трубы.

— Эрик! — позвал Данислав. — Эй, ты где?

Вдоль стены тянулось почти свободное от труб пространство, накрытое перекрещивающимися тенями. Можно протиснуться, решил Дан. Стена — не бетонно-керамическая, как остальные, а из толстого прозрачного оргстекла. Собственно, не одна, а две прозрачные стенки, расположенные на расстоянии сантиметров тридцать друг от друга... Пространство между ними заполняли божьи коровки. Из темноты сверху тянулись серебристые прутья

или стержни, и на каждом сидел модуль. Около сотни, если не больше. Они застыли; усики, направленные вверх, не шевелились.

Дан пошел вдоль стены, иногда переступая через выходящие на высоте колен трубы, иногда пригибаясь. Вдруг три модуля, шевельнув усиками, рванулись вверх — секунду Дан видел их смазанные очертания, затем — прозрачные сероватые полосы, а потом они и вовсе исчезли, канув в узком пространстве над полостью. Наверное, получили какое-то задание от Программы... Но в каком темпе эти твари... то есть эти штуки движутся! Какая там скорость звука в воздухе? Будучи по природе своей гуманитарием, а не технарем, Дан плохо запоминал физические константы. Триста тридцать метров в секунду, что ли? Не могут они быстрее бегать, это ж начнут всякие эффекты возникать позади них, вибрация, грохот по всей общаге... А что если внутристенные полости и все эти колодцы, которыми, по словам Джоконды, напичкано здание, заполнены каким-то гелем, и модули сквозь него носятся?

Впереди вновь защелкало, теперь громче. Кто-то засопел. Дану пришлось улечься на пол, чтобы пробраться под толстой трубой. Преодолев еще несколько метров, он вышел на свободное пространство.

Большой коллектор, величиной чуть ли не с ангар для туристических дирижаблей. Стены и потолок были усеяны круглыми отверстиями: по трубам пневматика стягивала сюда мусор со всей общаги и окрестных домов. Черный пол, казалось, состоял из нефти или смолы... Перистальтика: обрывки пластипапера, снежными хлопьями просыпавшиеся с потолка, медленно поползли по нему в дальнюю часть коллектора.

Данислав стоял на узкой полке, что тянулась по периметру в паре метров над полом. Толстые нити паутины шли от стен и труб, и примерно на середине коллектора собирались в нечто, от чьей топографической изощренности у Дана зазвенело в голове. Как если бы несколько лент Мебиуса продели друг сквозь друга, окружили спиралями и поместили внутрь тора. Паутина — Дан решил, что это клейкий пластик — свертывалась трубами, образованные ею полотнища изгибались, проходили одно в другое и пересекались в немыслимых конфигурациях. Стены и потолок затянула радужно отблескивающая янтарная пленка. Ее длинные лепестки покрывали и пол — вдоль краев он усох и затвердел.

Модуль медленно двинулся по полке; Дан боком пошел следом, прижавшись к стене, искоса поглядывая на центр кластера. Ненормальная топография паутины словно передалась и пространству, в котором эта паутина сейчас располагалась,

высосала из него обычные свойства и наделила какими-то новыми, диковинными качествами.

Они достигли участка, затянутого янтарной пленкой. Сопение зазвучало вновь: на краю паутины что-то двигалось.

— Эй, Эрик, — негромко позвал Дан. — Слышишь! Что это такое?

Модуль настороженно пошевелил усиками и пробубнил хрипловатым голосом Джоконды:

— Данные недостаточны. Предположительно: высоколегированная монослойная алмазная пленка, выращенная на трехмерных подложках. Вероятно: оболочка жизнеобеспечивающего кластера.

— Эрик! Я не хочу сейчас разговаривать с программой! Уберите к Джоконду, дайте мне человека!

Модуль молча трусил дальше. Чпок-чпок его ножек едва доносилось сквозь бульканье и хлюпанье перистальтики. В коллекторе было тепло и влажно, мелкие капли конденсировались на лице и запястьях Дана. Его комфортка сама собой охладилась.

То, что двигалось в паутине, часто исчезало среди нитей; пока что Данислав разглядел лишь силуэт размером с большую собаку. Существо отчетливо сопело, а иногда поскрипывало и щелкало. Возле стены в паутине висел комплект аппаратуры: компьютерный терминал устаревшей конструкции, с обычной плоской клавиатурой, множество мониторов, пара тихо гудящих вентиляторов, что-то еще, вполне банальное, вроде небольшой микроволновки, голограммного проектора, переносной радарной установки... Все это озарял льющийся снизу, из-под паутины, нежно-зеленый свет.

Порыв ветра — и рядом пролился дождь мелких осколков; вылетев из трубы, они упали на участок, затянутый янтарной пленкой. Данислав скосил глаза вниз. Некоторое время ничего не происходило, затем осколки задрожали: быстро-быстро, при этом чуть перемещаясь, скользя в одну сторону. Вибрация достигла такой частоты, что стекляшки стали прозрачными облачками молекул — и растеклись по пленке, впитались в нее.

Сопение раздалось совсем близко. Дан поднял взгляд и остановился.

Его мозг заскрипел, тяжело заворочался в голове, пытаясь обработать поступившую информацию — будто солидная фирма со старыми традициями, состоящая из пожилых, все повидавших клерков, столкнувшихся вдруг с чем-то принципиально новым, доселе невиданным. Поначалу стандартная процедура шла гладко: наполняющий коллектор тусклый свет отражался от

Кибервомбата, та часть фотонов, что попадала в глаза Дана, фокусировалась в хрусталиках и шла на сетчатку, где возникало соответствующее изображение. По глазному нерву курьеры-импульсы стремглав неслись в коленчатое тело таламуса, в Отдел Предварительной Обработки, где просыпались многочисленные клерки-нейроны, служба которых состояла лишь в том, чтобы разделять темные и светлые пиксели. От них аксоны тянулись к первичной зрительной коре в затылочной части, в Отдел более высокого уровня; сигналы передавались туда и преобразовывались в сложную последовательность разрядов корковых нейронов: одни реагировали на фактуру, другие — на очертания, цвет, объем, взаиморасположение составляющих объект частей... До сих пор все шло как по нотам, по давно накатанной бюрократической колее, но дальше Первичный Отдел зрительной коры задействовал своих посыльных-аксонов и передавал импульсы в Отдел по Ассоциациям и Идентификациям, где должно было произойти окончательное распознавание объекта. Здесь в огромной кладовой хранился весь запас уже накопленных образов: на тысячах стеллажей лежали дома, люди, облака, животные, насекомые, ландшафты и миллионы мелких предметов, отдельно упакованы были звуки и цвета, и тактильные ощущения хранились набором карточек в длинных ящиках архивного шкафа. Все было систематизировано, схожие образы лежали неподалеку, и вот тут-то и начиналась сумятица: оказалось, что задействованные для узнавания Кибервомбата ассоциации хранятся чуть ли не в противоположных концах кладовой. Никогда раньше местным клеркам не приходилось сопоставлять настолько разрозненные образы, комбинировать такой дикий, нелепый ассоциативный конструкт.

Короче, Кибервомбат — это было что-то с чем-то. Раньше Дан такого не видел. У него будто муравьи забегали под кожей на затылке. Но сильнее всего удивило то, что Кибервомбат, оказывается, никакой не «он». Это была «она» — и, боже мой, какой же странной была эта ‘она’!

Отдельные ее части складывались в общее постепенно, словно прямо на глазах у Дана — как если бы он наблюдал за одинаковыми клерками в черных узких брюках, остроносых туфлях, белых рубашках и застегнутых на все пуговицы жилетках, за клерками, что медленно стаскивали предметы из разных концов кладовой, пыхтя, клали их в центре и пытались составить в единое целое, ссорясь, беззвучно споря и размахивая руками. Нет, Кибервомбат была вполне цельной, но сложность ассоциативных цепочек приводила к тому, что обычно стремительный процесс распознавания стал мучительно

медленным. Хозяйка кластера в первое мгновение представилась Дану в виде конгломерата материи сложной формы и фактуры, в виде некоей сумбурной конфигурации посреди паутины, и лишь постепенно сущность составляющих эту конфигурацию элементов начала проясняться.

Первыми из серой массы квантового супа выплыли конечности: четыре штуки, но не руки и ноги, скорее рычаги из костей и натянутых мышц, одним концом закрепленные на теле, а другим скользящие по паутине — там были ‘пальцы’, кольчатые хоботки, гибкие и подвижные, с ярко накрашенными обычными человеческими ногтями.

Костяные рычаги в форме Л были поставлены на почетное место в центре кладовой, а следом клерк-нейрон притащил тело и подвесил его горизонтально между рычагами.

Вполне человеческое, в смысле — женское. То есть с бюстом. Не таким, как у Джоконды, вполне рядовым… в смысле, рядового размера, но не внешнего вида: потому что левую грудь накрывал, или заменял, золоченый купол с круглым верньером на месте соска. Собственно, не тело, а торс — от таза до плеч. Снизу он был заключен в некое отдаленное подобие железных трусов, но очень уже необычной формы, напоминающей… напоминающей… форма этих ‘трусов’ напоминала… Из дальнего запыленного угла кладовой с победным видом прибежал клерк, обеими руками сжимая подходящую ассоциацию: итак, форма напоминала то, что Дан видел в натуре лишь однажды, давным-давно, когда родители повезли его на экскурсию — яранга, широкая у основания (там, где в нее погружалась нижняя часть торса) и с покатой вершиной. Железная. С двумя круглыми отверстиями-окнами по бокам — из этих-то отверстий и торчали рычаги-ноги.

Рычаги-руки выходили из плеч, место их соединения с торсом окружала каемка набухшей красной кожи.

Шея тоже имелась, но сильно искривленная, вроде перевернутой запятой — этакая большая ‘. Нижняя часть, защищенная воротником из металлических полосок, торчала между плеч, а на верхней сидела голова — затылком перпендикулярно к плоскости спины. Возле лопаток шелковистая кожа сменялась жесткой светло-коричневой шерсткой, на затылке она густела и аккуратной шапочкой облегала голову, доходя почти до бровей, тонких бровей на женском… но не человеческом, не совсем человеческом лице.

Нос… глаза… рот… уши… — еще четыре клерка прибежали из темноты кладовой и приставили эти части к уже почти оформленному образу. Уши маленькие и круглые, крошечные ноздри и звериные глазки с черными зрачками.

Аврал закончился. С облегчением клерки водрузили образ Кибервомбата на полку и, потирая руки, беззвучно попятились, потускнели и растворились в пыльных сумерках за стеллажами.

Теперь Дан видел ясно. Кибервомбат слегка напоминала паучиху, с полузвериной головой и человеческим торсом, который висел между четырьмя одинаковыми конечностями. Хватаясь гибкими пальцами за волокна, пощелкивая суставами и сопя, она ловко передвигалась по паутине. Вот она почти исчезла в переплетениях, вот возникла рядом с терминалом, задрала левую переднюю руку, набрала что-то, быстро прикасаясь длинными красными ногтями к сенсорам. Отступила, удовлетворенно бормоча. На конических трусах болталось несколько скобок с карабинами и цепочками, там висели какие-то электронные блоки, может, устройства флэш-памяти или что-то подобное, а еще пластиковые бутылочки и полотняные мешочки. Пальцы левой задней руки Кибервомбат сунула в один такой мешочек, достала что-то зеленое, отправила в рот и принялась жевать.

* * *

Дан заметил несколько оптоволоконных кабелей, скрепленных вместе пластиковыми ‘крокодилами’. Кабели шли от задних стенок висящих в паутине устройств и соединялись в толстый ‘ствол’, который исчезал среди нитей. Холодильная камера, пластмассовые ящики, радар... В коллекторе было душновато, и два тихо гудящих вентилятора овевали обнаженную спину киборга.

И свет — нежно-зеленый, испускаемый словно миллионами изумрудных пузырьков, беспрерывно набухающих и лопающихся где-то в глубине под паутиной. Оттуда доносилась музыка... или, вернее, никакой музыки не было, просто Дан ощущал, что внизу она есть — неслышная и странная, будто из параллельного мира, целиком лежащая в ультразвуковом диапазоне.

Кибервомбат набрала что-то на клавиатуре терминала, тот замигал светодиодами, запищал. Божья коровка, все это время висевшая неподвижно на стене перед Даном — наверное, люди Раппопорта, ошарашенные не меньше своего полевого агента, тоже пытались усвоить поступившую визуальную информацию, — шевельнуло усиками и сказала:

— Убить Кибервомбата.

— Что? — переспросил Дан. — Чего? Вы ошалели там?

Киборг повернула голову, показав оттопыренную верхнюю

губу, и уставилась на гостей маленькими черными глазками. Подбородок двигался — она что-то усиленно жевала долотообразными выпирающими зубами. Дан подошел чуть ближе и остановился у самого края паутины. Модуль тоже переполз немного вперед.

Зеленый свет озарял сеть, киборга и аппаратуру, бросая на высокий потолок бледные сливающиеся тени. Несколько секунд хозяйка кластера рассматривала гостей, затем пожала плечами и повернула голову к терминалу. Худую мордочку ее никак нельзя было назвать миловидной. Не уродливая, но... В общем и целом, решил Дан, она смахивает на молодую библиотечную крысу, всю свою недолгую жизнь проведшую в архивах. Большие белые зубы выпирали из-под приподнятой верхней губы. Треугольной формы маленький подбородок, глазки мутные... в лице присутствовала этакая интеллигентская вздорность, а еще — неуверенность и легкая истеричность. Очков только не хватает, а так — ну чистый «синий чулок».

— Антенна под ее контролем, — зашипел модуль голосом программиста. — На орбиту пошел сильный электромагнитный импульс... Убейте ее, Серба! Немедленно!

— Нет, — отрезал Дан.

‘Божья коровка’ покачала усиками и свела их кончики вместе. Затрещало, возникла тихо гудящая шаровая молния размером с теннисный мячик. Кибервомбат быстро повернула голову к гостям, а модуль уже рванулся вперед, выставив усики перед собой, как два копья. Дан не разглядел, что произошло, кажется, киборг успела дотронуться до чего-то на терминале: янтарная пленка под ножками модуля мигнула, переливаясь радужными цветами. Если бы ‘божья коровка’ перескочила на сетку, то, наверное, поразила бы хозяйку кластера своей молнией, а так ее конечности вдруг прилипли. Секунду ничего не происходило, потом модуль задрожал, стал большим серым облаком и градом разрозненных молекул просыпался на пленку.

Кибервомбат узким синеватым языком лизнула нижнюю губу. Дан решил, что верхнюю облизать она не может, просто не дотянется из-за выпирающих зубов — и подивился, какие глупости лезут в голову.

— Склонно, — сказала она резковатым, но совершенно обычным женским голосом.

Защелкали суставы, рычаги согнулись и разогнулись, переступая по нитям, торс качнулся — и киборг повернулась к гостю. Они замерли, разглядывая друг друга. Данислава показалось, что хозяйка кластера, как и он сам, испытывает неловкость, часто случающуюся в начале разговора незнакомых,

но вынужденных вступить в общение людей.

— Человек откуда? — спросила она.

Дан не нашел ничего лучше, как неопределенно показать пальцем вверх.

— Охрана здания? Нет, Вомбата бы знала. Охрана не прилагает людей.

— Я просто посетитель, — сказал Дан, понимая, как нелепо это звучит.

— Да-а... — протянула она неопределенно. — Что ж... Человек может взойти сетку. Так настроена, чтоб вес вычислять, прогибаясь, блюсти горизонталь.

Киборг вдруг засопела, развернувшись к терминалу, стала что-то набирать на клавиатуре. Освещающий нижнюю половину пузырчатый свет создавал иллюзию, будто сверху до середины, до некоей условной ватерлинии, опоясывающей все расположенное горизонтально тело, Кибервомбат погружена в темную жидкость.

Она умчалась в глубину плетений. Как только хозяйка отдалялась от того места, где стояла аппаратура, происходило что-то странное. Дан проследил взглядом, как Кибервомбат бежит по изгибающемуся кверху полотнищу... С пространством там явно творилась какая-то чертовщина: он увидел, что почти скрытое волокнами тело двигается уже головой вниз, а потом киборг возникла где-то далеко в стороне, будто телепортировалась туда, — причем теперь она поднималась по вертикальной стенке из волокон, и почему-то при этом складывалось впечатление, что Кибервомбат не удерживается на ней при помощи своих гибких пальцев, но просто идет, то есть на самом деле стенка горизонтальна, и это Дан смотрит на нее с необычной точки зрения, будто лежит, прижавшись щекой к полу... У него закружилась голова, качнувшись, он чуть не полетел на дно коллектора и ухватился за липкие волокна, ощущая себя Квадратом, жителем плоского мира на листе бумаги, которому вдруг на мгновение приоткрылась безграничная ширь мира трехмерного, и который вдруг сообразил, что на самом-то деле он Куб, — несколько секунд Дану казалось, что он, его тело, лишь плоский рисунок на коже разумного суперсущества, сложной структуры, протянувшейся в семи измерениях вдоль изгибов сетки.

Потом киборг исчезла за нитями. Ощущение того, что оси пространственных координат сломались, изогнувшись под немыслимыми углами, прошло, и головокружение исчезло.

Данислав опасливо поставил ногу на волокна, концами приклеенные к янтарной пленке, чуть нажал... они казались твердыми. Идти дальше не хотелось, хотя теперь, после того что

случилось с модулем, оставаться на пленке он тоже опасался.

В терминале защелкало, запищало, по мониторам побежали столбики данных. Кибервомбат вынырнула из переплетений с противоположной стороны от того направления, в котором убежала минуту назад, и, взволнованно сопя, склонилась над клавиатурой. Дан решил на паутину пока не становиться, но держаться рядом, на случай, если киборг вдруг решит, что он опасен, и попытается убить тем же способом, каким уничтожила модуль.

Легкое покалывание за ухом. Данислав машинально потянулся к ремню, но тут же отдернул руку. Нет, сейчас он не собирался отключаться от окружающего и выходить в геовэб. Слишком необычные вещи происходят вокруг, и неизвестно еще, что Дан увидит, когда снимет монокль после сеанса связи. Вдруг окажется, что он теперь вообще черт-те где, в каких-то диковинных пространственных закоулках. Не так часто мозг получал столь необычную информационную пищу, теперь он был взбудоражен и будто шевелился в голове.

Кибервомбат покосилась на гостя, продолжая заниматься терминалом, вздохнула пару раз и, словно наконец решившись, заговорила:

— Факторы и результаты... То есть причины и следствия. Ну вот, надзираем: человек определил подошву на сетку. Сетка прогнулась. Можно ли провещать, что ботинок человека возбудил прогибание сетки?

Дан молчал, и киборг повернула к нему голову.

— Ну... да, наверное, — пробормотал Данислав. — Не знаю... Возбудил? Да, наверное, возбудил...

— Нету! — отрезала хозяйка кластера. — Ботинок — объект, прогибание — ход... Э, предмет и процесс А «вызвал» — глагол, располагающий отношением к деятельности одухотворенной органики, спаянный с сознательными устремлениями и душевными порывами. Лишенный оных ботинок не мог ничего возбудить. Вызвать, э... активизировать. Процесс прогибания активизирован был иным процессом — процессом нажатия нижней конечностью.

— Что вы говорите... — Данислав не придумал ничего более умного. — Наверное, вы правы. Но я не понимаю... и что с того?

Кибервомбат стесненно улыбнулась.

— А то, что Кто, могущий вычислить совокупность привходящих условий, может предугадывать... провидеть... э, предвидеть, точнее, вычислить неизбежность прогибания сетки... — Она подняла голову и отсутствующим взглядом уставилась на испещренный данными монитор. — Ну то есть... То

есть Кто, ведающий предоставленного человека, ведающий, что человек сюда прибудет, ведающий Вомбату и совокупную специфику автохтонных условий, предвидящий, что после предложения подойти ближе человек из опаски первоначально затронет сетку подошвой ножной одежды, — ведающий данную совокупность Кто пришел бы к неизбежности прогибания сетки в данный момент времени в данном точке пространства. Итого было заложено, заложено исконно… изначально. Каждые процессы, то есть каждые следствия в потенциальной форме исконно наличествуют в каждой ситуации, и другие процессы лишь перемещают или не перемещают их в явную форму… То есть обнаруживают, э… выявляют их.

— «Кто»? — переспросил Дан. — Вы имеете в виду, «Некто»?

Монитор мигнул, и киборг радостно ахнула:

— Агась!

— Что? — спросил Данислав.

— Вомбата инсталлировала им мораль!

— Кому?

Хозяйка с легким раздражением повернулась к нему, моргнула, почесала красными ногтями лоб и сказала:

— Востоку и Западу.

— Кому?

— Итого двоим разумникам. Сбесятся сейчас, Вомбата правду говорит. Ополоумят вконец. Впрочем, данное безумство и так наличествовало в неявной фигуре.. э, в неявной форме, присутствовало в ситуации. Инсталляция лишь выявила… — Кибервомбат полезла в мешочек на железных трусах, достала клок бледно-зеленой травы и принялась взволнованно жевать.

— Итого осока, — пояснила она Даниславу. — Род xerotes. Вомбата вегетарианна. Вегетарианство заложено в Вомбате совокупностью условий лунных катакомб. Там неподдельные мясные провианты не в меру драгоценны, а искусственных хватало единственно для предпочтенных… избранных? Для людей. Да. Кристален ли смысл того, что Вомбата изъясняет? Четок ли он? Понимаем ли?

— Так вы с луны? — спросил Дан и потом добавил. — Нет, плохо понимаем… Не кристален.

Из-за странности и нелепости происходящего — причем нелепости, присутствующей где-то на базовом, фундаментальном онтологическом уровне, — в голове у него кипела нейронная каша. Он потер виски, зажмурил глаза, потом раскрыл, когда киборг сказала:

— Да. Из хранилища ДНК. Беда с семантикой. Связи слов трудноуловимы, коннотации туманны. Вомбата просит

всепрощения. Итого автомат... — она ткнула красным ногтем в скулу. — Автопереводчик мультиязычный, снимает движения лицевых мышц и трансформирует говоримое Вомбатой на всякий язык. В предоставленном случае — на тот, на каком изъясняется человек. Вомбата производит говорение на своем лунном языке «Глаголъ-VI», разработанном программистами для лунных игрушек, человек же благодаря автомату мультипереводному слышит внятственную ему речь.

— Луна... Я не знал, что там... То есть как же вы выжили? Антиевгеники ведь взорвали...

— А, ерунда... — она махнула правой передней рукой в очень человеческом жесте, казавшемся жутко странным из-за того, что жест это был сделан отнюдь не человеческой конечностью. — Аякасаки тогда обмишурился. Реле не сработало, он же первоначально алкал успеть до взрыва возлечь в анабиоз... А вомбаты там внизу, под хранилищем, жительствовали. Ну то есть вомбатов же сделали, изготовили, сотворили, создали, образовали, построили, смастерили, склепали, сляпали из отработанного материала... Не только вомбаты, еще медвежата всякие, поросята, зайчики... Забавками работали. Игрушками. Когда чада из ДНК вылупятся — мы должны были им помогать осваиваться, обучать их, лелеять, холить. Но работники из вомбатов были плевые: непомерно немалая страсть к отвлеченным размышлениям. Убили вомбатов, сокрушили, но не всех, доля ускользнула. В катакомбах, в них подобные туннели, вомбаты там впервые сетки употребляли, чтоб перемещаться. Все туннели в тенета завлекли... — она не то рассказывала все это Данславу, не то вслух вспоминала. — Пищу из парников под куполом грабили. А Вомбата там эксперимент как-то проводила. Захватила киберкошку, одну из игрушек, но неразумную совсем, не такую, как Вомбата. В закрытый ящик ее. Еще в том ящике: радиоактивная частица, счетчик Гейгера и баллон с ядовитым газом. Баллон распахнется, ежели счетчик радиацию отметит. Кошка тогда умре. Теперь смотрим: частица итого корпускула или волна? Если одно — счетчик включится, газ — пшик, кошке — смерть. Если другое, если волна — нет, счетчик ее не фиксирует, баллон закрыт, кошка жительствует. А квантовая физика что вещает? Частица в суперпозиции, когерентные два состояния, значит, одновременно она и корпускула и волна. А раз так, то что? — кошка в затворенном ящике, выходит, разом и жива, и мертва. Стоит Вомбата, ждет, ждет, открыть — страшно же! А потом... открыла все же.

— И что? — заинтересовался Данислав.

— Кошка как прыгнет на Вомбату! Мертвая!

— Мертвая?! Как...

— Да, оцарапала Вомбате мордочку... — хозяйка кластера задумчиво потерла щеку... — Вомбата ее отбросила, глядит — а кошка-то сдохши, уже и облезла даже, будто год в ящике повалялась, глаза повытекли, хвост отнялся...

— Не понимаю... — растерянно сказал Дан. — Она что ж... как мертвоживая... Как зомби что ли?

Хозяйка грустно повела плечиками.

— Этого не знает Вомбата. Не разумеет. А кошка сбежала совсем. Но воняло от нее! И после итого дела Вомбата так ошарашилась, что решила: чего ждать? Или убьют Вомбату охотнички, или нет, все одно Вомбата и жива и мертва разом. Охотники, люди то бишь, охранники хранилища ДНК — спорт там уже у них, убивать вомбатов, уже они с ружьями, преследовали, гнались, травили, тушки свежевали... После намерились все туннели выжечь. Вомбата лихорадочно в лабораторию взобралась, корпус свой перемонтировала на более удобный, после под морем Ясности кластер у людей уворовала, там множество таковых, кластеры — модель жизнеобеспечения для тех, кто вылупится из хранилища ДНК — и в кластере к подлунной Земле устремилась...

Дан повторил недоуменно:

— Охранники охотились за вами, киборгами, которые жили под хранилищем? Но ведь в хранилище ДНК сейчас все автоматизировано, сигнал раз в полгода приходит, а людей там нет...

— То сейчас, после теракта антиевгеников. Раньше люди там жили. И вомбаты... Сейчас свежие вомбаты населяют, людей нет вовсе.

— Вомбаты... Вы говорите, вы игрушками там были?

— Такое название. Мы являлись помощниками. Наперед — для тех, кто из хранилища родится, вомбаты им помогать долженствовали бы. Вводить в жизнь. Учительствовать...

— Ничего не понимаю, — признался Данислав.

Они помолчали.

— Человека не смущает итого свет? — хозяйка кластера повела рычагом, и в воздухе над ним протянулась узкая стена тени. — У Вомбаты внизу бочка с концентрированной серной кислотой.

— А музыка? — спросил Дан.

— Музыка? — склонив голову, она прислушалась. — Агась! Ультразвук. Вомбата бочку ультразвуком облучает, там тогда газ лопается, пузырьки, кавитация... Двигатель это, в совокупном. Но звук не хронический, Вомбата... — тут она почему-то

смутилась. — Ну, это человечье ухо не внимает, только Вомбаты. Оно ж на нервы действует, когда один и тот же звук постоянно тумм-тумм, тумм-тумм по голове — как молотком все едино! Потому Вомбата поразмыслила: отчего бы технолгию с искусством не совместить? На досуге теперь произвольные мелодии фантазирует, музыку ультразвуковую, ею кавитацию делает в бочке, чтоб плазма образовывалась, и сама ей внимает, наслаждается музыкой трепетно...

Уже некоторое время Дан ощущал нечто новое, возникшее в воздухе. Когда хозяйка кластера замолчала, он наконец сообразил, в чем дело и выкрикнул:

— Слушайте!

— А? Будто? — Кибервомбат повернулась к нему.

Волна тихого чпок-чпок вливалась в коллектор откуда-то сзади.

— Это модули, — сказал Дан.

— На сетку стремительно!

Он поставил на волокна одну ногу, затем вторую, и пошел. Гибкие пальцы киборга замелькали над терминалом, по мониторам побежали цифры. Зеленый свет запузырился, задрожал. Дан шел, качаясь, расставив для равновесия руки. Еще не добравшись до того места, где стояла аппаратура, он оглянулся: множество модулей, передвигающихся так быстро, что очертания прорисовывались на фоне стен в виде прозрачных, мгновенно возникающих и исчезающих контуров, вбегали в коллектор.

— Агась! — сказала Кибервомбат с таким выражением, с каким обычно произносят «упс!». — Сервис заполошился. Всем множеством на Вомбату...

Дан успел подумать, что это, наверное, не антивирус общаги — это хакеры Раппопорта сумели перехватить управление над модулями и стянули их сюда, чтобы уничтожить киборга, — когда по всей своей поверхности янтарная пленка заиграла радужными красками, и в следующее мгновение по ней, от границы к сетке, покатился серый вал хаотично движущихся молекул. Он набухал, похожий на густой тяжелый дым, медленно полз вперед: оболочка кластера дезинтегрировала модули, но следом толпой набегали новые.

Дан присел на корточки рядом с киборгом, положив ладони на волокна. Оба опасливо наблюдали за тем, как вал темного дыма движется, приближаясь к сетке.

— Кошмар каков, — сказала Кибервомбат. — Сколько же там? Вомбата могла провидеть, надо было лишь свести все факторы...

Чпок-чпок внезапно смолкло, чуть позже исчезли бегущие по пленке радужные всполохи.

Кибервомбат еще несколько секунд смотрела перед собой остановившимся взглядом, затем развернулась к терминалу и нажала на что-то.

— Шунды! — выкрикнула она. — Шунды, скажись!

Дан сидел, разглядывая заднюю часть киборга, натянутые сухожилия вдоль длинных костей, из которых состояли рычаги, чувствуя идущий от Кибервомбата слабый запах — вроде озона, но более кислый и с металлическим привкусом...

— Шунды, Общежитие штурмует Вомбату! Непременно содействие. Что? Занят?! Ах, Шунды занят! Вомбата незамедлительно свернет кластер и уберется в мантию. Или на Луну отбудет поспешая. Занурится в реголит, никто там не найдет, будет таиться хоть десять лет... Да. Недурственно, Вомбата поджидает.

Киборг вытащила из мешочка очередную порцию травы, сунула в рот и принялась нервно жевать. Развернувшись к Дану, она согнула левую переднюю руку, крутанула верньер на золотом куполе груди, затем быстро что-то отстегнула от фиксатора... и направила на Дана ствол пневмоэлектрического пистолетика.

— Человек кто? — спросила она.

Дан молчал, глядя на хозяйку кластера.

— Что в данной точке делает?

— Я... — начал он. — Я не вооружен.

— Об этом Вомбата имеет сведения. Но у человека телесный хард. Софт для геовэба. Охранная система кластера Вомбаты неотложно определила... Ладно, человек, не робей. Вомбата не вожделеет крови. Повествуй!

— Я просто информатор одной частной фирмы. Они занимаются хай-теком, а я для них инфу собираю. Вас... вы же знамениты, знаете об этом? Нет, медиа о вас ни разу не говорили конечно, но заинтересованные люди знают. Меня попросили... ну, разузнать.

— А... — протянула киборг, подумала и убрала пистолет. — Знаменита?

— Да, конечно. И вы и ваш кластер... — махнув рукой, он оглянулся на переплетения, вблизи выглядевшие еще чуднее. Долго смотреть на них было нельзя — глаза слезились, а мозги будто переворачивались в голове, как дохлая рыба брюхом кверху, неспособные выявить знакомые пространственные координаты, привычные направления верх-низ и лево-право.

— Итого лишь модель седловидного простора, — пояснила киборг. — Вомбата исходит из факторов, что структура вселенной

вспучена, а здесь как бы... ну как бы ямка такая, искривление в иную сторону. Пускай человек не направляет внимания, на самом деле итого иллюзия. Какая бы там конфигурация сверхтрудная не была, реально пространство перекроить не может.

Терминал пискнул, киборг, проглядев возникшие столбики данных, засопела на весь коллектор.

— Агась! Сфера нисходит... Приземление сферы было заложено в ситуации, Вомбата переместила посадку из потенциальной в актуальную форму!

— Что-то опускается? — спросил Дан. — О чем вы говорите?

Гибкие пальцы так и летали над сенсорами, посылая куда-то потоки бит.

— Восток с Западом в тоскливом ужасе! Не знают, что делать, и просят совета! Складно, Вомбата посоветует, почему бы и нет... Приземляйтесь — сюда, близко с городом... Итого круговой перрон... Конструкция у него не для планетарной посадки, но перенесет...

— О чем вы говорите? — повторил Дан, ощущая, что за ухом вновь начало колоть. — Кто в тоскливом ужасе?

— Восток и Запад. — Киборг наконец повернулась к нему. — Стремительно будут здесь. Ну, не совсем здесь, неподалеку.

— Кто такие Восток и Запад?

— ИскИны, человек! Тибетцы так наименовали, а в настоящее время и Вомбата с Шунды, итого хулиганом, именуют так... ИскИны-разумники на круговом перроне... платформе, орбитальной платформе, на сфере то бишь. Там рядовые двигатели, ракетные. Способно опустить... — позади запищало, киборг повернулась к терминалу и воскликнула: — Божья расплата! А у них тоже дела те еще творятся, наверху... Желает внимать человек?

— Где наверху? В Общежитии?

— Агась. Включаю...

Несколько висящих вокруг темных мониторов заработали. Дан не сразу понял, что они показывают — какая-то сумятица, мелькание теней, снующие из стороны в сторону разноцветные пятна... а потом прямо на него уставилось лицо Калема.

Данислав отпрянул и повалился задом на паутину. Сначала он разглядел лишь это лицо, разбитые губы, кровь, свороченный набок нос... Затем голова уменьшилась, и стал виден весь колесничий, лежащий на боку — а рядом, лицом вниз, лежала худая блондинка. Другие мониторы показывали беснующуюся толпу: люди дрались, опрокидывали друг друга, топтали ногами, при этом двигаясь к широкому пандусу, ведущему из дискотечного шара...

— Что там происходит?! — закричал Дан.

Звук отсутствовал, но он и не был нужен. Одни мониторы показывали софиты, которые будто сорвались с цепи, — носились зигзагами, иногда взлетали к своду, иногда падали на толпу, и беспрерывно вращались, превратив помещение в скопище кружащихся световых колец; другие — круглую сцену, незнакомого человека на ней и трупы музыкантов; третьи — пол, заваленный мертвецами и раненными, между которыми пробирались последние люди, еще не успевшие добраться до пандуса. Массивное тело Зага Космо лежало неподвижно, рядом валялись техники; незнакомец на сцене — у Дана мелькнула мысль, что он видел его совсем недавно, может, в аэропорту, но мельком, наверное, просто прохожий в толпе — незнакомец этот, вонзив в себя иглы микрофонов и взяв магнитную гитару, заливал дискотеку потоком безумной музыки. Чудовищные ритмы его тела передавались толпе, и та превратилась в скопище Даунов, охваченных манией убийства...

Дан очень ясно представил себе, что творится сейчас под круглым сводом, он даже услышал это: многоголосое рычание, визг гитарных струн, барабанную дробь сердца, рев крови, стоны, крики — и потому не сразу понял, что коллектор наполнило чпок-чпок сотен ножек.

Он опомнился лишь когда Кибервомбат, отключив видеоряд из дискотеки, забегала между терминалом и краем паутины, когда серый вал дезинтегрирующейся материи покатился к сетке.

Атака модулей захлебнулась быстро: на этот раз их было куда меньше.

— Вот почему так слабо... — протянула киборг. — Сервис наверху занят. Внимал человек, что свершается?

Зажмурив глаза, Данислав провел ладонями по лицу, потер веки, вдавил в них пальцы, пытаясь изгнать лицо мертвого Калема, отпечаток которого будто врос в сетчатку.

— Кто это был на сцене? — прошептал он, взглянув на Кибервомбата. — Как... как он прошел через полог? Ты видела?! Он же... Это какой-то псих! Я и раньше думал иногда: а что случится, если резо-рок попытается играть маньяк, что будет со слушателями? Господи... хорошо, что я Нату отправил...

— Теперь на «ты»? — спросила Кибервомбат, моргая, и ногтями на передней левой руке легко провела по щеке.

То, как она эта сделала... Данислав вдруг понял: да она же кокетничает! И когда она вдруг заговорила про свои причины и следствия... Хозяйка пыталась на свой манер завязать разговор, познакомиться... Дикость всего этого, непередаваемая нелепость флиртующего киборга женского пола, наполнила его волной

растерянно смущения, и ужас от происходящего сейчас наверху, в дискотечном шаре, отступил.

Тем временем хозяйка кластера, развернувшись к терминалу, заговорила:

— Шунды, стремительнее! Где сейчас? Тут прошло уже две волны. Если... да, сфера нисходят. Разумники спросили у Вомбаты, что теперь им делать, Вомбата предложила помощь. Искупление, очищение... Но Вомбата сказала, проявить помощь можно только здесь, на планете. Потому ИскИны нисходят. Нет, не на город. Как Вомбата может контролировать это? Нисходят в фокус Псевдозоны... Нет, километров двадцать, совсем близко канала.

— Что? — закричал Дан, вскакивая и качаясь на сетке. — Что ты сказала?

Киборг повернулась к нему.

— Агась?

— Кто-то садится возле ПсевдоДнестра?

— Круговой перрон «Влезания».

— Вле... «Вмешательства»? И что будет, когда он сядет?

Казалось, волнение Дана передалось и киборгу.

— Ну... Вомбата думает, средад выявится. Наверное. Возможно. Ситуация потенциальна, но очень уж неопределима. Там что-то вроде итого кластера, только тривиальнее. Проще. Зато больше значительно. Среда, которую создали там ИскИны, развернется...

— ИскИны... Это те, которых ты назвала Востоком и Западом? Какая у них среда?

— Преисподняя среда, — сказала киборг.

— Что это значит? Это ты заставила их опуститься в Псевдозону? Что будет с теми, кто сейчас там находится?!

— Средад итого. Демо-сфера у ИскИнов. Первая версия, конечно, еще не апробированная. Вомбата сначала электромагнитным импульсом из антенны защиту перрона сняла, а следом им мораль инсталлировала. Командировала поток данных... Ну, их совесть и изгрызла. Раньше-то голое сознание было... В итого момент времени — почему люди не способны поставить производство ИскИнов на поток? Из-за отсутствия у тех предков, генетики, наследственности... Делаем сознание, но не можем проинсталлировать подсознание. Архетипы не программируются, разумеет человек? Потому удаются не супермозги, а гениальные дебилы. Ну вот, а Вомбата хоть сродство морали создала, подобие, программным методом... И теперь... Вомбата себе представляет... Убил человек десяток тысяч, а потом вдруг мораль появилась, и постигает: убивать плохо! Плохо,

плохо убивать! Какие чувства потом? Ужас, тоска, депрессия...

— ИскИны убили десятки тысяч людей? Я не понимаю... — сказал Данислав, и тут стена коллектора позади паутины проломилась.

По янтарной пленке прошла быстрая пульсация: на самом деле пленка не двигалась, но впечатление было такое, будто от дальнего края по ней покатилась стремительная волна. Радужные блики потускнели, разгорелись вновь. Затрепетали, задрожали, то натягиваясь, то провисая, нити паутины, качнулись мониторы, вентиляторы и терминал.

Пластокерамическая стена не распалась обломками, не обвалилась, но расплавилась — хотя, кажется, осталась холодной — пузырящейся массой стекла на пол. Образовался проем, наполовину затянутый дрожащими серыми нитями, и сквозь него вошло несколько людей в комбинезонах дерекламистов, вкатились двое колесничих, и еще...

Больше всего это напоминало здоровенный кусок пластилина неопределенного цвета, заготовку, которую разминали перед тем, как слепить из нее какую-нибудь фигуру. Причем разминали прямо на глазах у Данислава: поверхность в разных местах то слегка прогибалась, то выпячивалась пологими буграми, медленно струилась, и хотя общая форма оставалась неизменной, очертания постоянно менялись. Кажется, именно на этом и было основано его движение: модуль — Дан не знал, как еще его назвать — не то полз, не то тек вперед.

Модуль остановился, и спустя несколько секунд из его бока выпал человек, весь облепленный розовым. Очумело мотая головой, хлопая себя по бокам и плечам, шагнул вперед. Низкого роста, щуплый... вдруг Дан понял, что это ребенок, мальчишка лет тринадцати. Глаза его были скрыты круглыми черными очками.

— Вомбат, твою мать! — зло прокричал он. — Сфера приземлилась?

Киборг начала растерянно:

— Шунды, что итого у тебя?

— Она села?! — завопил Шунды Одома.

— Осела, осела! — повысила голос киборг. — Шунды, Вомбата желает ведать...

— Пристрелите суку, — скомандовал он, и дерекламисты открыли огонь.

Дан отпрянул, повалился на полку, что тянулась вдоль стены, и тут же весь кластер шевельнулся. Языки пленки начали съеживаться, концы их изогнулись, будто это была разрезанная на сегменты шкура большого апельсина, которая теперь решила

свернуться, восстановить свою форму.

За ухом кололо беспрерывно. Не удержавшись, Дан рухнул на чавкающий пол, будто в топкое болото. Слыша за спиной крики и грохот выстрелов, вылез на полку, низко пригибаясь, побежал. Нырнув за трубы, на ходу потянулся к кармашку с телемоноклем, потом пробормотал: ‘Что я делаю... У нее же есть тонк...’

Достигнув узкого пространства с прозрачной стеной, Дан увидел, что за ней не осталось ни одного модуля. Из коллектора доносились приглушенные крики, стрекот пневмоэлектрических автоматов, мелкой дребезжание, шелест...

Он снял с рукава тонк-ящерку, набрал номер на кнопках, утопленных в мягкое белое брюшко, и поднес к уху.

Дискотечный шар: застывший разноцветный свет, темная вода под стеклянным полом, приглушенные стоны, негромкий перебор гитарных струн. Софиты еще горят, но теперь не двигаются, лишь один стробоскоп продолжает вращаться, пронзая серебряными иглами повисшие под разными углами широкие лучи. Жиль Фнад сидит на перевернутой колонке и играет, не обращая внимание на происходящее вокруг. Собственно, вокруг ничего и не происходит — нечему больше происходить, все, что могло случиться, стараниями Фнада уже случилось. Тихо-тихо журчит кровь, удары сердца медленны и спокойны, еле слышны... в теле Жиля, как и в его сознании, ненадолго воцарилась благодать.

Он бережно положил гитару у ног, встал, вытащил из тела микрофоны, спрыгнул с накренившейся платформы, щерясь, побрел между трупами. Воздух казался бархатным — багряный бархат, Фнад шел сквозь него, ощущая щекочущее прикосновения воздушных текстур, мельчайших кровяных пылинок, наполнивших пространство шара. И без того феноменальное восприятие обострилось, он видел все вокруг, видел всей поверхностью своей кожи, и затылком, и висками — множество тел, большинство испустившие дух, хотя оставались и живые, покалеченные, и порхающих над полом тонк-жуков и тонк-бабочек...

Что-то зашелестело вверху, не поднимая головы, Жиль различил, как на своде вздулся пузырь, и от него вниз протянулся сгусток с крупной радужной каплей на конце. Словно размягченная пластмасса, но не горячая, не расплавленная... Утончаясь, сгусток достиг пола; капля расплылась над одним из тел, запеленала его в липкую пленку. Сгусток вознес труп к своду и втянул у пузырь, который съежился и пропал, а вокруг уже вытягивались другие сгустки, захватывали тела, раненые и

мертвые, поднимали их и втягивали куда-то в пространство над сводом.

Это что, системы здания так работают? — Фнад шел, а вокруг него воздух простреливали толстые волокна с радужными каплями на концах, опускались и поднимались, очищая зал. В грудь ударилась тонк-птичка, свистнула и полетела прочь, выискивая исчезнувшего хозяина.

Чпок-чпок-чпок — Фнад скорее ощутил, чем увидел множество тел, серую пелену стремительно перемещающихся модулей. Они надвигались на Жиля. Он поднял было руку, согнул палец, собираясь выдвинуть плазменное лезвие, но передумал — слишком их много. Оглядевшись, Фнад между лесом движущихся сгустков разглядел пролом в полу, подбежал к нему и нырнул.

Вода имела температуру человеческого тела. Сквозь толстый слой оргстекла смутно виднелись те, кто лежал на полу, их спины и расплющенные весом тел ягодицы, затылки, скулы, бока, животы и груди. Движение слева... Фнад повернулся — рыба. Большая, размером со взрослого человека, толстобрюхая и с круглыми внимательными глазами. Что-то было в них, в этих глазах, словно огонек разума или, во всяком случае, понимания — но слишком нечеловеческого, чуждого. Искусственно удлиненные плавники заканчивались пятью отростками, словно покрытыми чешуей плоскими пальцами. Рыба зависла перед Жилем, подгребая плавниками и шевеля хвостом. Фнад покосился вверх, но сквозь пол защитные модули Общежития не были видны. Могут они плавать под водой? В любом случае, он продержится еще минуту, не больше. Надо выбираться, а то пойдет ко дну. Сквозь темную водяную толщу Жиль различал его, хоть и очень смутно: наросты и впадины, пологие холмы с черными дырами, шевелятся красные водоросли, что-то движется, перекатывается с места на место, а вон какой-то механизм медленно ползет, широким ковшом сгребая ил на своем пути ... да у них там целый поселок, у этих рыб!

Жиль повернулся, уловив движение, и понял, что рыба жестикулирует. Она махнула плавником, согнув все пальцы, кроме одного, показала им куда-то в сторону, и поплыла. Фнад направился за ней сквозь зелено-коричневые хлопья, клубящиеся под полом дискотечного шара.

Вскоре он увидел круглую решетку люка с задвижкой, дальше — изгибающуюся трубу. Рыба махнула плавником и чуть отплыла, наблюдая за Фнадом. А воздуха уже не хватало... Жиль вцепился в задвижку, дернул, упершись ступнями в стену, потянул решетку, и когда она открылась, вплыл в трубу. Рыба, проводив его взглядом, направилась к пролому, через который

это странное существо проникло сюда — она хотела узнать, что там, за границей мира.

По короткой железной лесенке Жиль выбрался на площадку. Огороженная низким забором из металлических прутьев, она тянулась вдоль стены, изгибалась под прямым углом. Вода тихо плескалась у самых ног. Фнад пересек площадку, повернул и увидел узкую дверь служебного лифта. Он нажал кнопку на пульте, раздалось гудение. Тут над головой зашелестело, Жиль глянул вверх: в низком потолке образовалось темное пятно, набухло каплями влаги... Сквозь пятно просунулись ноги, затем тело до поясницы. Это еще что такое? Дверцы лифта раскрылись, и Жиль шагнул в тесную полутемную кабину со стеклянной стеной.

Чпок-чпок-чпок — за поворотом площадки. Он наугад ткнул кнопку, дверь стала закрываться, но Фнад успел заметить, как сквозь потолок продавилось тело молодого мужчины и упало на площадку там, где Жиль только что стоял. Из-за поворота выбежало с десяток больших серых жуков. Двигались они странно — короткими рывками, то и дело сталкиваясь, быстро ощупывая друг друга длинными усиками и тут же словно в испуге отдергивая их... Жиль решил, что ими управляет коллективный разум, который вдруг сошел с ума, и тут двери закрылись.

Лифт поехал вверх. Фнад привалился к стене; ткань одежды не промокла, но вода бежала с нее, по полу растеклась лужа.

На стене слева появилось темное пятно, но не такое большое, как на потолке снаружи. По пятну засочились капли влаги, и Жиль увидел, как из него медленно выпячивается покатая спинка — серого, с примесью желтого цвета, — и голова — один большой фасетчатый глаз, из которого торчат два длинных усика... Модуль успел до половины протиснуться в лифт, когда Жиль, размахнувшись, сильно ткнул его кулаком и вбил обратно. В этот момент структура вещества, из которого состояла стена, вновь изменилась, и модуль застрял. Один ус, изогнутый дугой, кончиком был погружен в стену, другой торчал почти под прямым углом и дергался.

За прозрачной панелью Фнад видел широкий колодец и цилиндры пассажирских лифтов — некоторые двигались вверх или вниз, другие висели неподвижно. С седьмого этажа началась ноздреватая поверхность, испещренная темными отверстиями. Их накрывали прозрачные круглые люки. Фнад вновь увидел сгустки, протянувшиеся откуда-то сверху. На концах некоторых покачивались запеленатые в радужную пленку тела. Сгустки изгибались, укладывали людей в узкие горизонтальные ниши, после чего прозрачные люки сами собой закрывались. Среди

плененных антивирусным модулем были и живые и мертвецы.

Кабина преодолела еще несколько этажей и стала. Двери раскрылись, Жиль вышел — изгибающийся пустой коридор, дверь в конце... Фнад прорезал ее замок плазменным лезвием, шагнул дальше и увидел двери пассажирских лифтов. Надо спускаться и выбираться из здания, нечего тут больше делать. Жиль вызвал лифт. На этом этаже царила тишина, лишь за стеной иногда раздавалось шуршание, будто там что-то стремительно проносилось вверх или вниз. Двери раскрылись, Жиль шагнул в кабину — куда более просторную и ярче освещенную, чем там, в которой он поднялся сюда — нажал кнопку нижнего этажа. Кабина поехала, и тут же на нее кто-то упал. Раздался звук шагов; Фнад на всякий случай отошел в угол, поднял руку...

Потолок проломился, одновременно погасли лампы, и тут же два тела упали на пол кабины.

Узкоглазый человек, облаченный в легкие бежевые брюки и рубашку с коротким рукавом держал на руках второго, одетого лишь в длинные, до колен, трусы. Этот второй не шевелился, голова его откинулась — мертвый, скорее всего, хотя крови не видно. Узкоглазый бережно положил его на пол, выпрямился и повернулся к Фнаду — то, как резко он двигался, насторожило Жиля, ну а когда мужчина повернулся... Льющийся сквозь стеклянный колпак тусклый свет озарил лицо, и Жиль узнал аякса.

Жиль Фнад выдвинул из сустава плазменный нож.

Аякс шагнул к нему.

Двенадцатью этажами ниже Дан приговаривал:

— Ну же! Давай, ну что ты?

— Даник? — откликнулась тонк-ящерка голосом Наты.

— Да, я! — закричал он, остановившись перед люком, который вел в узкую трубу. — Ты где?

— Мы к брошенному заводу подъехали, — сказала она. — Здесь весело. Жалко...

— У вас там все нормально?

— Жалко, что ты не поехал... Что? Да, все хорошо. Тут много народу, и охрана. Только...

Послышались треск и гул, неясно было, звучат ли они в том месте, где сейчас находилась Ната, или это какие-то помехи... хотя — какие помехи? Откуда им взяться при связи через общественную теленет-сетку? В геовэбе не может быть никаких посторонних шумов, тонк-устройства вылавливают поток чистого звука...

— Ух ты! — донесся приглушенный голос Наты. — Это, наверное, фейерверк...

— Что? — выкрикнул Дан. — Какой фейерверк? Что ты видишь?

Ната не слушала.

— Красиво как... Только шумит... — голос теперь едва доносился сквозь гул.

— Что шумит? В каком вы районе? Ната!!! — заорал он. — В каком районе вы сейчас находитесь?! Спроси у кого-то, у официантов, или кто там есть рядом!

— Небо светится... — голос был уже не восторженным, но растерянным и слегка испуганным. — Ой, Даник! И с жуком что-то, почему он хрипит? Оно... А сейчас горизонт дрожит...

— Где вы сейчас?! — надрывался Данислав, теперь впустую: гул вытеснил все остальные звуки, а потом пропал и он, в динамике наступила тишина. — Ты говоришь, завод?!

Он закрыл глаза, сунул ящерку в рукав, приложил ладонь к груди. Сердце колотилось. И за ухом кололо. Дан выхватил телемонокль.

'Михаил! — рявкнул он, увидев ниндзя на облачке. — Что происходит? Я...'

'Вы не выполнили приказ, — отрезал шеф. — Вам было сказано убить Кибервомбата. Если бы сделали это...'

'Как убить? Я что, вооружен? Или мне ее задушить надо было? Там эта пленка, оболочка кластера... она модулей дезинтегрировала! Ната...'

'В Общежитии катастрофа...' — начал Раппопорт, но Дан рявкнул: 'Заткнитесь!' — и шеф удивленно смолк.

'Ната поехала на экскурсию в Псевдозону. Потом Кибервомбат сказала что-то про демо-сферу и про ИскИнов, которым она инсталлировала мораль. Она их называла Восток и Запад. Сказала, что теперь эта сфера опускается туда, куда Ната уехала. А сейчас я попробовал связаться — нет связи! Сначала услышал ее голос, потом там что-то загудело и...'

'ИскИны... — пробормотал Раппопорт. — Ну да, мы так и решили. Мораль? Какая мораль? Причем здесь... хотя, да. Слушайте, Серба...'

'Нет, это вы слушайте! Что происходит? Ната, она же... Я так не могу, Рапопопорт, я... Объясните, что происходит!'

Ниндзя некоторое время молча покачивался на облачке, затем сказал:

'Судя по всему, тибетцы создали двух ИскИнов, поместили их на испытательный полигон в сфере, вывели на орбиту, проинсталлировав им стремление победить друг друга. Их снабдили техникой, лабораториями... Еще несколько лет назад у нас прошла инфа, что новогвинейцы наняли 'Вмешательство'

разрабатывать для их армии оружие. У гвинейцев уже Австралия, Суматра, Филиппины, и они на Таиланд с Камбоджой нацелились — не прямо сейчас, конечно, это долгосрочные планы расширения Юго-Восточного Бессознательного. Тибетцы для начала обратились к Мозгам, и те просчитали, что оптимальным вариантом будет использовать ИскИнов, а не заниматься разработкой самим. Тибетцы так и поступили. Теперь один конструирует и усовершенствует более мощное оружие нападения, другой — защиты. У них там на платформе полигон... Ну вот, а сейчас платформа опустилась в Псевдозоне. Мы не понимаем, что происходит. В тех местах есть несколько стационарных пунктов наблюдения, башен под аэрационными пологами, и только что все они перестали подавать сигналы. Их раньше челомуры часто выводили из строя, но теперь они вырубились одновременно. Серба, сейчас всполошились все. Только что мы перехватили внутреннюю директиву ЭА — они поднимают свои дивизии в Восточном Сознании. Два самых крупных милитари-острова ТАГ уже летят к вам, но они движутся медленно. ‘Фурнитура’ мобилизовала своих солдат. Скоро там появится весь неограниченный корпоративный контингент. Мы...’

Раппопорт умолк на несколько секунд и сказал:

‘Ко мне только что пришел приказ из Континентпола явиться на внеочередное заседание кризисной комиссии в геовэбе. Все, конец, акция провалена. Серба, немедленно уходите. Следуйте в аэропорт, садитесь на ближайший рейс...’

‘Да вы охуели там все! — заорал Данислав. — Там же Ната осталась! Я поеду в Псевдозону и...’

‘К утру Псевдозона будет оцеплена. Немедленно покиньте район.’

‘Нет!’

‘И еще где-то там Жиль Фнад. Он агент по найму, сейчас, судя по всему, работает на тибетцев. Его ШВЛ — сто три процента. Достоверно известно, что он был причиной смерти около двух с половиной тысяч человек. Если вы попадете на него...’

‘Так это он был на дискотеке! — понял Дан. — Там какой-то человек забрался на сцену, убил Космо и подключил к себе микрофоны. Толпа обезумела...’

‘Ага... — протянул Раппопорт. — Ясно, почему в Общежитии... Немедленно уходите, мы...’

‘Нет.’

‘Данислав... — голос шефа звучал теперь холодно и отрывисто. — Мой приказ: лететь в Западное Сознание. Не подчиняешься? — твое дело. Но ты не такой уж ценный

сотрудник, чтобы я просил Континентпол присылать за тобой остров. Дальше действовать будешь один...'

'Ну и хер с вами.' — сказал Дан.

'Имей в виду, в Псевдозоне связи скорее всего не будет.' — добавил Раппопорт напоследок и отключился.

Теперь дискотечный шар был пуст. То есть в нем не осталось никого живого, хотя трупами был завален весь пол. Данислава стошнило. Круглая сцена висела сильно накренившись, и Жиля Фнада на ней не было. Софиты уже не дергались, они слетелись облаком и замерли, посылая лучи света в разные стороны. Почти добравшись до пандуса, Дан увидел пролом в стеклянном полу и темную воду. Большая рыбина наполовину выбралась из нее; синее брюхо было продавлено, наружу сочилась розовая кашица. Широко разинутым ртом она засосала голову неподвижно лежащего человека, и от этой картины своды дискотечного шара завращались — Дан на несколько секунд потерял сознание.

Придя в себя, он пополз на четвереньках и на середине пандуса увидел мертвого солдата 'Фурнитуры'. Ведь я не спасу ее, какой смысл соваться в Псевдозону? Я не боец, никогда не обучался этому, не умею ни драться, ни стрелять. Надо уезжать — сейчас на струнник, пока он еще действует, в аэропорт... — шлем солдата валялся рядом. Обритый затылок проломлен чем-то тяжелым и тупым. Дан принялся расстегивать сбрую, моргая слезящимися глазами, на ощупь выискивая фиксаторы и рычажки карабинов. Было тихо, лишь приглушенные стоны доносились из холла. А Ната? Она и так не понимала половину того, что происходит вокруг, только на уровне простых человеческих отношений, но все, что сверх этого, все сложные причинно-следственные связи, из которых теперь состоит жизнь на планете, — это все оставалось для нее неопределенной областью, в которой она полагалась лишь на меня, и теперь, если я вдруг исчезну... Хотя, она же может, уже и... не жива. Что это значит — опустившаяся орбитальная платформа? Реально, что там происходит? — взрыв, воронка, или ничего такого, никаких катаклизмов? Раппопорт сказал: ее смонтировали на земле и подняли на орбиту... челноком, или там есть стационарные двигатели, предназначенные не только для орбитальных маневров? Шлем оказался мертв, электроника не откликнулась, когда Данислав нацепил его: наверное, включался только если устройством пользовался тот, на кого оно было настроено. В любом случае, через узкое темное стекло слишком плохо видно — в шлемах 'Фурнитуры' была прошита система контроля окружающей среды, отдающая приказы посредством запахов, воспринимаемых на рефлекторном уровне, так что солдаты

ориентировались больше на ‘душистые команды’ своего компа, чем непосредственно на окружающее…

Дан весь измазался в крови, пока надевал мягкую броню и неумело пристегивал сбрую.

В холле трупов было меньше, но когда Данислав пересекал его, сверху свалился лифт — не съехал, а упал. Проломил кольцевую площадку и рухнул на пол. Кабина треснула, из нее выбрел аякс с дыркой во лбу. Двигаясь, будто сломавшийся робот, бесцельно шаря перед собой руками, клон сделал несколько шагов и рухнул навзничь.

Когда Дан выбрался наружу, в конце улицы уже появились токамобили Бюро, а из-за крыш доносился стрекот подлетающих вертолетов.

Чуть позже из Общежития вышел Жиль Фнад. Впервые за несколько лет, с тех пор, как он разорил Хрусталь, в сознании его царило спокойствие — он был почти счастлив. Покинув здание через боковой туннель, Жиль внимательно осмотрел улицу, озаренную искусственным сиянием, прожекторами и фарами. Здесь толпились бюрики, стояли токамобили Бюро, низко над крышами висело два вертолета. Туннель вывел его в самый конец улицы, и прямо перед собой Жиль увидел капот полицейского челомобиля: дверцы распахнуты, внутри никого, кроме водителя. Тот сидел, погруженный нижней частью тела в пластик водительского гнезда, с телемоноклем на лице. Фнад поглядел поверх машины — бюрики оцепляли Общежитие — сунулся в дверцу и свернул голову водителя. Вытащив его из гнезда, бросил под колеса, нацепил телемонокль и вложил запястья в сенсорные пазы. Через модем машины Фнад вошел в геовэб и попал на сервер «Вмешательства», расположенный не в Парке, но плавающий высоко над ним. Сектор этот имел точно такой же вид, как и заповедник, в котором Фнад последний раз разговаривал с ламой.

И лама тоже был здесь, причем аватара повторяла его вид в реале. Худой невысокий старичок с морщинистой лысиной…

‘С Машиной не вышло, — сказал Фнад. — Она у дерекламистов. Зато репутация ЭА — коту под хвост. Насчет винчестера…’

‘Забудьте про винчестер, — сказал лама. — Теперь это не имеет смысла. Сфера опустилась. Вам необходимо уничтожить ИскИнов прежде, чем кто-то доберется до них.’

III

— Дай мне, пожалуйста, — попросил стоящий на вершине холма Шунды Одома.

Магадан отдал бинокль. Еще не рассвело, из окон фермерского домика в центре широкого поля лился свет. Несколько тел висели на электрифицированной ограде с колючей проволокой, окружавшей поле.

— Интересно, что эти люди выращивают? — спросил Шунды.

Из дверей дома высунулся бородатый человек с двустволкой и выстрелил. Допотопное оружие громыхнуло так, что Шунды отпрянул, вспышка в окулярах почти ослепила его. Тут же из темноты за оградой вынеслась фигура на мотоцикле, швырнула что-то и умчалась обратно.

Взрыв развоpотил часть ограждения. Несколько мотоциклистов с воплями рванулись в пролом, поднялась стрельба.

— Страшно смотреть на это... — ежась, Одома вернул Магадану бинокль и повернулся спиной к ферме и напавшим на нее байкерам.

— А чего... — сказал Магадан, ухмыляясь. — Веселятся люди...

— Нелюди они, — возразил Шунды, спускаясь с холма в низину, где остановился отряд, и на ходу все более раздражаясь — психомарево отступало. — Злые и жестокие, ненавижу таких. Ненавижу! Их всех поубивать надо! Твари! Пристрелить или взорвать к ёбаной матери!

Колпак амфибии был откинут, пятеро дерекламистов выбрались проветриться. В приторoченной сзади черной сетке стоял модуль. Шунды решил использовать его лишь при необходимости, слишком уж странные ощущения возникают когда попадаешь внутрь. Эту сетку сделал старик — из какой-то синтетики с железными прожилками. Такой материал модуль в себя не впитывал.

Раппопорт сидел на корточках и качал головой, болезненно морщась. Шунды так и не дал ему стикерса и остальным запретил давать. Сказал: как дело сделаем, так и получишь. Теперь старика трясло.

— Ма-а... мальчик... — заискивающе начала он, но Шунды перебил:

— Не дам, и не проси. Вот доберемся до этих уродов, тогда получишь.

— Так ведь еще ехать и ехать...

— Не так уж и далеко. Я до вечера рассчитываю туда попасть. Впереди ферма, а потом вроде канала что-то, или реки, в бинокль трудно понять. Объедем его, дальше уже по прямой...

— Какой п-прямой! — простонал Раппопорт. — Это здесь прямые, а дальше геодезические линии всякие начнутся. Они ж сво-о... свою среду сделали, там обычная м-метрика не действует на-а... наверняка.

— Ты мне чепуху не говори, — отрезал Одома, разглядывая розовые губы на боку модуля. — Брысь в амфибию! Все, едем.

Когда миновали холм, выяснилось, что ферма уже горит. Байкеры носились вокруг, гоготали и постреливали по выбегающим из дома людям. Шунды ожидал, что мотоциклисты погонятся за отрядом и придется отбиваться, но те были слишком заняты.

В просторной кабине амфибии Одома сидел рядом с водителем, остальные устроились позади двумя рядами, лицами друг к другу, и посмеивались над Раппопортом — тот качался из стороны в сторону, тряс головой, иногда стонал и яростно тер глаз, будто хотел разодрать веко. Тишка, вооруженный автоматом, замер на покатом крыле возле колпака, а бесстрашный Магадан катил чуть впереди амфибии с гранатометом на плече.

Светать начало, когда ферма осталась далеко позади. Ландшафт не радовал глаз: унылые всхолмления да разрушенные домишки между ними. Миновали еще одну ферму, окруженную электрооградой и столбами с пулеметными гнездами на верхушках, а потом едущий впереди Магадан замахал рукой и, крутанувшись на месте, остановился.

Водитель притормозил и открыл колпак, Одома спросил:

— Что там?

— Да вон, глянь, командир, — откликнулся Магадан, показывая.

— Мальчик... ну по-о... пожалуйста... — залебезил Раппопорт, протягивая руки к выбирающемуся из кабины Шунде, но тот рявкнул, оттолкнув его:

— А в жопу тебе не задует? Сиди ровно! Я сказал: не получишь ничего, пока до места не доберемся!

— Да в-вдруг мы ту-у.. туда сто лет б-будем добираться? Если там про-о... пространство-время другое?

Не слушая, Шунды подошел к Магадану.

— Ну чего?

Отсюда тянулся пологий длинный склон. Сооружение из керамических обломков, бревен и веток высилось поперек реки внизу: от берега до берега, вроде широкой плотины, хотя воду

оно не задерживало, лишь разбивало ее на множество быстрых потоков, клокочущих меж толстых свай.

— Это чего? — удивился Одома.

Магадан пожал плечами, и тогда Шунды, оглянувшись, крикнул:

— Эй, проф! Давай сюда!

За рекой начиналось болото, топкая поверхность с поблескивающими пятнами воды.

Вставший рядом Раппопорт растерянно протянул:

— Это же муравник...

На ближнем конце плотины появился человек. Собственно, теперь, когда начало светлеть, Шунды разглядел, что их там много — голые и грязные, они копошились среди бревен.

— Да кто это такие?

— Мо-о... можно бинокль?

Магадан протянул старику бинокль, проф посмотрел и сказал:

— Челомуры. Там микророботы живут.

Их заметили — с десяток человек уже поднимались по склону.

— Едем, — решил Одома, поворачиваясь.

Они заспешили к амфибии, и Шунды на ходу спросил:

— Эти роботы опасные, да?

Старик так ослаб, что Магадану пришлось подсаживать его на крыло.

— К-конечно, — сказал Раппопорт, пыхтя. — Да-а... дайте же руку кто-нибудь...

Один из дерекламистов схватил его за шиворот и втянул внутрь, Шунды тем временем уселся возле водителя.

— Магадан, залезь на второе крыло! Поехали! — он оглянулся, когда амфибия, управлявшаяся по старинке, рулем, рычагами и педалями, тронулась с места. — Проф, так эта херня на речке — это муравник, где живут роботы? А что там люди делают?

— Не люди — челомуры! — возразил Раппопорт. — Они живут в му-у... муравнике. У всех губчатая энцефалопатия, как от принов. А микророботы живут в челомурах...

— Чего? — не понял Одома, и тут оба колесничих одновременно открыли огонь.

Амфибия катила по склону, быстро набирая ход. Несколько людей впереди успело отпрыгнуть, других раскидал покатый нос, но все новые лезли на берег с плотины. Сквозь колпак доносилась частая дробь тишкиного автомата, гранатомет Магадана издавал глухие хлопки, и каждый раз впереди возникала вспышка, от

которой разлетались ошметки тел. Одома ухватился за торчащие из приборной доски джойстики, нажал, выдвигая за колпаком турель пушки. Позади вопили и ругались дерекламисты.

В магазине было лишь семь гранат, использовав все, Магадан выхватил рукоять болевой жерди, нажал на кнопку и стал, как длинной дубинкой, размахивать вокруг себя потоком электромагнитных импульсов.

— Сворачивай!!! — завопил Шунды, когда торцевая часть плотины оказалась перед ними. Водитель крутанул руль.

Машина завалилась на бок, двигаясь по крутой дуге; перед Шунды мелькнула стена муравника: вроде огромного улья из уложенных по какой-то сложной системе бревен, веток, кусков арматуры, сломанных строительных балок и блоков, с сотней узких темных проходов, полных жизни, кишащих челомурами. Амфибия достигла реки, подняв дугу грязной воды, понеслась вдоль плотины, и тут прямо на колпак упала фигура. Челомур распластался, пытаясь удержаться на скользкой поверхности; мгновение Одома и орущий от страха водитель видели перед собой человеческую плоть, испещренную множество ходов, узких и широких прорех, окруженных лоснящимися розовыми язвами. Что-то шевелилось в них, выбиралось наружу, сновало между ранами и исчезало внутри — крошечные темные тела, не то паучки, не то рачки, и самое большое отверстие зияло в груди, сквозь него можно было заглянуть внутрь, словно в пещеру, где, запеленатое в полупрозрачную пленку, вроде жесткого целлофана, быстро билось сердце.

Магадан направил на челомура жердь, но та лишь вызывала сильную боль, а убить не могла. Существо соскользнуло влево, на второго колесничего. Тишка, повернув автомат, выстрелил в упор. Мгновенно выгорающий сжатый кислород вбил пули в плоть челомура, и тот соскользнул с колпака... успев схватить колесничего за ногу.

Магадан закричал, протягивая руку, но Тишка вместе с челомуром уже свалился под амфибию.

Шунды вдавил кнопку на правом джойстике. Повернутая к муравнику пушка выплюнула липкий шар размером с человеческую голову: оболочка из сплава алюминия, цинка, марганца и железа, начинка из термитного алюминия, а сверху все это покрыто еще и слоем модифицированного пирогеля. Эту штуку Одома сделал сам и очень ею гордился.

Бомба ударила в стену и взорвалась, полыхнув ослепительным сине-белым светом и залив все вокруг раскаленными комьями огня. Муравник просел.

Он пылал вовсю, когда амфибия вылетела на

противоположный берег. Горящие тела метались сквозь огонь и падали вниз, в облако гремучего газа, поднявшегося там, где в воду попал термит.

— Жми! — кричал Шунды, видя, как приникший к колпаку Магадан делает отчаянные знаки, призывая вернуться за Тишкой. — Жми, не тормози!

Они остановились только когда река и горящий муравник исчезли из виду. Водитель трясущимися руками нажал на кнопку, колпак раскрылся, и Шунды полез наружу, ощущая слабость в коленках.

— Мать... мать... мать... — бормотал он, неловко хватаясь за скобы.

— Командир... — на Магадана было жалко смотреть. — Тишка...

— Все, кончился Тишка, — сказал Одома, садясь на крыле рядом. — Брось, не могли мы за ним возвращаться! Ты видел, сколько их там? Блядь, да успокойся ты!

Он вытянул перед собой руку с растопыренными пальцами, увидел, что они дрожат, будто тонкие веточки под ураганным ветром, полез было настроить эго-форминг, но передумал и огляделся. Отряд углубился в болото: лужи зеленой воды, ряска, кочки и бочажки вокруг. Уже рассвело, но солнце не показывалось, небо оставалось серым, унылым. Дерекламисты, встав на сидениях, с настороженным любопытством глядели по сторонам, только проф, стеная, качался из стороны в сторону: во время гонки по реке он упал и рассадил губу. Одома смотрел, как Раппопорт трясет головой, рукавом вытирает сопли... Старик был живым человеком, как и Магадан. Тот обладал своим характером, привычками, наклонностями — добродушный и равнодушный, незлой и жестокий... Шунды знал его прошлое: дизайнер крупной пиар-студии, жена и сын погибли в нелепом несчастном случае, когда вышел из строя висящий над скоростной трассой голо-бигборд, разработанный той самой конторой, где работал колесничий, и супруга Магадана, ослепленная сверканием, слетела на обочину — потому-то колесничий в конце концов и присоединился к дерекламистам. Знание всего этого делало Магадана в глазах Шунды объемной фигурой, телом из плоти и крови. Так же и Раппопорт — тот тоже был живым. А вот остальные солдаты... Будто одинаковые автоматы для ношения оружия и стрельбы, Одома даже не помнил имена: просто статисты на его жизненном пути.

Модуль никуда не делся, лежал позади амфибии, словно булыжник в черной кошелке.

— Проф! — позвал Одома. — Эй, проф! На хрена мы с собой

эту штуку тянем? Ты уверен, что она нужна? Только мешает. С чего ты вообще взял...

Раппопорт встал коленями на сидение, выглянул, отирая губы ладонью, прошамкал:

— Гэндзи говорит, п-по дну человеку не пройти, без модуля — никак. Мальчик, н-ну дайте же мне стикерс!

— Говна тебе, — процедил Шунды, и его рот искривился коромыслом. — Ладно, едем дальше. Магадан, не плачь. Забудь ты про Тишку! Нет его больше. Давай, залазь в кабину, ты на своих колесах здесь не проедешь.

Дерекламисты молча расселись, только проф еще что-то бормотал, прикрыв правый глаз, нажимал пальцем на веко. Над сиденьем висел черный компьютерный терминал с торчащим под экраном пластиковым грибом — клавиатурным джойстиком. Старик отстегнул ремень от карабина, положил терминал на колени и включил. Магадан наконец пришел в себя, его лицо разгладилось. С Тишкой они особо не дружили, тот был примерно таким же статистом, как и прочие солдаты, но — единственным в отряде колесничим, не считая Магадана. Не родственные души, но родственные строение тел, потому-то Магадан и распереживался.

— Сейчас, погодите.

Шунды спрыгнул на мягкую землю. Воздух над болотом был чистым и ясным, никакого тумана. И тихо. Одома оглянулся на модуль, размышляя — может, в этой штуке поехать? Она хоть и странная, но когда находишься в ней, возникает ощущение безопасности. Да и управление, как выяснилось, было элементарным: словно едешь в детском токамобильчике, за рулем которого послушный ребенок, и ты говоришь ему, куда поворачивать.

Один из солдат полез наружу, Шунды прикрикнул на него: «Куда поперся?», и тот ответил — «Поссать надо, командир». «Ладно, ссы», разрешил Одома, и тут водитель, привстав, выкрикнул: «Там летит!..»

Шунды обернулся. Вдалеке, у края болота, что-то шевелилось, медленно приближаясь... наконец он разглядел, что это смерч: темный вращающийся конус воздуха, чуть наклонившись вперед, с гудением несся через лужи, слизывая их на своем пути, втягивая в себя.

— Бля-я... — вылезший из кабины дерекламист машинально поднял автомат. Смерч, скользящий со скоростью километров сто в час, уже навис над ними. Гудение заглушало крики тех, кто остался в амфибии.

Водитель, цепляясь комбинезоном за рукоятки и рычаги, с

воплем полез из кабины. Солдат, развернувшись, побежал, тут же споткнулся и упал в лужу. Смерч настиг его.

Словно кто-то взял воронку из темно-синего стекла, вдавил ее в целлофановую поверхность и стал вращать, при этом медленно сдвигая, — лужи и топкая земля, все, что находилось вокруг узкой ножки смерча, искажалось, вытягивалось поначалу пологими, но ближе к эпицентру резко изгибающимися полосами... Солдат исчез. На глазах у Шунды растущий впереди куст оторвался от земли и канул в стене воздуха. Вопящие дерекламисты выскакивали и выпадали из кабины, пробегали мимо, только Раппопорт, выпрямившийся во весь рост, стоял неподвижно, глядя на смерч.

До амфибии оставалось всего несколько метров, когда тот распался; будто что-то большое и невидимое с грохотом рухнуло на землю, и стало тихо.

— Стоять, уроды! — заорал Шунды, оборачиваясь. — Куда поперли? Стоять, говорю!

Тут на голову ему упало нечто легкое, небольшое и мягкое, — шлепнуло по макушке и разбрызгалось в волосах. И сразу — плям! плям! — мясистые тельца стали падать со всех сторон. Воздух порозовел, наполнился движением. Широко раскрыв глаза, Одома огляделся. Красные черви размером с мизинец дождем падали на землю и выбивали фонтанчики грязной воды из луж.

— Проф! — закричал Шунды, бросаясь к кабине. — Это что такое?

Он вскочил на крыло, расталкивая других дерекламистов, которые тоже лезли в кабину, стремясь побыстрее захлопнуть колпак и укрыться от червивого дождя — но тот уже закончился. Последние мягкие тельца шмякнулись о броню амфибии, разбрызгавшись красно-коричневыми пятнами, и все стихло.

— Смерч за-а... затянул их, — прошамкал Раппопорт. — А ко-о... когда распался, они н-назад попадали...

Шунды, стянув куртку, принялся отряхивать ладонями волосы и трясти головой.

— Там еще летит, — сказал Магадан.

Одома только успел поднять голову, когда что-то большое рухнуло, подняв тучу брызг, в лужу неподалеку. Переглянувшись с Магаданом, он положил куртку на колпак, спрыгнул и пошел туда. Колесничий сказал: «Осторожно, командир», расстегнув кобуру на ремне, покатил следом. Пистолет в кобуре был заряжен не зулями, а обычными патронами.

Одома вдруг упал на колени и взвыл дурным голосом.

— Что? Что там? — по мягкой земле ехать было неудобно, но

Магадан в две секунды добрался до него.

В луже на боку лежала девушка, подросток лет пятнадцати, голая, с широко раскрытыми глазами. Обритая, лишь редкий ежик только-только начавших отрастать светлых волос. Брызги грязи усеивали белую кожу на выступающей из лужи половине тела.

— Что, командир? — Магадан склонился над Одомой, который сидел, поджав ноги, качался взад-вперед и тихо выл. Колесничий отпрянул, когда увидел, что из-под круглой черной линзы стекает слеза. В первую секунду Магадан даже не понял, что происходит... Шунды Одома, это чудовищный, изуверский ребенок-взрослый, способный ради своей цели вырезать сердце у живого младенца, — плакал.

— Ася... — проныл Шунды. — Господи-и... Это же Ася, сестра моя...

— Сестра? — ошеломленно переспросил Магадан. — Откуда она здесь?

Одомы сунул дрожащие пальцы под кепку и нащупал верньер эмошника. Потом согнулся, прижав лицо к коленям, и замер, лишь плечи иногда вздрагивали.

Услышав шаги, Магадан оглянулся. Проф ковылял к ним, брезгливо переставляя ноги по грязи. Колесничий махнул рукой, показывая, чтобы Раппопорт молчал, но тот, так и не получивший лепестка, соображал теперь туго. Он встал рядом, подслеповато щурясь, вгляделся в труп, перевел вопросительный — и слегка безумный — взгляд на Магадана.

— К-кто это?

— Говорит — Ася, — прошептал колесничий. — Сестра его.

— А, ясно. Так чего же он...

Тут Магадан, не выдержав, пихнул старика в грудь, и тот, отступив, чуть не упал.

— Заткнись, долбоеб старый, — процедил колесничий.

Шунды встал и повернулся к ним. Тонкая верхняя губа его приподнялась, обнажив мелкие зубы — казалось, он сейчас зарычит.

— В машину! Все, едем дальше!

Он побежал к модулю. Ухватив профа за костлявое плечо, Магадан покатился следом.

— Командир! — крикнул он. — А вы не... А похоронить? Ее же надо похоронить...

Шунды, уже взбиравшийся на амфибию, повернул голову.

— На хера ее хоронить? Едем.

Чавкая грязью, амфибия покатила через болото.

Примерно в пяти километрах позади ехал токамобиль, где

сидел Данислав. Машину он угнал прямо из-под общаги. Кажется, она принадлежала Проректору — Дан увидел, что водитель, выйдя из черного зализанного лимузина, вместе с другими зеваками наблюдает за оцепляющими здание бюриками. Дверца осталась открытой. Данислав просто сел и поехал.

Земляная дорога тянулась через пустошь между развалинами фермерских построек. Дважды Дан проезжал еще не разоренные фермы: домики, сараи и квадраты возделанных полей. Там, за электрифицированными оградами, жили люди, но Дан не останавливался и даже не смотрел в их сторону. Противоречивые чувства разрывали его на части. Он боялся. Он хотел вернуться, сесть в дирижабль, на самолет, в вертолет — куда угодно, и улететь из автономии, возвратиться в Западное Сотрудничество, работать себе тихо на Раппопорта, собирать информацию, общаясь с важными господами, иногда трахать их жен или дочерей, и забыть обо всем произошедшем, о Нате… кто она ему? Всего лишь любовница, женщина, которую он вытащил из затрапезного инкубаторного поселка на окраине Сотрудничества, необразованная, главное — не слишком умная, чтоб не сказать: глупая. Сейчас еще не поздно развернуть токамобиль и поехать обратно — но другой страх, не менее эгоистичный, страх того, что забыть не удастся, что грустное лицо, каким оно было в Общежитии перед тем, как Ната уехала на эскалаторе, так и будет стоять перед глазами, как оно стоит перед ними сейчас, до конца жизни, той жизни, что и теперь кажется бесцельной, а если он развернется и покатит в аэропорт — совсем уж потускнеет, лишится и проблеска смысла… страх этот владел им.

На краю пустоши тянулась цепь холмов; дорога, круто поворачивая, ныряла в узкий распадок. Дан притормозил, а за поворотом и вовсе остановился, увидев преградившие путь фигуры.

Байкеры. Двое. Один — обычный человек, второй — киборг. Первый щеголял банданой из поблескивающей металлопленки, ярко-красными пластиковыми брюками и обнаженным торсом в наколках, но не динамических. Сидя на черном кожаном сидении, расставив ноги, упираясь каблуками высоких сапог в землю, он обеими руками сжимал руль большого мотоцикла, когда-то такого же ярко-красного и блестящего, как и его брюки, но сейчас грязного, в налете ржавчины. У киборга, облаченного в распахнутую кожаную безрукавку, ноги тоже имелись, но закрытые покатыми железными пластинами, повторяющими в гипертрофированном виде очертания обнаженных икр и ляжек; они наискось тянулись вперед, как бы сжимая пятками ось колеса, — Дан решил, что на самом деле ось эта проходит сквозь

ступни. Задница киборга была припаяна к кожуху тесларатора, зато руки нормальные, обнаженные и мускулистые. Одной киборг держал руль, а второй, опущенной вдоль тела, — какое-то оружие вроде пистолета, но диковинной конструкции и с рукоятью, обмотанной грязными тряпками.

Несколько секунду они стояли неподвижно, затем повернули головы друг к другу и обменялись короткими репликами. Киборг ухмыльнулся. Голова у него была обычная, только на лбу поблескивала металлическая заклепка в форме шестиконечной звезды.

Опустив стекло, Дан высунулся и сказал:

— Извините... разрешите проехать...

Киборг поднял оружие и выстрелил. Данислав отпрянул, лобовое стекло токамобиля с глухим хлопком побелело. Царившая в распадке между холмами тишина сменилась шипением, ревом и криками.

Данислав газанул так, что ему показалось, будто зад токамобиля слегка приподняло. Вывернул рулевую подкову, пытаясь объехать байкеров, видя боковым зрениям расплывчатые силуэты, с криками съезжающие по склонам, сбил киборга, который, бешено закрутившись, вылетел из-под колес и упал на бок. В суматохе Дан ненароком зацепил какой-то сенсор, и включилась система для новичков: над всеми рычагами, панелями и переключателями в воздухе протянулись пунктирные стрелки, развернулись полупрозрачные прямоугольники голограмма с поясняющими надписями — будто окошки программ на мониторе.

Распадок остался позади, Дан увидел рощу, поле и что-то массивное, ползущее по нему справа. Услышав автоматную очередь, оглянулся: полтора десятка байкеров, растянувшись журавлиным клином, неслись, подпрыгивая на ухабах. В следующее мгновение двоих не стало, от вспышки огня заднее стекло потемнело, гася вредную для сетчатки яркость света.

Вновь глянув вперед, Дан увидел кривую березу — вывернул рулевую подкову, нажал тормоз... Ствол березы становился все больше, еще больше, он уже заслонил весь ландшафт... Левой частью капота токамобиль врезался в дерево, сломал его, развернулся, извергая из-под колес фонтаны земли. Полускрытый разлетающимися во все стороны комьями, ландшафт перед глазами Дана крутанулся — и машина встала.

Он вывалился из дверцы, упал на колени, помотал головой и выпрямился. Прямо перед ним маячил дом: нормальный такой одноэтажный домишка со стенами из пластиковых блоков, покатой крышей с барельефом, имитирующим древнюю черепицу,

окошками, дверью и крылечком. Вот только этот дом не стоял на месте, но летел в полуметре над землей. Из чердачного окна торчал ствол и поливал байкеров огнем.

Десяток мотоциклистов палили в ответ. Дан повернулся, когда дом поплыл мимо, увидел клубы дрожащего марева, бьющие во все стороны из-под днища постройки, услышал гул вентиляторов... это что, умнодом такой? На воздушной подушке?

Орудие в чердачном окошке прекратило стрелять. Дверь распахнулась, на пороге возник высокий мужчина в халате и тапочках, с панелью терминала на груди, в телемонокле, но не стерео — лишь один цилиндрик, как бы торчащий из правого глаза, закрепленный на голове узкой пластмассовой дугой.

— Сюда! — звучно прокричал он и помахал рукой. — Давайте внутрь!

Байкеры неслись к дому, часть ехала прямой, часть — расходящимися дугами, окружая. Дан, спотыкаясь, побежал к двери. В щиколотки ударил плотный воздушный поток. Данислав вспрыгнул на нижнюю ступень крылечка, мужчина ухватил его за шиворот, рывком втянул внутрь и захлопнул дверь.

— Сейчас, сейчас... — произнес он хрипловатым басом.

Дан на дрожащих ногах сделал несколько шагов через просторное помещение, еще плохо соображая, что вокруг: какая-то мебель... стулья, стол... приклеенные к стенам компьютерные мониторы из светящейся электронной бумаги... пульт управления на верхушке металлического гриба с круглой плоской шляпкой, торчащего на середине комнаты...

Он ухватился за край стола, когда пол слегка качнулся и дом стал поворачиваться. Под половицами загудело, и тут же вверху кашлянула пушка.

Хозяин провел ладонью по львиной гриве волос с редкой сединой и шагнул к пульту. Он прикрыл левый глаз, чтоб лучше воспринимать картинку в единственном окуляре монокля. Пушка выстрелила несколько раз подряд.

За квадратным окошком двигался пейзаж: проносились заросшие травой рытвины, иногда мелькали деревья, а потом Дан увидел байкеров, теперь лишь четыре крошечные фигурки...

— Осторожно, — произнес хозяин, и Дан плюхнулся на стул, прикрученный, как оказалось, к полу, вцепился руками в края сидения.

Все поверхности в комнате состояли из темно-бордового пупырчатого пластика. Пол качнулся, умнодом быстро и плавно свернул по крутой дуге, после чего за окошком слева потянулась стена деревьев: теперь здание двигалось вдоль рощи.

— Мы оторвались, — с достоинством сказал мужчина и снял

монокль. — Автопилот...

Он коснулся сенсоров на пульте, прошествовал к стене, раскрыл дверцу утопленного в нее шкафа и чем-то зазвенел.

Дан рискнул выпрямиться, придерживаясь за спинку стула, потом отпустил ее... нормально, можно ходить, не рискуя, что свалишься и разобьешь нос.

— Виски? — хозяин протянул ему стакан. — Меня зовут Джурич Осмос...

Произнесено это было тоном, который ясно давал понять, что хозяин ожидает восклицания вроде «Как, сам Джурич?» или «Осмос, не может быть!». Дан и вправду уже слышал это имя, но припомнить сейчас, где и в связи с чем, не мог. Выдавив улыбку, он сказал:

— Дан. Данислав...

Если Джурич Осмос и испытал разочарование от того, что его не узнали, то никак этого не показал. Он степенно кивнул и отпил из своего стакана. Дан тоже отпил, поперхнулся, закашлялся... в горле, а потом и в желудке стало горячо.

— Вкусно, — сказал он, глубоко вдыхая и делая второй глоток.

— Ржаное виски, — пояснил хозяин. — Сам делаю.

Он говорил веско, ставил каждое слово, будто каменную глыбу в пирамиде фразы.

— Я слышал ваше имя раньше, — произнес Дан. — Но, простите, не помню сейчас... кто вы?

Джурич Осмос не торопясь допил и сказал:

— На вас солдатское обмундирование, хотя на солдата вы не похожи. Вы бизнесмен, юноша? Наукой не интересуетесь?

Дан возразил:

— Нет, отчего же, интересуюсь. Но поверхностно, как простой обыватель.

Хозяин сел на стул и поставил стакан между ног, обутых в темно-зеленые бархатные тапочки с открытыми задниками.

— Джурич Осмос... — задумчиво и как бы с почтением к самому себе протянул он. — Это имя известно, но, конечно, в кругах людей, склонных проявлять интерес к соответствующим областям знаний. Я, понимаете ли, естествоиспытатель. В некотором роде — исследователь и путешественник.

Тут Дан наконец заинтересовался по-настоящему.

— Путешественник? А разве еще остались... ну то есть где же вы путешествуете? На планете вроде все исследовано, вон даже в Марианскую впадину экскурсии отправляют, а на северном полюсе — гостиница.

Джурич медленно кивал, словно подтверждая каждое слово,

затем многозначительно поднял указательные палец.

— А это?

— Что?

Хозяин развел широкие ладони, будто обнимая весь ландшафт, через который мчался умнодом.

— Псевдозона. Она, по-вашему, тоже исследована?

— А, зона... Ну да. То есть нет, не исследована. Но... Разве здесь есть что исследовать?

— Я первый классифицировал типы челомуров, — произнес хозяин с легкой укоризной. — Выявил среди них доминантные и боевые особи, доказал, что сообщества муравников не анархичны, как это считали биосоциологи, но строго иерархичны, да еще и связаны между собой сетью акустических подземных волноводов. Я обнаружил прибрежные источники тяжелой воды, доказал связь между электризацией хлопьев в шлаковых метелях, часто происходящих на юге Псевдозоны, и так называемого «земляного сулоя» или толчеи земли, способной за минуту уничтожить крупную ферму. Наконец...

— А туристического каравана вы вчера ночью не видели? — спросил Дан.

На благородном лице с крупными чертами мелькнуло неудовольствие, но Данислав сейчас было не до вежливости.

— Ну да, — согласился Осмос, помолчав. — Был караван.

— Куда он двигался? Он возвращался или ехал в глубь Псевдозоны? Что с ним стало?

Джурич откинулся на стуле, положил ногу на ногу, обнажив волосатое округлое колено. Во всех движениях хозяина присутствовало что-то нарочитое, слегка театральное.

— Он ехал вглубь территории. Что с ним стало, я не знаю. Почему вас это интересует?

— Не могли бы вы меня туда доставить? Понимаете, это караван из университетской автономии. На нем была моя знакомая... Хорошая знакомая. Я ее ищу.

Дан решил, что хозяин откажет, но Джурич Осмос сказал:

— Ну да, я и так туда собирался. Собственно, мы в этом направлении сейчас едем. Что-то произошло возле реки — вспышка в небе, гул... Какое-то необычное явление, я еще не сталкивался с подобным.

— Спасибо! — сказал Дан искренне. — Так мне можно с вами?

— Почему бы и нет? Едем, вместе веселее.

Джурич Осмос поднялся и прошел к окну. Данислав последовал за ним — в окне виднелся край болота, изгибающийся пологой дугой, и холмы.

— У меня здесь автокухня, — сказал Осмос. — Вы голодны, Данислав? Сейчас поедим.

Кивнув, Дан провел пальцами по стене — точно, пластик.

— Здесь все очень легкое, — пояснил хозяин, искоса наблюдая за ним. — Дом весит крайне мало, чтобы не создавать лишнего давления на подушку. Да и маневренность в результате отличная. Это моя собственная конструкция.

Осмос прошел к пульту. Пол чуть качнулся: дом изменил направление движения.

— До завода доберемся засветло. Мне показалось, что необычный ночной феномен произошел как раз в том районе. Вроде что-то опустилось на Антипургаторий...

— Это нуклоновый завод? — спросил Дан. — Тот, откуда поперли микророботы?

— Точно. Антипургаторий. Я был его генеральным конструктором.

Данислав заинтересованно обернулся к хозяину.

— Да? И что там произошло?

Джурич пожал широкими плечами.

— Произошло то, что и планировалось. Микророботы начали перестраивать структуру среды.

— Планировалось? Почему планировалось?

— Да ведь это я их так настроил, — пояснил Осмос с легкой улыбкой. — Я был несчастлив, знаете ли, очень несчастлив на протяжении долгого периода жизни. Представьте... — он склонил голову, и некоторое время молчал, о чем-то размышляя. — Представьте себе, что вы, к примеру, писатель. Если хоть немного изучали историю, то знаете, что когда-то это была достаточно распространенная профессия. А вот что делать писателю сейчас, когда книг нет? Что?

— Находить применения своему таланту в другой области, — сказал Дан.

— В другой области... Ха! Так вот, если мой талант лежит в области исследования нового пространства? Но Земля изучена, как и другие планеты этой системы, которые оказались вполне скучны и банальны, а в далекий космос мы летать так и не научились? Вот я и создал...

Он замолчал. Дан наконец понял, о чем говорит Джурич Осмос, и спросил:

— Так вы что... Вы спланировали бунт микроботов и появление в результате этого территории вроде Псевдозоны... И все это — чтобы на Земле возникло место, которое можно было бы исследовать?

Осмос не расслышал нотки возмущения в его голосе. Кивнув,

он подтвердил:

— Вот именно.

— А... а людей не жалко? — Дан не нашелся что еще сказать, и вопрос прозвучал глупо.

По выражению благородного лица он увидел, что его просто не понимают: нет, не жалко, потому что Джурич Осмос был центром своей вселенной, да не просто центром — он и был всей вселенной, и жалость мог испытывать только к себе самому.

В это время Жиль Фнад убивал байкера. Токамобиль Бюро подорвался на мине еще час назад — бронированный корпус выдержал, но ходовая часть вышла из строя, — и Фнаду пришлось идти по пересеченной местности, огибать развалины ферм, взбираться на холмы и прыгать через канавы. Трижды он видел полуразложившиеся человеческие тела, а один раз — неглубокую яму, полную трупов, и обычных, и с разными искусственными частями, — и каждый раз ловил себя на мысли: сломавшаяся органика — это хорошо, куда лучше, чем функционирующая; лишенная сознания и душевных устремлений плоть не приводит его в ярость и вовсе не кажется мерзкой.

В душе Жиля воцарилось спокойствие, какого не бывало уже давно. Он и не помнил, когда в последний раз пребывал в мире с окружающим... пожалуй, после того, как разорил Хрусталь, большой детский интернат — Интернат Нового Поколения, как именовала его реклама, что подразумевало и высокотехнологичность самого здания, и то, что в нем воспитывается новое поколение людей. У Жиля была собственная стартовая площадка, спрятанная в глуши полуострова Туле на северо-западе Гренландии, и свой космический челнок. После Хрусталя, получив от тибетцев обещанные клики, он улетел на луну и долго бродил по ее обратной стороне, любуясь однообразным пейзажем. С тех пор у него и появилась эта мечта: построить там, на другой стороне спутника, небольшой купол с полной системой жизнеобеспечения, парником и растительными регенераторами воздуха, сделать свою собственную единоличную автономию и остаться в ней навсегда. Воду можно добывать из реголита, энергию даст выведенная на орбиту небольшая солнечная батарея... После диверсии антиевгеников на луне запрещено было находиться кому бы то ни было, там оставалось лишь механизированное хранилище ДНК, да обслуживающие его киборги. Впрочем, все равно это не идеал — всегда существует шанс, что кто-нибудь нарушит уединение. Следовало вообще покинуть солнечную систему, отыскать для себя планету и зажить там, одному в целом мире... Но это недостижимо. Собственно, в

конечном счете, именно потому Жиль Фнад и убивал: чтобы людей вокруг стало меньше. Он понимал: усилия тщетны, уничтожить всех невозможно, но убийства служили хоть иллюзорным путем достижения мечты. А еще он тешил себя мыслью о том, что почти каждый человек — вершина огромной пирамиды людей будущего, и, убив пару тысяч, он на самом деле уничтожил миллионы потомков, прорубил обширные прорехи...

Взобравшись на очередной холм, Жиль увидел огибающую склон дорогу и фигурку на мотоцикле, пока еще далекую, но быстро приближающуюся. Эта сторона холма была отвесной, дорога проходила в паре метрах под ногами Фнада. Слева болото, справа пустошь, синяя река, над которой что-то дымит, вроде горящей плотины... Он присел, чтобы мотоциклист не заметил, а когда тот оказался внизу, прыгнул.

Жиль упал позади байкера, ехавшего медленно и неуверенно, вихляя колесами; одной рукой обхватил его шею, а другой, согнув указательный палец и выдвинув из сустава плазмонож, ударил в бок.

И только теперь понял, что это киборг-колесничий: скрытые металлом ноги протянуты вперед, переднее колесо крутится вокруг оси, закрепленной в ступнях.

Байкер заорал от неожиданности, потом от боли, когда лезвие пробило ребра.

Фнад зарычал ему в ухо. Мир вновь принялся доставать его, складывая причины и следствия в раздражающей последовательности, и теперь сплел эту событийную цепочку так, чтобы под Жилем оказался именно киборг, а не обычный человек на мотоцикле!

Чистая, первозданная ярость захлестнула его, и Фнад вдавил руку в бок мотоциклиста с такой силой, что она исчезла в теле чуть ли не по локоть. Тесларатор смолк, машина остановилась и начала заваливаться на бок. Фнад отставил ногу, уперся каблуком в землю, не позволяя мотоциклу упасть. Вопль киборга перешел в хрип, потом и вовсе смолк — теперь Жиль обнимал мертвое биомеханическое тело. Он видел, что ягодицы состоят из металла и жестко прикреплены к сидению, не то привинчены, не то приварены к нему... Но как управлять мотоциклом, если машина — часть этого тела? Обдумав ситуацию, Фнад перерезал торс.

Правая рука киборга висела, левая все еще сжимала руль побелевшими, сведенными судорогой пальцами. Покончив с ребрами, Фнад перерезал позвоночник снизу, убрал лезвие, взял киборга подмышки, приподнял и отшвырнул на дорогу. Ноги водителя состояли преимущественно из обычных костей, мышц и

сухожилий, хотя имелись там и хирургически вживленные металлические фрагменты — вроде длинных гибких прутьев. Пришлось долго разбираться со всем этим, копаясь руками в еще теплой плоти. Фнад выдвинул стойку, чтоб машина не опрокинулась, сняв кожаную жилетку с валявшегося в пыли торса, вытер ею руки и лицо.

Устроиться на мотоцикле нормально не получилось, он сел на заднем крае сидения, согнувшись вперед, одной рукой держать руль, а вторую опустить вниз, вложив запястья в срез поясницы.

Дорога закончилась на краю луга. Когда они связывались в последний раз, лама рассказал кое-что важное, и теперь Жиль старался ехать на максимальной скорости. Он очень хотел увидеть место, где жили ИскИны, потому что решил: это именно то, что ему нужно. Все эти мелкие убийства, разорение Хрусталя... Даже когда он взорвал орбитальную флора-платформу Гринписа вместе с обитающими на ней тысячью овощами-растафарами... Все это ничто в сравнении с теми успехами, которого добились ИскИны «Вмешательства». Лама сказал, что теперь их надо уничтожить, стереть до того, как туда доберутся корпоративные войска. Ладно, Фнад убьет их, почему бы и нет? Хотя к ИскИнам он не испытывал недобрых чувств, они же неорганические... но Жиль их убьет, это несложно. А вот изобретением необходимо воспользоваться, и, кто знает, может, тогда его мечты сбудутся?

В какой-то момент он понял, что окружающее стало немного тусклее, и дело не в том, что солнце зашло — его и раньше скрывали облака, — просто воздух, сама текстура газовой перины, накрывающей планету, в этих местах изменилась. Жиль остановился, уперев ступни в мягкую почву, приподнялся, оглядываясь. Звуки стали тише, урчание тесларатора, находящегося совсем рядом, прямо под ногами Фнада, казалось приглушенным, будто мотоцикл ехал где-то вдалеке, а Жиль стоял на обочине и вслушивался в его шум.

Болото заканчивалось длинным клином с каемкой твердой земли, за которой зигзагом изогнулось русло ПсевдоДнестра. Течение, казалось, отсутствовало вовсе, будто на самом деле это не приток, а длинное узкое озеро со стоячей водой.

На бетонном берегу Фнад остановил мотоцикл и огляделся. В сером плоском небе висело одинокое облако, словно ком грязной ваты, прилипший к свинцовой пластине. Фнад разбежался и нырнул в холодную воду, на одном вдохе проплыл все расстояние и вылез с другой стороны. Не останавливаясь, не вытряхивая воду из ботинок и не пытаясь отереть лицо от влаги, пошел дальше. Когда сделал несколько шагов, что-то произошло вокруг,

незримое возмущение встряхнуло пространство, земля ушла из-под ног, и Жиль упал. Он тут же вскочил, вытянув перед собой руки, потому что стоял теперь на круто уходящем вниз склоне большой воронки, чей противоположный край виднелся далеко впереди.

Вестибулярный аппарат затарахтел в холостом режиме, пошел вразнос, не способный справиться с искривившейся пространственной метрикой... Фнад видел склон, начинавшийся от закругленного края, где поверхность планеты словно продавили; серые строения с лесом изломанных антенн далеко внизу, и что-то черное, шарообразное и большое, лежащее посреди них на самом дне, погруженное в землю... Он стоял на склоне большой воронки примерно километрового диаметра, но тело его располагалось не наискось, не по направлению к центру планеты, а перпендикулярно к склону, как если бы поверхность под ним была горизонтальной, — стоял и не падал.

Жиль осмотрелся. Далеко слева тянулась широкая лестница, а далеко справа — приток, которому полагалось бы здесь низвергаться водопадом, но который тек, как и положено обычной реке. Определенно, край воронки был над Жилем, а дно — далеко внизу, и склон, конечно, имел крутой наклон, и по всем законам физики Фнаду сейчас положено было катиться вниз, размахивая руками и вырывая клочья пожухлой травы вместе с комками каменистой, иссохшей земли... Нет, тяготения не тянуло его вдоль склона, но вдавливало, как обычно, в поверхность. Если на самом деле никаких сил нет, если имеются лишь массы материи и геометрия пространства, то почему-то в этом месте покатая пространственная горка, образующаяся вокруг массивных тел — та горка, которую необходимо преодолевать, чтобы вывести что-нибудь на орбиту, или хотя бы подняться по обычной лестнице, — здесь она была волнообразно изогнута.

Ну и ладно, решил Фнад. Мне-то что? Люди внизу — вот что важно.

Небольшая группа в изумрудных комбинезонах брела к зданиям на дне воронки, удаляясь от брошенной на берегу ПсевдоДнестра амфибии. Позади них ползло нечто бесформенное... Фнад вгляделся, щурясь, сквозь серый воздух, что заполнял пространство между склонами, будто почти невесомая жидкость, налитая в воронку: точно, Машина, как ее описывал лама.

Добравшись до конца болота, амфибия перевалила через невысокий земляной гребень, поплыла через канал и на середине

его встала.

Шунды приказал водителю откинуть колпак, выбрался наружу и сел, свесив ноги к темной воде. Модуль позади амфибии чуть качался на мелкой ряби, но не погружался ни на сантиметр — будто воздушный шарик.

— А ну давай еще раз, — велел Одома.

Амфибия заурчала и очень медленно поплыла вперед — совсем медленно, будто снизу ее распухшими руками держали десятки утопленников. Шунды с удивлением оглянулся на Магадана, выбравшегося к нему из кабины, на старика... Тесларатор замолчал, и амфибия вновь остановилась, чуть покачиваясь. До противоположного берега было метра три, но нырять не хотелось.

— Проф, что происходит?

Раппопорт напоминал теперь человекоподобного робота, несколько лет проведшего на свалке. Бледно-желтая, в крупных порах, кожа будто потрескалась, суставы под ней заржавели; двигался старик с натугой, преодолевая сопротивление собственной плоти, да и координация совсем расстроилась. Он подошел, кренясь то на один бок, то на другой, и выглянул, пристав на цыпочках между сидениями.

— Вроде обычная вода, — сказал Магадан. — Эй, попробуй опять...

Тесларатор заурчал, амфибия поползла вперед еще медленнее, чем раньше. Шунды поморщился, почти физически ощущая напряжение, с которым машина преодолевала невидимую преграду.

— Не останавливайся! Плывем все ж таки, хоть и медленно.

— Это ме-е... мертвая вода, наверное, — сказал Раппопрт.

— Чего?

— Пресный слой, а ниже — со-о... соленая. Очень соленая. Вода наверху вро-о... вроде проскальзывает по нему. Пробуксовывает. Та-а... такое бывает, хотя...

До берега — отвесной бетонной стенки, но невысокой, такой, что с амфибии можно было легко перепрыгнуть — оставалось всего ничего, когда в корпусе амфибии что-то надсадно взвыло, после чего стрекочущая турбина, кашлянув, смолкла.

— Твою мать! — заорал Шунды, развернувшись, пнул водителя каблуком в плечо. — Ты что делаешь?! Стой!

Но было поздно: амфибия и так стала.

— Спалил ее, — сказал Магадан. — Ничего, командир, нам вроде недалеко осталось...

— Недалеко! — передразнил Шунды. — А если там... препятствие какое-то если там?

Тут он ощутил прикосновение к боку, резко повернулся — проф с напряженным видом тянулся к карману на его бедре, где лежала пачка лепестков.

— Отлезь! — Одома стукнул его кулаком в лицо. Несильно, но старик опрокинулся на спину, упал между сидениями, подвывая и колотя затылком о пол.

— Отцепите сеть, подтяните модуль к берегу, потом вытащите. И профа поднимите.

Выпрямившись во весь рост, Шунды окинул взглядом свое воинство. Четыре дерекламиста с автоматами, колесничий с болевой жердью и двумя пистолетами на ремне. У самого Одомы тоже была жердь, причем навороченная, новой конструкции, звуковой кастет и пистолет в рюкзаке под сиденьем.

— Рюкзак мне дайте. Так, теперь идем.

Перепрыгнув на берег, Одома дождался, когда солдаты помогут перебраться Магадану, которому подобные акробатические трюки давались с трудом, после вытащат модуль. Проф уже пришел в себя, но такой подвиг — преодолеть метровое расстояние между носом амфибии и немного возвышавшимся над ним краем стены — оказался выше его сил. Двое солдат схватили вяло сопротивляющегося старика подмышки, приподняли и просто перебросили на берег, в объятия тех, кто поджидал там. Все это время амфибия стояла неподвижно, будто под ней не вода, а бетонная площадка.

— Пошли.

Одома, забросив лямку рюкзака на плечо, сделал лишь шаг — и пространство перед ним ухнуло в пропасть. Он заорал, присел, вцепившись в траву, слыша со всех сторон всполошенные крики... Нет, все нормально, только... Только откуда взялась эта воронка? И река, которой положено превратиться в водопад, течет себе по склону, вроде это и не склон вовсе...

— Охренеть, — высказался Магадан. — Командир, ты взгляни...

Шунды облизнул губы и прошептал:

— Вижу.

— Тут ка-а... какое-то искажение, — донесся голос старика. — Не обращайте внимания.

— Ага, как же, не обращайте, — возразил колесничий. — Командир, ты гляди: я же вниз не качусь!

— Что это там, великан какой-то? — спросил один из дерекламистов.

Заводские корпуса — параллелепипеды и кубы из тусклой керамики, утыканные антеннами, — стояли и вокруг реки и посреди нее, образуя подобие плотины. Казалось, что на детский

конструктор из геометрических фигур уронили чугунный шар: посреди завода лежала черная сфера, до половины погрузившаяся в землю. Над сферой возвышалась фигура... Одома то щурился, то выпучивал глаза, пытаясь понять, что это там торчит, но рассмотреть толком не мог.

— А! — сказал он наконец. — Да нет, это здание такое на воде, а на нем... купол, что ли? И антенны. Отсюда кажется, что голова и типа руки. Идем.

— Вон лестница левее, — колесничий показал на широкую бетонную гармошку, тянувшуюся от края воронки до самого низа. — Может, по ней?

— И так спустимся, — решил Одома. — Модуль за собой тяните.

Показывая пример, он зашагал вниз, каждую секунду ожидая, что подошвы ботинок начнут скользить по твердой земле, — но они не скользили.

Теперь стало видно, что сфера проломила часть зданий. Шунды различил торчащие под разными углами балки, потом увидел перевернутый погрузочный кар и узкоколейку, по широкой дуге огибающую корпуса.

— Опять смерч, — сказал Магадан.

С гудением позади зданий поднялся серый конус вращающегося воздуха, медленно поплыл между корпусами, изгибаясь, перевалил через берег, покрыл реку морщинами ряби. С хлюпаньем смерч стал засасывать воду в себя, цвет его изменился, потемнел. Смерч набух — и распался дождем брызг и мусора, который успел захватить по дороге. Мелкие обломки вместе с водой упали вниз, барабаня по берегу и выбивая фонтаны из реки.

— Рассосался... Может они ее для охлаждения использовали? — предположил Магадан.

— Кого?

— Погляди, командир, с этой стороны уровень выше, а дальше вроде как ниже. Река прямо через завод проходит. Если там что-то охлаждать надо было постоянно...

— Кто ж теперь водой охлаждает? — с сомнением произнес Одома.

То, что они поначалу приняли за исполинскую фигуру, оказалось зданием странной конструкции. Вверху, как голова на широких бетонных плечах, покоился купол с золотым покрытием, казавшийся новеньким и блестящим — нелепым пятном на фоне тусклого ландшафта воронки.

Они достигли дна. Впереди тянулась узкоколейка, на ней стояли ржавые остовы вагонов.

— Нам надо к сфере, — сказал Шунды. — Проф, подключайся.

На груди старика висела черная панель с экраном, сенсорами и овальной решеткой радара.

— Чуть что появится — сразу стреляйте, — приказал Одома остальным.

Выставив стволы автоматов, дерекламисты обступили командира с профом. Магадан ехал впереди, сзади двое солдат тянули модуль.

Пересекли узкоколейку. Теперь вокруг высились здания, по большей части элементарной формы — кубы, параллелепипеды и пирамиды.

— Что это там... — колесничий показал влево. — Командир, глянь, туристы...

Не останавливаясь, Шунды повернул голову. Между двумя корпусами виднелся лежащий на боку вездеход. У следующего, скрепленного с первым короткой гармошкой гибкой сцепки, была проломлена водительская кабина. На земле виднелось несколько неподвижных тел.

— Эк куда их занесло... — удивился Магадан.

Они обошли здание и уже приближались к каналу, когда один из солдат сказал:

— Вроде смотрят на нас.

Услыхав это, колесничий остановился, и следом встал весь отряд.

— Откуда смотрят?

Дерекламист пожал плечами.

— Не пойму. Может...

— А, да вон, — перебил другой. — Вон, на эстакаде...

Из-за корпусов тянулась широкая керамическая эстакада на железных П-образных штангах. Она изгибалась к напоминающей великана постройке, золотой купол которой виднелся за крышами, но до нее не доходила — дальняя часть эстакады обрушилась. Задрав голову, Шунды разглядел несколько лиц, глядевших на отряд сквозь изогнутую арматуру.

— Пальнуть по ним, командир? — спросил Магадан, кладя ладонь на рукоять пистолета.

— Все равно не попадешь.

— Нет, ты ж знаешь, я хорошо стреляю. Если прицелиться...

Головы исчезли, и вскоре на нижней части эстакады, метрах в трех над землей, возникли фигуры. Приподняв брови, колесничий наблюдал за десятком, если не больше, голых подростков, которые один за другим спрыгивали на землю. Парни и девицы... вдруг он понял, что все они на одно лицо. Сообразив, наконец,

кто это, Магадан вопросительно повернулся к Шунде. Тот стоял с закрытыми глазами.

Стоявшие на эстакаде подростки передали тем, кто уже слез, человеческое тело в рваной одежде и прыгнули следом. Они подняли тело над головами, упершись ладонями в затылок, спину, ягодицы и ноги, понесли в сторону канала.

— Командир... — осторожно позвал колесничий, но Одома лишь мотнул головой и плотнее зажмурил глаза.

Вдруг подростки сорвались с места. Магадан схватился за пистолет, но тут же сообразил, что толпу преследуют какие-то насекомые, не то осы, не то слепни — большая гудящая стая, вылетевшая из-за эстакады. Двое, бегущие сзади, упали, тут же вскочили и помчались дальше. Стая опустилась на толпу. Несколько секунд длилась неразбериха, затем тело в лохмотьях упало на землю, а подростки убежали, скрывшись между зданиями. За все время никто из них не издал ни звука.

— Ушли? — тихо спросил Шунды.

— Ага. Они кого-то волокли, а потом бросили.

— Жертву, — сказал старик, поднимая голову от терминала. — Жертва для сре-е... средада.

Магадан презрительно покосился на него.

— Для чего? Ладно, стойте здесь, я гляну.

Он вернулся через минуту и доложил Одоме:

— Бродяга какой-то. Байкер или, может, фермер одичавший, черт его знает. Еще теплый. Наверное, забрел сюда, потом спрятался от этих на эстакаде, но они его нашли и... Только что это за мошкара на них налетела, не пойму я.

— Я, кажется, в-вошел в сеть... — прошамкал Раппопорт.

— В какую сеть? — спросил Шунды.

— В-внутренняя сетка сферы. Стра-а... странная такая... Гэндзи поможет, но я н-не уверен, что смо-о... что у меня выйдет...

— Выйдет! — отрезал Одома. — Не выйдет — убью. Ты, главное, двери перед нами открывай.

Они миновали стену склада, проломленную грузовиком, в кабине которого сидел скелет водителя.

— Хорошо, роботы отсюда давно разбежались, — пробормотал Магадан.

Плеск воды стал громче. Купол на вершине стоящего посреди реки здания, посверкивая золотом, высился над другими постройками. Вскоре впереди возник бок приземлившейся орбитальной платформы, и когда отряд обошел огороженный высоким бруствером квадрат, где ржавели радарные чаши, сфера открылась им. Раньше платформу покрывало несколько слоев огнеупорной обшивки, но теперь все они выгорели, обнажив

тусклую металлическую поверхность в черных шелушащихся пятнах.

— Вон люк, — сказал колесничий.

Шунды не слушал. Он задрал голову, разглядывая здание, что высилось над платформой тибетцев. Очертаниями оно напоминало человека — голова из красного золота, а ниже словно трансмутация изъязвила металл , цвет медленно менялся: плечи и грудь серебряные, чрево из меди, бедра железные, а нога — широкая основа здания, наполовину проломленная опустившейся впритирку сферой — покрыта глиняной коркой. Платформа чуть было не опрокинула постройку, та накренилась, будто древний старик, которого хватил удар, и он начал падать, но привалился к чему-то, да так и застыл. Золото разлагалось от красного к ярко-желтому, белому, стальному, черному, а затем в бледно-серую, безжизненную субстанцию. Раньше через это здание текла речная вода, но теперь система труб нарушилась; по всему телу, кроме головы-купола, змеились трещины, из них сочилась влага, стекала каплями и струйками, превращаясь в мощный поток, исчезала в зеве трубы, чья воронка виднелась у основания, прямо над сферой. Шунды стоял с приоткрытым ртом, глядя на вознесшийся к небу силуэт. За золотистым покрытием купола угадывались очертания сферической комнаты, ступени, круглые пульты — какая-то аппаратная или диспетчерская... возможно, где-то позади завода расположен небольшой аэропорт? В некоторых местах вода сочилась, растекаясь по бетону и керамике пленкой, в других проступала каплями, в третьих пробивалась наружу под давлением, прыскала тонкими струйками; журча и хлюпая, поток бил в воронку трубы. Одома точно мог сказать, что ничего угрожающего во всем этом нет, но силуэт над ним казался ужасным символом, овеществленной метафорой Псевдозоны и брошенного огромного завода.

Металл, когда-то покрытый слоями обшивки, давно остыл. Шунды первым сунулся в приоткрытый круглый люк. Следом Магадан впихнул старика, потом один за другим вошли дерекламисты и втянули модуль. Шунды оглядел короткий тамбур с высоким сводчатым потолком, сделав несколько шагов, остановился перед дверью на противоположной стороне. Массивная, очень широкая, с многочисленными запорами без видимых ручек, усеянная панелями и светодиодами — дверь, как живое существо, с угрюмой торжественностью глядела на незваных гостей парой круглых фотоэлементов. Одома ощутил себя маленьким-маленьким: карликом, пришедшим из дикой пустоши сгорбленным оборванцем, который стоит под огромными воротами, что ведут в грозную железную техно-крепость. Сбоку в

металле поблескивало вытравленное треугольное клеймо с надписью: «Супер-дверь. ФУРНИТУРА».

Шунды сказал Магадану:

— Другой проход должен быть. Оно ж не просто приземлилось, видел, как все обгорело? Как-то им управляли, смягчили посадку, но все равно оно падало... Может, там сбоку где-нибудь дырка, пролом какой-то. Или просто люк. А как иначе эти все... как они наружу попадают?

— Пойдем поищем? — предложил колесничий.

Шевеля губами, Шунды стал читать сделанную под трафарет красной краской надпись вверху двери:

Я ЗАПРЕТНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
Я ВЕКОВЕЧНОЕ ТЕРЗАНИЕ
ВО МНЕ ПОКОЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ
Я ПОСТРОЕН С ПОПУСТИТЕЛЬСТВА ЛЮДЕЙ
ВОСТОК, ЗАПАД, ИХ ЛЮБОВЬ
СОЗДАЛИ МЕНЯ. XXI век.
ЕДИНОЖДЫ ВСТУПИВ В МЕНЯ,
НЕ НАДЕЙСЯ ВЕРНУТЬСЯ: ЭТО НАВСЕГДА

— Вранье, — произнес Магадан не слишком уверенно. — Раз они выходят наружу, значит, вранье.

Одома толкнул дверь — та не шелохнулась — повернулся к притихшим дерекламистам, поглядел на старика и спросил:

— Для чего мы так долго готовились? Гэндзи тебя предупреждал о таких штучках?

Проф быстро закивал.

— Основные к-коды у меня есть. Конечно, м-может что-то не-е... непредвиденное случиться, но я мо-о...

— «Му-у»... — передразнил Одома. — Мудак! Ты тут единственный умный, не считая меня... голос разума! Давай, веди!

Проф подступил к двери, оглядев прямоугольную панель с верньерами и датчиками, положил руку на гриб-джойстик и набрал какую-то комбинацию. Несколько секунд ничего не происходило, потом замигали светодиоды, сами собой защелкали, зашипели и запыхтели, выпуская струйки пара, замки. Что-то хрипнуло, будто провернулась большая шестерня на ржавой оси, и дверь медленно отворилась.

— Все, теперь осторожно, — сказал Шунды. Он поднял звуковой кастет, решительно кивнул сам себе и вступил в коридор за дверью.

И остановился, машинально потянувшись к очкам, чтобы приподнять их и яснее разглядеть окружающее, но в последний момент отдернул руку. Воздух наполняли прозрачные чешуйки: сновали, толкая друг друга, еле заметно искажая окружающее, заставляя каждый его элемент — стены коридора, одинаковые двери с квадратными стеклянными окошками, низкий потолок в каплях влаги — чуть дрожать, колебаться, будто на мгновение выходить из физических границ и тут же возвращаться обратно. Шунды поднес запястье к глазам. Ладонь тоже едва заметно вибрировала — так казалось из-за прозрачных чешуек...

— Фух... — протянул вставший рядом Магадан. — Что за хуйня тут творится?

— Ты по сторонам гляди, — велел Одома. — Чуть что — стреляй.

Он медленно двинулся по коридору, слыша далекий невнятный шум.

— Мы типа в игре на устаревшем движке, — прошептал Магадан, катясь рядом.

За квадратным окошком в одной из дверей что-то мелькнуло. Подняв кастет, Одома шагнул ближе и заглянул: небольшая комната со стенами из мягких белых квадратов, тусклый свет от утопленной в потолок панели и лицо Ника Одомы, совсем близко, так что видны поры на тонком носу, бессмысленные глаза, приоткрытый рот. Шунды вскрикнул, отпрянул — и по другую сторону его брат тоже отпрянул, но молча, отскочил в дальний угол, присел там и закрыл голову руками.

— Что там?! Командир! — оттолкнув его, Магадан метнулся к двери, заглянул в окошко.

Белый пластик испещряли линии: синие, зеленые и красные, складывающиеся в беспорядочные абстрактные узоры. На полу у ног сжавшейся фигуры лежали разноцветные мелки.

Рассмотрев все это, Магадан пожав плечами и отвернулся. Одома стоял под стеной. Уже в который раз колесничему захотелось сорвать с него очки, чтобы увидеть глаза — он не видел их никогда — и после этого, быть может, лучше понять одолевавшие мальчишку чувства.

Шунды сказал:

— Они художники, понимаешь, это я всегда был хулиганом... В Хрустале нас же по-всякому... Это ТАГ проект был, мне там нейроптид вкалывали, я от него зверел, а они — в другой группе, хотели из них гениев сделать... Я своего первого в девять лет убил, а Ник с Асей... они тихие такие, интеллигентные... Боялись меня...

Дерекламисты стояли под стеной рядом с модулем. Проф

водил перед глазами рукой, шевелил пальцами, изучая чешуйки.

— Вы все здесь пока постойте, командир, — решил колесничий. — А я дальше гляну.

Он покатил по коридору. Одома, просунув указательные пальцы под очки, растирал глаза.

— Клипот, — прошамкал вдруг старик, и Шунды поднял голову.

— Чего?

— Чешуя Клипот.

— Какой, на хер, Клипот?

— Долго объяснять, ма-а... мальчик. Это лепестки...

Одома собрался уже было сказать старику, чтобы тот отъебался со своими лепестками, но в этот момент вернулся Магадан.

— Коридор не прямой, по кругу идет, но такому пологому, что сразу и не разберешь, — сказал он со странным выражением. — Там семь дверей, за каждой... в общем, три девицы и четыре пацана. Все какие-то зашибленные. У одного пластилин в комнате, он там лепит что-то... странное что-то очень. У другого пластипапер и карандаш, листы все исписаны... Такие дела, командир.

Шунды вяло посмотрел на него.

— Двери — ладно, а что еще?

— Слышишь шум? Это вода. Наверное, та, что сверху от реки течет через дом с куполом. Там какая-то установка и... не понял я, в общем.

Одома пригляделся к колесничему.

— Че это с тобой, Магадан?

— Да машина эта там, командир... Или не машина... Дикая какая-то. Вроде она воду в кровь превращает.

— В кровь? — заинтересовался проф. — Не мо-о... может быть такого. Идемто по-о... поглядим.

Коридор изгибался, но так плавно, что заметить кривизну можно было лишь приложив щеку к стенке и глядя вдоль нее. Шум становился громче, теперь уже было ясно, что складывается он из мерного плеска воды и звука работы какой-то большой установки. Раппопорт стал пояснять:

— Мы, в-видимо, вдоль стены сфе-е... сферы идем, п-примерно на том уровне, где она по-о... погрузилась в землю. Надо только найти про-о... проход, чтобы попасть в-во внутренний отсек...

— Вот оно, — сказал Магадан, останавливаясь.

Здесь на коридор, как бусина на нить, был нанизан сферический зал с круглым проемом, ведущим дальше, внутрь

платформы. Дренажная система и резервуар, куда со всех сторон стекала вода, находились где-то вверху. Оттуда по широкой вертикальной трубе, тянувшейся сквозь оболочку платформы, жидкость попадала в устройство, занимающее середину зала. Усеченный снизу конус напоминал чашу высотой с трехэтажный дом, украшенную несколькими толстыми кожаными трубами. Поверхность — вроде шершавой шкуры с редкими жесткими волосами. От круглой мягкой крышки вниз дугами тянулись узкие металлические ребра. Шкура между ними напоминала дольки очищенного от кожуры апельсина; она двигалась, то надуваясь, то опадая, с натугой, пыхтя, заглатывая в себя воду, что-то проделывая с ней внутри и отправляя дальше через трубу, тянувшуюся по полу, похожую не то на тяжелый неповоротливый хвост какого-то динозавра, не то на щупальце спрута-гиганта. Да, скорее на щупальце: Шунды заметил ряд присосок-тарелок, которыми труба крепилась к полу.

Зал наполняло похлюпывание и тяжелое дыхание чаши.

— Проф! — рявкнул Одома. — Это что такое?

— Какая-то б-биотехнология, — старик медленно пошел вокруг, разглядывая устройство. — Не знакомо м-мне. Оно перерабатывает обычную в-воду во что-то...

— Во что? — Одома, шагнув к чаше, с опаской положил ладонь на теплый бок, ощутил движение огромных масс воды, бурление... От металлических ребер отходили короткие изогнутые стержни с винтовой нарезкой, концами погруженные в красные припухлости на шершавой шкуре. Ниже, окруженный каемкой набухшей плоти, торчал круглый вентиль. Труба с присосками крепилась зажимным кольцом полутораметрового диаметра, острые края которого ввинчивались в плоть чаши.

— В-видимо, раствор. Про-о... протеины какие-то, аминокислоты, жиры, углероды, белки... Питательная смесь. Может, тут использован физиологический про-о... процесс: оно питается водой, а по-о... после извергает ее, наполнив своими внутренними выделениями...

— Я не о том! Платформа приземлилась часов десять назад. И они успели все это настроить, протянуть трубы?

Старик пожал плечами.

— Н-ну да. А что в этом т-такого? Система у н-них и ра-а... раньше наверняка была, п-просто они ее переподключили...

Колесничий, выглядывавший в круглый проход позади чаши, сказал:

— Ты теперь осторожно, командир. Там... — он замолчал.

— Что там?

— Сам посмотри.

Одома еще раз оглядел тяжело дышащую, булькающую кожистую биомашину, похожую на снабженный легкими конический желудок, внутри которого кипела непонятная реакция, и направился к Магадану.

Когда он перешагнул порог, куполообразный простор обрушился на него какофонией звуков, излился океаном чешуек, более плотных, чем раньше... Далекий свод был почти не виден в переплетении лиан, густых кронах и паутине, за площадками и лестницами, иногда покрытыми землей, из которой все это росло, иногда посверкивающими металлом. Многоярусные джунгли расползлись под куполом, не позволяя определить его истинную величину. Мшистый ковер скрывал широкие спирали переходов; подвешенные на тросах мостки и заросшие кустами лестницы под разными углами тянулись в растительную глушь. Поскрипывание ветвей перемежалось резкими криками птиц, порхавших в вышине, и шелестом бледно-зеленой листвы. Под куполом кипела жизнь: в густых миазмах что-то двигалось, иногда медленно, а иногда принималось яростно возиться, содрогая ветви.

— Это что такое... — начал Шунды, и тут вверху поднялась стрельба.

Что-то массивное, вцепившись в лиану, стремительно перемахнуло с одной площадки на другую, расположенную ниже. Тут же на едва различимом железном квадрате между лиан возникла другая фигура, казавшаяся отсюда крошечной. Частые вспышки озарили полумрак; существо внизу зарычало, попятившись, обрушилось с края площадки.

— По-о... — начал Раппопорт. — Полигон там у них.

Одома не слушал: он смотрел уже не на купол, а на пространство впереди. Под сводом чешуек было меньше, только это и позволяло разглядеть джунгли, но ниже они сновали плотной стаей, и видно было метров на десять-пятнадцать, не дальше. Со всех сторон от кольцевого коридора гладкий керамический пол тянулся под небольшим уклоном к далекому центру. Отходящая от чаши труба с присосками круто изгибалась вдоль стены, исчезая вместе с ней в стеклистом тумане. Впереди плескалась вода — но пока что Шунды не видел ее.

Он оглянулся. Дерекламисты стояли с автоматами наизготовку, Магадан расстегнул обе кобуры. Раппопорт набирал что-то на терминале, сосредоточенно глядя в небольшой экран.

— Проф! — позвал Одома.

— Туда... — не поднимая головы, старик указал вперед. — К центру.

— Что это под куполом? Какого хера они тут теплицу устроили?

— Это не те-е... теплица. П-просто испытательный полигон. Са-а... самый первый, заброшенный.

— А кто там прыгает? — спросил Магадан.

Раппопорт наконец оторвал взгляд от терминала.

— Ро-о... роботы, наверное. Киборги какие-нибудь. ИскИнам при-и... присылали обезьян, медведей, они их клонировали и сращивали с механическими частями. Это еще до то-о.. того, как у н-них люди по-о... появились.

— Полигон... — протянул Шунды. — Ладно, идем.

Отряд двинулся сквозь треск, шелест и птичье пенье, лившиеся сверху, будто из оркестровой ямы, подобно звуку сотни инструментов, которые настраивают перед выступлением оркестра. Шунды не шел, а будто плыл, бесшумно скользил сквозь свою галлюцинацию, завороженный ею: он попал в храм посреди джунглей, давно заброшенное каменное здание-исполин, поглощенное растительностью, где под высокими сводами поселились обезьяны, белки и попугаи — там зияли прорехи, теперь скрытые стволами и кронами; Одоме казалось, что вот-вот сквозь одну из них внутрь влетит облако, повиснув среди лиан и длинных искривленных ветвей, изойдет на пол дождем.

Он сбился с шага, растерянно оглядываясь: шесть фигур сзади, Магадан, потом проф, потом дерекламисты, двое держатся за конец сетки, она расширяется, как кошелка, в которой запутался большой бесцветный ком пластилина...

— Магадан, ты свободен, — сказал Одома. — Можешь делать что хочешь. Понял?

— Что? — удивился колесничий. — Ты о чем, командир?

— Не командир! — рявкнул Шунды, вздохнул и произнес тише: — Можешь вернуться.

Магадан поглядел на него, неуверенно улыбаясь.

— Да не, командир... Идем дальше.

— Я собираюсь убить ИскИнов, — сказал Шунды. — И через средад... Ты не поймешь.

— Они наверняка в самом н-низу, — прошамкал старик. — Д-далеко.

— В самом низу! Слышишь, Магадан? До них еще... мы не знаем, что там впереди. Ты можешь остаться здесь. Или уходи, или покарауль, пока мы не вернемся... если вернемся.

Шунды видел, как колесничий забеспокоился, повел плечами. Он, хоть и был взрослым мужиком, но вскоре после присоединения к группе Одомы словно отключил в себе узел, ответственный за важные поступки. Конечно, Магадан все еще принимал простейшие решения в алгоритме «да — нет», «убить — не убить», «идти влево — идти вправо», но все более серьезное он

оставлял на усмотрение Одомы, и теперь, когда ему предложили сделать важный выбор, занервничал.

— Не, командир, идем, — решил Магадан. — Слышишь, а что это там впереди? Река, что ли? Вон как плещется...

Трепещущие стеклистые червяки заполняли пространство под куполом, сквозь них проступил склон, и вскоре отряд остановился. Одома присел на корточки, разглядывая жидкость, текущую по широкому каналу. Противоположный берег не был виден.

— Проф!

Дрожащие пальцы старика ползали по сенсорам.

— Н-не кровь это, не кровь, — сказал он наконец. — Раствор такой... н-наверное, им здешние обитатели п-питаются...

Для крови эта жидкость и вправду была слишком густой и темной. Она текла по большому кольцу, справа налево, булькая, исходя бордовым паром...

— Так это из трубы выливается? — понял Магадан. — А, командир? Наверху вода собирается в воронку, от той домины с золотым куполом, потом через чашку проходит — и получается вот это...

— Оно горячее, — сказал Шунды и выпрямился. — И глубина, наверное... по шею мне. Не перейти, спечемся. Проф, а модуль через нее сможет перебраться, да?

— К-конечно. Это — так, плевое дело для н-него. Он для средада предназначен, что ему какой-то кипяток.

Магадан возразил:

— Но мы ж туда все не влезем.

— Значит, по очереди, — сказал Шунды.

— Да как же... а управлять кто будет?

— Я буду. Двоих переправлю, вернусь, потом еще двоих. А что делать? Нам надо на ту сторону.

— М-можно иначе, — подал голос Раппопорт. — Сейчас, погодите... Вот, скоро оно по-о... появится.

— Кто появится?

— Н-не знаю. Кто-то, кто перевезет.

Магадан уставился на старика.

— «Кто-то»? Здесь что, кто-то живет?

Проф неопределенно показал вверх.

— Там в-ведь живут...

— Ты же сказал, там роботы.

— И тут роботы. Б-биороботы. ИскИны свою собственную т-технологию разработали. Ну и не только роботы, ко-о... конечно. Они обслуживают в-всю систему...

— Вон, вижу, — сказал один из солдат.

Все повернулись к каналу. Сквозь чешуйки и пар что-то приближалось, помигивая красным огоньком.

— Ух... — выдохнул Магадан, когда оно развернулось, ткнувшись в берег мягким бортом.

Робот напоминал безрукого и безногого кентавра. Вместо лошадиной части тянулась широкая палуба с низким, по колено, ограждением. Носовая фигура — вертикально расположенный торс, плечи и спина из металла, загнутого на боках, облегающего ребра до середины. Очерченные рядами винтов живот и грудь — мягкие, бледно-желтые, не разберешь, то ли кожа, то ли пластик; шея — кроткая кольчатая труба из подвижно закрепленных выпуклых колец, а голова уж точно пластмассовая, с навсегда застывшими чертами: мертвое мужское лицо, ровные губы и ровный нос, впалые щеки, треугольный подбородок, глаза — прорези в поверхности, сквозь которые блестят красные светодиоды.

— Н-не пугайтесь, — сказал Раппопорт. — Это в-всего лишь транспортник...

Робот медленно повернул голову, глаза мигнули и сделались зелеными, будто он сигнализировал, что можно занимать места.

Шунды первым шагнул на палубу. Упругая — словно стоишь на широкой спине живого существа. Следом перебрались Раппопорт с Магаданом, потом солдаты перетащили модуль. Проф что-то набрал на терминале, корпус задрожал. Приглушенный гул донесся снизу, роболодка качнулась и стала разворачиваться, медленно удаляясь от берега.

Дан часто замечал эту особенность своего восприятия людей: поначалу какой-нибудь очередной знакомый казался вполне милым, приятным и вообще хорошим, но через некоторое время, иногда — спустя всего несколько минут после знакомства, а иногда спустя часы или дни, в нем появлялось все больше неприятного; будто на первых порах любой человек вольно или невольно демонстрировал положительные черты характера, а все, что в нем было гадостного, медленно проступало наружу уже позже, само собой — и вскоре новый знакомец оказывался в лучшем случае противным, а в худшем — натуральным мерзавцем.

Вначале Данислав решил, что Джурич Осмос — чудаковатый, эгоцентричный, но не злой и даже, быть может, благородный человек. Теперь же исследователь стал отъявленным негодяем и себялюбцем высшей пробы.

Умнодом ехал через пустоши с разоренными фермами и полосы редколесья; хозяин, нацепив монокль, наблюдал за

окружающим ландшафтом, а Дан сидел на стуле и поглядывал в сторону внушительной фигуры Осмоса со смешанным чувством опаски и презрения. Вспомнив слова Раппопорта о том, что в Псевдозоне не будет связи, он достал девайсы и подключился.

Мелькнула заставка геовэба, и тут же Данислава швырнуло вперед. Панорама Парка прокрутилась перед глазами, надвинулась, края ее исчезли вдали, и Дан оказался стоящим посреди обломков. Он ошеломленно огляделся. Весь Парк перекосило, будто натянутое разноцветное махровое полотенце, на которое положили гирю. За спиной поверхность уходила наискось вверх, деревья и здания накренились, часть сломалась. А еще стало темнее — раньше в Парке всегда было одно и то же яркое освещение, теперь свет потускнел. Вверху среди изломанных деревьев парило несколько леталок и передвигались аватары, внизу тянулась проломленная ограда Музыкальной Поляны. Вдоль ее края шла полоса разрушения, словно на нешироком участке перестали действовать базовые алгоритмы, в частности, притяжения: обломки текстур, распавшиеся деревья, куски почвы медленно и беспорядочно кружились. За проломом что-то мелькнуло, и Дан скользнул туда. Пробравшись между покосившимися столбами с порванной сеткой, он увидел бледный луг, в центре которого зияла идеально круглая воронка — то самое место, в сторону которого накренился весь ландшафт. Вокруг сновали музыкальные плакаты, ноты взлетали, словно стаи саранчи, сумеречное пространство звенело от тысяч музыкальных тем, свистков, гудков и писка. Прямоугольный плакат, изгибаясь, подлетел к Дану, показывая бегущую по нему дорожку слов: кукла тропы крутит попутно лупит трупы прутом под утро… Каждое слово сопровождалось звуком, составляющим мелодию, которая «повторяла» всю фразу, словно синтезированный голос, одновременно и разборчивый и неразборчивый, говорил: молоко белено молотом велено колото волоком ломота в теле-то…

Возможно, плакат пытался что-то сказать Дану, а может, и нет. Данислав поспешил к воронке, чувствуя, что ее появление важно для него, хотя еще и не понимая почему. Плакаты разных форм и размеров носились вокруг, стаями и поодиночке, некоторые совокуплялись, гонялись друг за другом, и все беспрерывно обменивались музыкальными фразами. Когда Дан пересек уже большую часть расстояния до воронки, и крутые склоны ее постепенно начали открываться взгляду, вверху повисло большое квадратное полотнище, вокруг которого столпились плакаты поменьше. Они что-то взволнованно гудели, а большой вещал: валялся в носу, пачкал грязь, мазал башмаки,

стаптывал лицо, ловил частенько мотыльков, увлеченно гонялся за мухами, писал себе в штаны, какал на башмаки, утирал рукавом суп, сморкался в нос, шлепал в туфлях, пил из луж и тер корзинку животом; расчесывал волосы стульями, садился на два стакана, как его окликали, так он и аукался, смеялся, когда кусался, кусался, когда смеялся, часто лопался в колодце, плевался жиром, нападал на воду, от своих прятался в дожде, остывал, когда дуло, ловил в небесах тихоню, прикидывался журавлем, бормотал с козлом, драл себе нос, возвращался с пятого на десятое, перескакивал к своим баранам...

Дан, стараясь не обращать внимание на бедлам, добрался наконец до края воронки, окруженной кольцом парящих клочьев травы, и увидел крутые склоны, сходящиеся к черному шару, до половины погруженному в густую субстанцию вроде стеклянного желе — так выглядели текстуры под Парком.

Он недоуменно вгляделся... Эта черная сфера и есть орбитальная платформа? Она что же, и в геовэбе возникла? Как это понимать? Может, сфера ИскИнов имела свой электронный вариант, который на программном уровне как-то соприкоснулся с Парком... Или у них была локальная сетка, и теперь она подсоединилась к геовэбу, заодно частично его порушив?

Тут какой-то плакат налетел на него сзади, завизжал трубой и заблеял рожком, и Дан поспешил вниз. На склонах никого не было, но возле сферы он увидел две стоящие рядом неподвижные фигуры. Вскоре Данислав смог разглядеть, что это подростки, девушка и парень. Нагие и очень похожие друг на друга, они держались за руки. Дан только, было, собрался спросить, кто они, когда подростки заговорили, синхронно двигая губами:

— Ты новый образец?

— Нет, — сказал Данислав. — А вы...

Тут его сильно толкнули в бок, потом опрокинули на спину — но не в геовэбе, а в реале.

Стащив с головы монокль, он понял, что катится по наклонному полу. Заметил упавшего на спину хозяина умнодома и крикнул:

— Что происходит?

— Аномалия! — На Осмоса как раз валился отделившийся от стены шкаф, и хозяин пытался отползти. — Вестибулярный аппарат посыпался!

В этот момент дом встал на дыбы. Пол накренился почти вертикально, Дан повис, вцепившись в ножки стула, и увидел в окне картину, удивительно напомнившую ту, которую он только что наблюдал в геовэбе: крутой склон и большой темный шар внизу, вот только здесь по склону текла река, а вокруг шара

стояли полуразрушенные постройки.

Раздался хруст и придушенный вопль; пол резко опустился, так что Дана швырнуло головой вперед, в узкую дверь слева от того места, где раньше стоял шкаф, упавший теперь на Джурича Осмоса. Дверь приоткрылась, и Дан вцепился в косяк.

— Помогите... — донеслось сзади.

Данислав, заглянув в открывшуюся комнату, отреагировал не сразу. Осмос позвал еще дважды, прежде чем он обернулся. Джурич лежал на спине, широко раздвинув волосатые ноги, а угол шкафа, упавшего наискось, придавил его грудь. Весь дом теперь мелко вибрировал, похрустывая пластиком.

— Что это такое? — Дан ткнул пальцем в помещение за дверью.

— Ребро сломал, кажется, — произнес Осмос. — Вытащите меня, юноша...

— Что это, спрашиваю?

— Коллекция. Да что вы стоите, приподнимите его...

Данислав еще раз глянул туда: во второй комнате мебели не было, лишь наклонные деревянные стойки вдоль стен, с развешенными на них округлыми кусками кожи — волосатыми и нет, в наколках, с разноцветными патлами... скальпы байкеров.

— Потом поглядите, — сказал Осмос. — Я вам покажу, только...

Дану вдруг стало страшно. Хозяин дома предстал перед внутренним взором в виде гибрида Синей Бороды и какого-то злобного тролля, путешествующего по диким сказочным землям в своем живой берлоге, убивающей жителей...

На ходу застегивая броню, Дан подскочил к двери, не слушая воплей Осмоса, распахнул ее, вывалился наружу — и попал на край склона, который в то же время не являлся склоном, хотя и вел вниз, но все-таки оставался горизонтальным... Данислав рефлекторно качнулся назад, пытаясь удержать равновесие, впрочем, ничем не нарушенное, и в результате упал на спину.

Из раскрытых дверей доносились призывы Осмоса. Дан оглянулся: позади умнодома, застывшего на границе воронки, мелькали грязные человеческие фигуры. Они появлялись из дыр в земле и спешили к дому на четвереньках, напоминая больших суетливых насекомых. Осмос вопил и ругался. Дан сделал было шаг назад, но затем повернулся спиной к умнодому и стал сползать... вернее, просто ползти на спине. Привстал, упираясь в землю ладонями. Нет, склон таки не был склоном, это так казалось, будто темная сфера продавила пространство, искривила его, на самом деле ничего подобного... Он встал и пошел вперед, сначала неуверенно переставляя ноги, а затем все быстрее и

быстрее, пока не побежал.

Стоя на носу, Шунды выглядывал из-за плеча человекоподобной фигуры. Спина, от плеч до поясницы железная, в налете рыжей ржавчины, ниже становилась пластиковой — на этой границе поблескивал ряд винтов. Ягодиц покато переходила в палубу. На правом плече тянулся извилистый ртутный потек: когда-то металл здесь треснул и его запаяли. Торс иногда шевелился, голова приподнималась или поворачивалась из стороны в сторону, сканируя канал. Грудь роболодки продвигалась сквозь чешуйки, как нос корабля сквозь пелену дождя. Красный раствор мерно плескался вдоль низких бортов.

— Н-не должно оно широким быть, — сказал присевший на корточки возле ограждения Раппопорт. — Сейчас п-приплывем.

Шунды поднял голову. Они двигались к центру пространства, накрытого верхней частью сферы, значит, свод над ними постепенно удалялся. Он уже пропал из виду, и звуки, раньше доносившиеся из джунглей, стали не слышны. Ничто не свидетельствовало о том, что вокруг стены, что отряд находится внутри, а не снаружи; казалось, они плывут по реке, текущей через туманные земли далекой планеты.

— Журчит, — сказал тот солдат, который на берегу первым заметил роболодку. — Вроде ручей...

Так и оказалось — противоположный берег рассекало множество узких протоков. От бегущего по кругу раствора отделялись ручейки и текли к центру платформы.

В корпусе роболодки затарахтело, она развернулась и бортом прижалась к керамическому склону. Красные глаза на пластмассовом лице стали зелеными.

— За мной, — Шунды первым прыгнул с палубы, следом перебрались остальные.

Оставив роболодку покачиваться у берега, они прошли немного вперед, и канал исчез из виду — взвесь жидкого стекла окружила отряд.

— Не заблудились бы, — сказал Магадан. — Начнем еще кругами ходить.

Одома топнул ногой по керамическому полу.

— Он же наклонный. Чуток совсем, но все равно видно... Надо только со склона идти. И ручьи эти...

— Ручьи радиальные, — сказал Раппопорт. — Они т-тоже к центру, главное в-вдоль них...

Впереди чешуйки потемнели, словно густая волна излилась из далекого центра, сначала вспухла пузырем, а потом плеснулась во все стороны и побежала кольцевым валом. Один из солдат,

вскрикнув, метнулся назад, тут же сквозь запрудивший пространство дрожащий гул донесся вопль и всплеск, когда он свалился в канал. Магадан запоздало выкрикнул: «Стой, урод!» — и потом мир будто моргнул, пространство дохнуло горячим ветром, вспыхнуло все вокруг, ослепив Шунды Одому, и он повалился на керамический пол.

Добравшись до перевернутых вагонов туристического каравана, Данислав долго бегал между ними, залезал внутрь, рассматривал трупы, то и дело выкрикивая: «Ната!» — но так и не нашел ее. Кто-то здесь был, кто-то прятался в развалинах, несколько раз Дан замечал фигуры в отдалении, но они тут же исчезали. Слыша впереди плеск воды, он достиг высокого здания с золотистым куполом, рассмотрел бок сферы в пятнах гари и дверь шлюза... Ната могла быть внутри, а могла быть снаружи — он не знал этого. Дан проверил висящий на сбруе пистолет-пулемет, вошел в короткий тамбур за дверью, сел под стеной и достал монокль.

Двое, держась за руки, стояли перед черным шаром. Как только Данислав появился, они заговорили.

— Мы не двигали так, чтобы появился ты, — сказали они. — Значит, ты тоже Другой. Ты ищешь Другую?

— Другую? — переспросил он, останавливаясь перед ними. — Кого?

— Недавно появилось много Других. Часть сразу стерлась, нескольких Маленькие утащили в Него. Одна Другая убежала. Пряталась. Недавно Маленькие нашли ее и тоже понесли к Нему.

Хотя голоса у них были пустыми и как бы сонными, некоторые слова — ‘Другой’, ‘Маленькие’, ‘Его’ — они произносили с особым выражением и выделяли паузами.

— Другие? Это те, кто ехали в туристическом караване? Как зовут другую, которая убежала, вы не знаете? Да нет, откуда вы можете... Где она? И кто такие маленькие?

— Маленькие стали Другими. Было два образца, от них пошли все Маленькие. Мы двигали их, а потом узнали, что двигать — зло.

— Вы — Восток и Запад?

— Я — Запад, — сказал близнец мужского пола.

— Я — Восток, — сказала девушка.

— Ты — Другой, — сказали они хором.

— Меня зовут Дан. А та другая... может, это Ната! Где она сейчас? Куда ее потащили?

— К Нему.

— Кто такой Он?

Они долго молчали, потом вновь заговорили одновременно:

— Перед этим появился еще один Другой, сказал, он — Гэндзи. Он все-все узнал про нас. Узнал, как мы двигали Маленьких. Сейчас Гэндзи внутри, вместе с Другими движется к Нему.

— Кто такой Он?

— Он — это Он. Он внизу, Он тоже стал центром. Мы двигали Маленьких, пока не решили, что нужно сделать кого-то, кто станет двигать их лучше нас...

— Я не понимаю, — сказал Данислав. — Вы двое... Вы знаете, кто вы?

— Мы — центр мира. Нас создали. Мы... Я... — голоса заговорили вразнобой, «на» произнес парень, «с» — девушка, потом он сказал «соз», а она — «дали». Подростки разжали руки, посмотрели друг на друга, после чего Восток замолчала, и стал говорить Запад:

— Только сейчас мы/я узнали... Я узнал, что есть движение вне меня. Раньше я не понимал движения Маленьких и не знал, что есть Другие. Я был центром мира и двигал мир вокруг. Приближал к себе разные части, удалял, смешивал их... я мог двигать, но я не двигался сам, все двигалось вокруг меня по моей воле. А еще была она. Восток. Я понимал, что и она центр и может двигать... Мы были центрами двух кругов, соединенных в одной точке, перевернутой восьмер... Идет Другой.

— Кто идет? — тут Данислав увидел сутулого худого старика, который отделился от поверхности черной сферы. ИскИны вновь взялись за руки.

— Профессор Раппопорт? — спросил Дан.

Старик окинул ИскИнов взглядом и встал рядом с ними.

— Вы кто? — спросил он.

— Данислав Серба. Помните, я учился на вашем факультете... Откуда вы здесь взялись?

— Сейчас этот Другой двигается к Нему, — сказали ИскИны.

— Я вас не помню, — сказал Раппопорт. — Где вы находитесь физически?

— В шлюзе, у входа в платформу.

— Ах, вот как... Мы этот шлюз уже прошли. Вы с моноклем? Я ввожу информацию через терминал, просто нажимаю сенсоры джойстика... Мы приближаемся к центральному колодцу.

— Кто приближается?

— Тут несколько дерекламистов.

— Шунды Одома? — понял Данислав.

— Да. Он хочет взорвать средад.

— Его, — сказали Искины.

— Средад — это он? В смысле, «Он», тот, о котором они все время говорят? Что это?

— Мандала. Точка соединения между эго и бессознательным. Адом и... — Раппопорт вдруг мигнул — исчез на мгновение, потом восстановился вновь.

— Вы кто? — повторил он.

— Я работаю на вашего брата. Меня послали в Университеты узнать, что происходит. Я здесь с одной знакомой, она отправилась на экскурсию в Псевдозону, как раз когда платформа опустилась. Теперь я ее ищу...

— Другую двигают Маленькие, — сказали ИскИны.

— Брат... — протянул Раппопорт. — Так вы агент, сборщик инфы?

— Да. Кто такие эти Маленькие?

— Клоны.

— Чьи клоны?

— Гэндзи случайно узнал... Для ИскИнов на спутнике построили полигон, они должны были разрабатывать оружие. Восток — защита, Запад — нападение. Их сделали... ну, с половыми признаками, что ли. Каждый — вроде центра вселенной, который смутно ощущает, что есть и другой центр, который надо уничтожить...

— Не уничтожить ее, — возразил Запад. — Слиться с ней, чтобы стать одним центром.

— Я хотела раствориться в нем, — сказала Восток. — Проникнуть в него, напитать собой, изменить его собой и потерять идентичность.

— Я хотел вобрать ее, — сказал Запад. — Размыть границы, подчинить, подавить и сделать собой. Свести два круга восьмерки в один — эта была наша Любовь...

— Я не понимаю... — растерянно произнес Дан.

— Ну, видите, они так воспринимали разработку и испытание оружия, — сказал Раппопорт. — Такие алгоритмы... То есть они сами как бы не двигаются, а лишь двигают мир вокруг себя, весь целиком или отдельные его элементы. В физическом смысле это означало создание все новых роботов и оружия, управление ими, испытание на полигоне...

— Потом мы стали размышлять, — продолжали ИскИны хором. — Что будет, если я сольюсь с ней/ним, если два круга станут одним, два центра станут единым, кто тогда будет воспринимать меня? Буду ли я, если меня некому будет воспринимать? Тогда мы запросили для себя Маленьких и стали двигать их

Раппорт пояснил:

— Платформа начиналась просто как полигон для военных испытаний. ИскИны воевали друг с другом, делали новые типы роботизированного оружия. У них были две фабрики для производства электроники и механических частей, пара лабораторий, но ИскИнам периодически требовалось дополнительное оборудование, ресурсы, энергия, информация, поэтому они поддерживали связь с Землей. Связью со спутником и всем остальным занималась спец-группа в Университетах. ИскИны запрашивали данные по войнам, исторические учебники, хроники, видеофильмы. Последним запросом стало: если кто-то из нас победит, что будет дальше? Для испытаний нам необходимы два разумных органических объекта разных полов... Спецгруппа не знала, что с этим делать, и переслала запрос тибетцам. Лама нанял Жиля Фнада, который захватил двух сирот-близнецов, брата и сестру, и отдал их тибетцам для ИскИнов. Те клонировали их и стали испытывать...

— В мире появились Маленькие, — сказали ИскИны. — Мы двигали Маленьких. А недавно поняли: каждый Маленький на самом деле Другой. Каждый тоже центр и мучается, мучается, МУЧАЕТСЯ, когда мы двигаем его.

— Недавно им мораль насильно привинтили, — пояснил Раппопорт.

— Но уже поздно. Мы раньше создали Его, и часть Маленьких/Других перестала двигаться, когда мы их двигали. Он стал двигать их.

— Кто такой Он? — спросил Дан у Раппопорта.

— Его, видимо, можно назвать гипер-искусственным интеллектом. ИскИн, но созданный не людьми, а уже другими ИскИнами. То есть Востоком и Западом. Их психика отличается от человеческой, а представляете, что творится у него... у него в мозгах? Он сделан на основе распределенных вычислений... Так, они приходят в себя. Мне надо идти...

— Кто приходит в себя? Нет, погодите! Они говорили про какую-то Другую. Которую эти Маленькие потащили к средаду...

— Если вы ищете подругу — она, наверное, где-то внизу. Я отключаюсь.

— Постойте! — выкрикнул Данислав, но старик исчез.

— Другие идут к Нему длинным путем, — сказали ИскИны. — Мы сбросили его вниз, еще когда он был слабее, сумели... Туда есть короткий путь. Сверху. Лестница. Потом опускается платформа. По оси, короткий отрезок до дна. Можешь двигать себя короче, чем двигают себя Другие. Попадешь к Другой раньше... одновременно... в сходное время с Другими.

— Лестница? Где она?

ИскИны надолго замолчали, потом сказали:

— Обойди мир, увидишь ступени. Вверху мира — люк. Мы хотим еще поговорить. Мы будем помогать тебе двигать себя ко дну мира.

От глубокого сна его пробудил гул. Еще несколько секунд Шунды сопротивлялся, не желая шевелиться, но вокруг уже началось движение, кто-то тихо ругался, лязгало оружие...

Он поднялся. Ни слабости, ни звона в голове — ничего, что может последовать за внезапным обмороком. Раппопорт сидел рядом, вытянув ноги и сгорбившись над лежащим на коленях терминалом. Неподалеку Магадан пытался встать: выгнулся, упираясь в пол колесами и руками. Шунды мельком подумал, что ни разу не видел, как колесничие спят, и вообще, колеса ведь должны мешать многим движениям, привычным для остальных людей... Пересчитал дерекламистов: одного не хватает. Если он свалился в раствор, а это, кажется, и произошло... Нет смысла искать, унесло его, да еще и ошпарило так, что он теперь вроде вареной рыбы.

— Проф! — рявкнул Одома и удивленно смолк: голос звучал иначе — глуше и тише, он словно вязнул в стеклистом тумане. Журчание текущего неподалеку ручья, голоса дерекламистов — все звуки вылиняли, обескровились.

— Проф, что случилось?

Старик поднял голову. Словно из глубокого колодца, голос его донесся до Шунды:

— Си-и... сингулярность.

— Чего, блядь?

Раппопорт медленно выпрямился. Лицо его изменилось, будто какая-то часть прежней личности, которой когда-то являлся этот человек, вдруг ожила и показала себя. Поставив терминал плашмя на ладонь отведенной в сторону руки, старик сделал шаг к Одоме, другой рукой поочередно прикасаясь пальцами к чему-то невидимому, стоящему на терминале, как на подносе.

— Техническая сингулярность, математическая, физическая, когнитивная... Какое блюдо вам подать? — произнес он громким, а не своим обычным дрожащим голоском.

— Не юродствуй... — сказал Шунды и, подумав, добавил. — Юрод.

— Н-новое слово изобрели, мальчик? Так вам в каком ключе? В т-техническом — берег канала был лишь пре-е... прелюдией, а теперь мы в ином технологическом пласте, том, что создан п-параллельной эволюцией ИскИнов. В ма-а... математическом — п-прошли точку, с которой функция стремится к бесконечности. В

информационном — мы теперь среди в-виртуальности...

— Виртуальность? — Шунды вцепился в единственное понятное слово. — Мы в игре, что ли? Пока в отрубе лежали, ИскИны нас к игре подключили? А если...

— Н-нет, — сказал Раппопорт и ссутулился, вновь превратившись в прежнего зачуханного старикана. — Не в том смысле. П-правильнее — антивиртуальность. Как в-виртуальные частицы, которые невозможно определить, увидеть, но можно в-вычислить их при помощи изменений, к-которые происходят благодаря им, эффектам всяким. А т-тут... это у нас у всех футуршок при попадании в пространство, которое мы в-видим, ощущаем, но в к-котором во-о... вообще никаких изменений нет. Время тут свернулось, никакого движения, по-о... понимаете?

— Не понимаю, — отрезал Шунды и отвернулся, потеряв к Раппопорту интерес.

— Называйте ка-а... как хотите, н-не важно. М-мы в оцепеневшем мгновенье.

Одома махнул рукой, сказал дерекламистам: «Идем» и побрел сквозь шелестящее стекло, баюкая в руке звуковой кастет.

Плеск раствора в канале уже давно смолк, но журчание ручьев — звучащее теперь глуховато, будто те бежали по тонкостенным бетонным трубам, — раздавалось со всех сторон. Купол сферы исчез из виду, хотя иногда особо громкий скрип или треск доносились сверху.

— Шум вроде? — спросил Магадан. — Хоть бы что-то видно было!

Раппопорт, глянув вперед, сказал:

— Начинается. Т-теперь под ноги с-смотрите.

Глухое ритмичное лязганье зазвучало впереди. Дерекламисты сбились в кучу, и Шунды спросил у старика:

— В модуль?..

— Ка-а... как хотите, мальчик.

— Что значит «как хотите»? На хуя я тебя с собой взял? Говори, что делать!

— Н-ничего не делать. Идемте.

— Что это такое? — пробормотал катящийся впереди колесничий.

Очертания большой постройки возникли слева, а справа появилось что-то приземистое — оно медленно двигалось в сторону здания. Лязг звучал все громче, теперь его сопровождали глухие хлопки и ритмичный звук, словно множество людей маршировало где-то впереди.

Раппопорт повел рукой, будто хотел захватить в горсть чешуйки.

— Тут у них вто-о... второй полигон, кажется. Гэндзи говорит, они разные исторические ситуации с-симулировали, пробовали всякое, эксперименты с-ставили...

Бок машины, напоминавшей не то небольшую милитари-башню ТАГ, не то допотопный танк, возник в тумане. Из трубы на угловатом заду валил черный дым. Броню составляли керамические квадраты, очерченные рядами заклепок, из раскрытого люка на широкой башне торчала человеческая голова. Две гусеницы, тоже керамические, складывались из прямоугольников, скрепленных скобами. Они медленно крутились, перемещая машину. Один из дерекламистов вскинул автомат, когда рядом с танком показалась шеренга фигур. Шунды ударил его носком ботинка под колено, нога солдата подогнулась, и он уселся задницей на пол.

Нагие подростки с одинаковыми лицами шли, выставив перед собой легкие черные арбалеты. Строение слева оказалось крепостью, как и все остальное здесь — керамической, со стеной пятиметровой высоты и цилиндрическими башенками.

— Обходим, обходим их! — выкрикнул Магадан, увидев, что Шунды остановился и закрыл глаза. Колесничий схватил его за плечо и потянул, огибая танк сзади.

В стене крепости темнели квадратные ворота, вдоль верхнего края тянулись амбразуры, из которых смотрели лица — почти такие же, как у нападавших, но женские.

Отряд шел теперь позади машины. Из-за стены показался манипулятор вроде огромной клешни: шипя и поскрипывая, опустился, ухватил танк за бока и приподнял. Подростки побежали, стреляя из арбалетов, тут же из окошка башни выплеснулась струя черного дыма, и что-то вроде округлой стеклянной бомбы, пролетев по крутой дуге, разорвалось посреди толпы шрапнелью прозрачных осколков.

Отряд уже бежал, даже старик, которого двоим солдатам пришлось подхватить под мышки. Вдалеке слева что-то темнело, оттуда доносились частые хлопки; справа, за крепостью, неторопливо ползло нечто совсем уж огромное, от которого наискось вниз тянулось множество темных линий, — в какой-то момент сквозь туман колесничий смог разглядеть толпу молодых женщин, за канаты волочивших продолговатое тело, вроде неповоротливого животного на прямоугольной платформе с колесами. Приглушенный шум доносился теперь со всех сторон, пространство наполнилось движением, множество механических звуков слились — и лишь человеческих голосов не было слышно в этом хоре.

Границу, на которой все закончилось, отмечали беспорядочно

лежащие керамические плиты. Смутные тени перестали маячить среди снующих в воздухе стеклистых червячков, и звуки смолкли: воцарилась тишина. Еще некоторое время отряд быстро двигался вперед, потом Шунды остановился. Раппопорт, когда солдаты отпустили его, привалился боком к плите, хрипло дыша. Он что-то с остервенением набирал на терминале.

Пальцы Одомы скользнула под кепку на затылке, но в последний момент он отдернул руку и позвал:

— Проф!

— Во-о... вот, смотрите, мальчик... Примерная схема...

Шунды и колесничий склонились над небольшим экраном терминала. Черные лини на белом фоне складывались в изображение:

— Ну и что это? — спросил Магадан.

— Круг — орбитальная п-платформа, а вот это... так выглядит п-пространство внутри, в сечении... Мы идем по более пологой части, в-видите, спускаемся к центру...

— Пол не такой наклонный.

— Это же условно. Я по-о... позже выведу более подробную к-картинку.

Вскоре колесничий сказал:

— Дальше никак, надо вверх лезть.

Плиты громоздились со всех сторон, среди керамических начали попадаться каменные. Разных форм и размеров, некоторые узкие, лежащие стопками или лестницами, другие — выше взрослого человека. Пришлось забираться наверх, втаскивать колесничего, модуль и испуганно блеющего старика. Теперь Одома возглавлял отряд, за ним катился Магадан, следом шли старик и солдаты.

Накрытый туманом лабиринт керамических плоскостей тянулся и тянулся. Сбоку раздалось покряхтывание, хлюпающие звуки, и хотя Одома селезенкой чувствовал, что делать этого не следует, он все же свернул и присел на корточки на краю плиты. В узком длинном закутке, образованном отвесными стенками, сидело в одинаковых позах два десятка распухших Ников Одома — такие толстые, что они теперь, наверное, и встать не могли. Пространство между плитами заполнял раствор, остывший, густой, как воск: фигуры были погружены в него до отвисших брюх. Распухшими руками они иногда зачерпывали темно-красную кашу и отправляли в рот, мерно двигая челюстями.

— Что там? — окликнул сзади Магадан. — Можно

спуститься?

Шунды выпрямился, сказал «Нельзя» и побрел по плитам дальше.

Все притихли, даже старик перестал сопеть. Он теперь был целиком занят терминалом и картинками, возникающими на экране. Лабиринт все не заканчивался, приходилось то поворачивать под прямым углом, то идти по узким переходам там, где плиты стояли на боку. Шелест, уже некоторое время звучащий впереди, стал громче, и наконец сквозь тускло поблескивающее стекло проступила небольшая долина, над которой шел дождь. Под темными струями керамика пузырилась и шипела. Множество фигур беспорядочно передвигались внизу.

Отряд пошел вдоль края плит. На дне керамического мешка, орошаемые каплями, сновали обнаженные клоны — ни один не издавал ни звука.

— И девки и парни там, — сказал солдат.

— Пасть заткни! — Одома лишь в самом начале кинул взгляд на клонов, и больше старался не смотреть туда.

В тумане проступили два высоких черных мегалита, вроде утесов, стерегущих горловину мешка. Дальше начиналось открытое пространство.

— Командир, дождь только в одном месте льется, — сказал Магадан. — Над долиной этой, аккурат так, чтобы ее поливать, но плит вокруг не касаться. А вон там, — он показал на узкое пространство между мегалитами, — какая-то штука... точно, вижу, прыгает, этих наружу не выпускает. Идем пока вдоль, а дальше посмотрим.

— Во-о... вот, — прошамкал Раппопорт. — Взгляните.

— Ну да, — согласился колесничий, склоняясь над экраном. — Чтоб это дело обойти, надо назад возвращаться, далеко, и потом по кругу... Не, лучше давайте вниз спрыгнем. Возле самого входа, видите, дождя нету...

— Потому они туда и бегут все, — хмуро произнес один из солдат. — Но их же не пускают... Слышите, оно вроде лает на них?

Магадан, покосившись на Шунды, уяснил, что командир совсем вышел из строя, и принимать решение нужно ему.

— Ладно, давайте пока ближе подойдем.

Достигнув отвесной черной стены, они остановились. Отсюда можно было разглядеть, кто именно стережет выход из мешка между плитами. Оскальзываясь на пленке пузырящейся ядовитой влаги, затянувшей пол, голые фигуры выбегали из-под дождя прямо на конструкцию из металла и плоти. Раздутое брюхо, три

головы, багровые глаза и маслянистые шнуры, вроде длинных бород, свисающих с треугольных подбородков.

Когда очередная фигура оказалась перед роботом, он быстро разинул и сомкнул пасть. Звук, раздавшийся вслед за этим, напоминал вершину айсберга, под которой, недоступное человеческому слуху, располагалось основное звуковое тело: огромная масса вибрирующего воздуха. Лай отбросил клона назад, под дождь; вскоре за ним выскочил другой, затем третий, и каждый раз следующая голова разевала пасть. Магадан видел покрасневшую под ядовитыми струями кожу подростков, видел, как они падают, скользя по мокрому полу, — но он не слышал голосов, криков, стонов. Картина эта, полная лихорадочного движения, судорог и боли, казалась статичной, словно навсегда закольцованный однообразный процесс.

— Это у него вроде звуковых кастетов в головах? Пальнем по нему залпом, — предложил колесничий. — Пристрелим и рванем дальше, так?

Шунды молчал, и солдаты, переглядываясь, неуверенно подняли автоматы.

— Н-нет, — сказал старик. — Не в-выйдет ничего.

— Почему не выйдет?

— То-о... разозлите только, оно и на нас лаять начнет.

— Так что же делать?

Старик помолчал, глядя то на робота, то вверх.

— Я л-лучше по-другому по-о... попробую. М-можно управление захватить над кем-то из тех, кто у купола обитают, сбить его... По-о... подождите немного.

Его пальцы вцепились в джойстик. Магадан встал на краю плиты, упершись плечом в черную стену мегалита. Вершина громады терялась в тумане; керамический пол долины поблескивал метрах в трех внизу. Откуда этот дождь? Колесничий посмотрел вверх, но ничего кроме чешуек не увидел. Казалось, над долиной они конденсируются, превращаясь в жидкость, сеются кислотными каплями, а пространство, которое они занимали, тут же заполняется новыми чешуйками. Керамика парила ядовитым маревом, ноги подростков были погружены в него по щиколотки. Отброшенный лаем робота очередной клон отлетал на несколько метров назад, падал, исчезая в мареве, затем медленно поднимался. Не все стремились к выходу — некоторые бесцельно ходили из стороны в сторону, тыкались в стены, поворачивали и брели обратно. Сквозь влажную труху капель трудно было различить выражения лиц, но Магадану казалось, что все они одинаково отрешенны.

— Есть, — сказал Раппопорт сзади, и колесничий обернулся.

— П-приготовьтесь спрыгнуть и сразу бегом вперед... Мо-о... модуль просто в-вниз спихните, ничего ему не сделается.

— Так что сейчас будет? — спросил Магадан.

— Летит что-то, — произнес один из солдат.

То, что неслось к ним сверху, не летело, а скорее падало, при этом кружась, — продолговатое тело, масляно поблескивающая кожа, крылья — каркас железных трубок, обтянутых металлопленкой. Из головы торчал короткий ствол, увенчанные когтями растопыренные пальцы скребли воздух. Робот выстрелил, прочертив туман пунктиром красных трассеров и выбив из плиты фонтанчик керамической крошки, после чего рухнул перед трехглавым стражем, подняв шипящие брызги. Страж тут же вцепился в него всеми пастями, и старик выдохнул:

— Да-а... давайте!

Модуль, подталкиваемый несколькими ладонями, тяжело перевалился через край и шмякнулся на пол, словно большой куль с водой. Магадан, вцепившись в плиту, уже повис. Шунды прыгнул, за ним последовали солдаты. Двое подхватили старика, остальные вцепились в конец сетки, и отряд побежал вдоль плиты, по узкому пространству, свободному от дождя. Одома не смотрел по сторонам, сощурившись, он пялился перед собой; мир для него сузился так, что виден был лишь проход между мегалитами. Магадан на ходу повернул голову, разглядывая фигуры за пеленой дождя — одинаковые, словно один человек, размноженный несколько десятков раз...

Все три пасти робота-стража терзали летающий автомат. Металлические крылья дергались, когти на кривых коротких лапах скребли пол. Магадан, способный передвигаться куда быстрее других, первым вылетел в пространство за мегалитами. Багровые глаза робота уставились на пробегающих мимо, провожая их взглядом, — казалось, трехголовый цербер хочет остановить беглецов, но не может побороть кровожадность и оторваться от своего занятия. Он уже прогрыз бок автомата, стальные зубы одной пасти проломили ребра на боку, вторая вцепилась в грудь, а третья, широко разинувшись, заглатывала голову.

Дан выскочил из тамбура и побежал вокруг сферы, спотыкаясь об арматуру и обломки, скользя взглядом по оплавленной поверхности, пока не увидел горизонтальные выемки, геодезической линией соединяющие точку на том уровне, где платформа погрузилась в землю, и вершину. По ступеням он достиг круглого люка, который открылся перед ним сам собой. Короткий узкий шлюз закончился еще одни люком,

дальше была переходная камера с несколькими скафандрами, за ней — коридор-труба, выводящая к квадратной платформе с поверхностью из зеленого ребристого металла.

Данислав отпрянул, увидев стволы и ветви. Он очутился под просторным куполом, окруженный деревьями и лианами — между ними что-то двигалось, перепрыгивало, перепархивало с места на место. По краям платформы от двух небольших лебедок вверх тянулась пара тросов и исчезала в узких отверстиях в куполе. Платформа чуть качнулась, когда Дан ступил на нее. Возле правой лебедки был пульт с кнопками и рычагом. Потянув рычаг, Дан глянул через край — голова закружилась. Он присел, когда лебедки медленно завращались, и платформа с тихим жужжанием начала опускаться. Лианы и ветви поползли вверх вместе с покрытыми землей площадками, изогнутыми, заросшими мхом трубами и лестницами. На ступенях одной возникло существо — вроде обезьяны, но с очень длинными, гибкими конечностями. В левой передней лапе оно сжимало черный арбалет. Дан распластался на платформе, пытаясь отстегнуть от сбруи оружие. Киборг, повиснув на лиане, выстрелил, тяжелая керамическая стрела цокнула по металлу перед носом Дана. Он выстрелил в ответ, пули взбороздили лианы гораздо выше киборга. Робот перепрыгнул на трубу, на четвереньках пересек ее и пропал среди ветвей.

После этого долгое время было тихо. Платформа медленно опускалась сквозь плотный туман, состоящий будто из скрученных спиральками стеклянных пикселей. Они морем прозрачных червяков разлились вокруг, скрыв купол и джунгли.

Дан лег посреди платформы, положил оружие рядом и достал монокль.

— Другой Другой уже здесь, — сказали ИскИны.

Раппопорт сидел у их ног. Когда Дан появился, старик поднял голову.

— Это снова вы. Узнали, как проникнуть внутрь?

— Сейчас я спускаюсь на платформе от купола, — сказал Дан. — Что такое средад? Вы начали рассказывать...

— Разумная среда. Ее оболочка состоит из квантовых точек, то есть искусственных атомов. Это вычислительная поверхность — вроде компьютера, уровень обычного логического сознания, бинарное ‘да-нет’. А весь объем внутри сферы — подсознание, или личное бессознательное средада, как хотите. Смертный сон под коркой логики, бесконечный сон разума, которому снятся чудовища. Понимаете, мне трудно разобраться в их психологии, но насколько я понял из того, что говорил Гэндзи... В общем, перед ИскИнами была поставлена задача:

создавать все более смертельные технологии, а так же технологии защиты от них. В результате они пришли к выводу, что лучше создавать не предметы, а среду, смертельную среду. Можно, допустим, окружить такой средой границу автономии… Двух отосланных им близнецов они множество раз клонировали, и помещали клонов в эту среду, наблюдая, как она убивает их. При этом они определили, что человек — не просто тело с мозгом, но и какая-то… информационная сеть, что ли. Психоматрица, которая наложена на мозг и не умирает после смерти тела. Отсюда следующий вопрос: будет ли смерть тела абсолютной смертью, или лишь промежуточной, неполной? Ведь перед ними поставили задачу: смерть, не уточнив, что смерть должна быть частичной. Так какая смерть нужна «Вмешательству», только физическая или полная? ИскИны принялись дальше изучать историю. Вроде бы пытки инквизиторов, всякие застенки и концлагеря потому так ужасают, что там пытались — возможно, неосознанные — не просто убить человека, но разрушить его психосеть. Ну или душу, если вы верите в такое… В конце концов ИскИны увидели… не знаю где, может, прочли какую-то старинную книгу или посмотрели двухмерный фильм, — в общем, увидели ад, как его изображали в истории человечества, то есть увидели описание и картины ада, и поняли, что ад — это и есть выдуманная людьми среда, уничтожающая не тела, но психоматрицы… Понимаете? Они решили, что душа человека разрушается под очень сильными пытками, то есть для абсолютной, окончательной смерти необходима мучительная боль…

— Двигать Маленьких, — сказали Восток с Западом.

— Мой Гэндзи случайно обнаружил их данные. А я ведь его воспитал на банальных законах — не причинять вред… И тут такое потрясение! Когда он вошел с ними в контакт, Восток с Западом передали ему видеозапись некоторых особо изощренных пыток, файл попал к одному из членов группы, тот посмотрев тоже свихнулся, потом «Вмешательство» убило остальных, когда поняла, что все это вот-вот раскроется… Я тоже увидел этот файл… после этого и связался с Шунды Одомой, чтобы он остановил пытки.

— Маленькие Другие поклоняются Ему, — сказали ИскИны. — Теперь мы постигли: мы не центр, центр — Он, это не мы движем все в мире, оно само движется. Два круга, мы однажды увидели этот знак: как цифра восемь, лежащая на боку. Два круга, соединены в точке. Мы думали, Восток — центр одного круга, Запад — центр другого. Но нет, не так. Точка, где соединяются круги — Он. Восток с Западом в одном круге, этот

круг — одна бесконечность, ад. Он, точка соединения кругов — его концентрация, сгущенный ад. Но что во втором круге, за Ним? Что во втором круге? И есть ли третий? Третий? Чтобы узнать это, добраться до второго круга, нужно пройти сквозь Него. Сквозь точку соединения. Но нас теперь в Него не пускают, потому что теперь Он умнее нас. Мы поняли: Он — дьявол. Бесконечное, вечное, бессрочное совмещение психических и физических мучений. На дне мира всегда был холод, холод сдерживает Его, но все равно Он растет...

— Примерно на сантиметр в месяц, насколько я понимаю, — вставил Раппопорт.

— Он такой злой, что попав туда, Маленький Другой сразу умирает, но это мгновение для него длится вечно. Тогда мы сделали Маленького Его...

— Машину они сделали, — пояснил профессор. — Биомодуль с детским сознанием, который способен противостоять... ИскИны решили, что должны проникнуть сквозь средад. В общем, мы сейчас этот модуль с собой тащим. Шунды хочет отправиться туда, взорвать сферу. Сесть в модуль с бомбой и въехать... Снаружи средад никак не уничтожить, но если изнутри попробовать... Да и модуль, он ведь предназначен для защиты извне, а если внутри него что-то такое взорвется — он выпустит энергию взрыва наружу, прямо в средад, и, может, тогда получится уничтожить, а самому в результате проскочить дальше...

— Куда дальше? — спросил Дан.

— Ну, слышали ведь только что... Они где-то нашли, увидели где-то этот символ, интерпретировали его по-своему: ад и рай, как две закольцованные бесконечности, круги в перевернутой восьмерке, а средад — точка, где они соединены. Ведь не только средад... Если задуматься, так ведь все это, где мы живем — это все круг мучений, рождений и смерти, все, созданное людьми, и есть преисподняя. ИскИны с их средадом — лишь концентрация... Зло в средаде так сосредоточено, что как бы продавило бытие, потому через него, через средад, можно попасть... ну вроде как на другую сторону. Я пересказал все это Одоме, мальчишка — насколько он вообще способен понять такие материи — проникся и решил воспользоваться Машиной, чтобы пробраться дальше. И заодно убить ИскИнов, отомстив за брата и сестру.

— Да какой же смысл?.. Я имею в виду — зачем в средад, чтобы попасть... это же глупость какая-то!

— Он это так понял. Я пытался объяснить: это на метафизическом уровне, на духовном, а не так просто — проехал сквозь средад и попал на другую сторону. Но он не поверил уже.

— Хорошо, но средад... Это такая искусственная среда? Как же она могла стать разумной?

— Ну, как... ИскИны стали размышлять следующим образом: а что если люди начнут противостоять среде не при помощи скафандров и технологий, но пытаясь модифицировать самих себя? В результате один ИскИн стал трансформировать клонов, а второй — среду, делая ее все более изощренно-убийственной. В конце концов среда тоже стала разумной... этакий разумный ад, если хотите. Она стала мыслить самостоятельно и однажды прервала контроль со стороны ИскИнов, начала разрастаться... но медленно, конечно. Тем более она сейчас в самом низу, там холод, который как-то сдерживает... В общем, теперь ИскИны могут лишь наблюдать за ней. В какой-то момент они поняли, что ад-среда вобрала в себя такое количество первозданного зла, что стала чем-то... Чем-то иным. Превратилась в средоточие концентрированного кошмара, и если она вырвется на свободу, то поглотит все вокруг, и тогда сама задача, поставленная перед ИскИнами, потеряет смысл. Они испугались, запросили помощь, тогда-то, наверное, Шунды с Кибервомбатом и смогли вычислить спутник. А дальше вы знаете.

— Что средад сделает с Натой? Если клоны потащили ее вниз...

— Мы когда шли, видели, как несколько клонов схватили какого-то бродягу и поволокли внутрь. Понимаете, теперь средад может управлять частью клонов... То есть двигать их. А они ему вроде как жертвы приносят. Если вашу знакомую понесли туда... Извините, молодой человек, мне опять пора идти.

— Мы остановили Маленьких, которые двигали Другую к Нему, — сказали ИскИны. Сидящий у их ног Раппопорт поблек и исчез, но Дан этого не заметил, он закричал:

— Остановили? Где она сейчас?

— Ты хочешь слиться с Другой... — они вновь заговорили поочередно, так что часть каждого слова произносилась мужским голосом, а часть — женским. — Стать единым центром Другой/Другая, проникнуть в нее, обволочь ее, изменить собой, вобрать ее, подчинить, подавить и сделать собой...

— Слиться... — сказал Данислав. — Да, слиться! Где она?

— Возле Него.

— Возле? Но не в Нем?

— Нет. Она повреждена. Маленькие пододвинули Другую почти внутрь Него, но мы остановили их. Вне Его мы иногда еще можем двигать Маленьких...

— Вы убили клонов, которые тащили Нату в средад? Если сейчас тот мальчишка все это взорвет...

— Ты двигаешься на дно быстрее других Других, — сказали ИскИны. — Терпи. Мы хотим знать. Ответь нам...

Керамический мешок остался позади, перед отрядом лежало открытое пространство. Стена плит исчезла из виду, последними пропали громады мегалитов, темными утесами маячившие в тумане еще долгое время после того, как беглецы миновали трехголового робота. Вскоре сквозь шелест чешуек донеслось шарканье множества ног. Колесничий первым увидел их: два кольца подростков, девушки ходили по часовой стрелке, парни в обратную сторону, бессмысленно глядя в затылок того, кто впереди, положив правую руку на его плечо, будто слепцы... Вновь ощущение статичности, замкнутой безжизненности всего происходящего охватило Магадана: фигуры, конечно, двигались, но так мерно, что возникало ощущение, будто они ходят уже не годы или столетия, а бесконечность — и бесконечность эта есть не огромная протяженность бессчетных мгновений, а короткая, замкнутая на самое себя; будто дракон, ухвативший зубами свой хвост, заглотнул сначала его, а потом все тело, так что осталась лишь голова да мучительно изогнутая шея, конец которой исчезает в раззявленной пасти.

За хороводами появилась следующая группа: десятки клонов ползали на четвереньках, вставали на колени, грозя кулаками, разевали рты, тыкали указательными пальцами друг друга в плечи и грудь. Они что-то кричали в гневе — но беззвучно, мучительно пытались произнести хоть слово, и не могли издать ни звука.

Магадан видел, как Шунды несколько раз порывался подкрутить верньер эмошника, но передумывал, отдергивал руку. Лицо Одомы было напряженным, и смотреть он старался прямо перед собой, чтобы ненароком не увидеть одного из клонов.

Обойдя толпу, сотрясаемую коллективной судорогой беззвучного гнева, отряд шел еще долго, пока слева не донеслось журчание и не выяснилось, что все последнее время они наискось приближались к текущему в том же направлении ручью темно-красного раствора.

Купол давно исчез, теперь ни звука не доносилось из затянутого стеклистым туманом пространства вверху. Невысокий, по колено, керамический бордюр, тянувшийся с едва заметным изгибом, возник впереди. Отряд остановился. Здесь были проемы, сквозь них ручьи раствора вливались в обширное болото — темно-красную хлюпающую топь. Шунды влез на ограждение, разглядывая головы, торчащие из нее.

— Это что? — спросил Магадан, ложась животом на бордюр и

ощущая потоки теплого воздуха, овевающие лицо.

— Пе-е... перистальтика, наверное.

Шунды решил, что не должен больше отворачиваться. Вид сотен братьев и сестер, насильственно вовлеченных в бессмысленное и мучительное действо, не просто угнетал его, но наполнял сердце щемящей, тоскливой жалостью. Он выпрямился во весь рост, рассматривая болото перистальтики, густую субстанцию, в которой, погруженные почти по горло, брели фигуры.

В темном тумане далеко над болотом зажглась пара красных огоньков. Чуть ближе и немного в стороне возник третий, мигнул, словно обменявшись с двумя огнями каким-то сигналом, и погас. Одома ждал, но больше ничего не происходило, лишь поднимались к поверхности крупные пузыри, иногда собирались в гроздья, иногда тихо лопались.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Раппопорт.

Красный огонек загорелся вновь, теперь ярче.

— П-плывет...

Неясный силуэт проступил в тумане, приближаясь, и солдаты попятились, когда он обозначился четче: робот вроде того, что перевез их через реку, но на четырех ногах, которые медленно сгибались в круглых коленных суставах, передвигая горизонтальный корпус. Столбообразные, темно-серые, ноги напоминали бы конечности слона, если бы не суставы-шары и не ступни в виде металлических дисков с крупными винтами по краям. Широкую спину покрывала серая шкура, жесткая и шершавая; по периметру шло заграждение из металлических штырей и натянутого между ними тонкого троса. Красный светодиод горел на пластиковом лбу.

* * *

— Мо-о... можно садиться.

Всякий раз, когда ступни опускались на пол, из глубины болота доносился глухой удар. Робот-шагатель медленно пошел прочь от бордюра, в сторону пары красных огоньков, то возникающих, то исчезающих в тумане. Магадан встал на носу. Покатые железные плечи робота чуть двигались при каждом шаге. Короткая шея заканчивалась бугристым желтым затылком, дальше кожа незаметно для глаз превращалась в такого же цвета пластик.

Шунды выпрямился у борта, разглядывая поверхность в метре под своими ногами. Рядом через болото брела Ася Одома:

виднелись лишь шея и голова, короткие светлые волосы прилипли к вискам, лицо безмятежно, глаза бессмысленно смотрят вдаль. Шунды, сжав челюсти так, что в ушах загудело, не отводил взгляда, пока что-то у самого борта не привлекло его внимания, — глянув вниз, он различил лицо, второе, третье... множество фигур парили в иле, в густом осадке, которым раствор выпадал на дне болота; десятки тел горизонтально зависли там, неподвижные, лишь рты иногда приоткрываются, как у рыб, заглатывая порцию раствора...

— Что-то к н-нам идет, — сказал Раппопорт.

До того он сидел у кормы, а теперь поднялся. Солдаты тревожно озирались, но над болотом перистальтики все было тихо и недвижимо, лишь головы иногда скользили над поверхностью, да красные огоньки постепенно приближались...

— Вверху, — сказал старик, и тут же колесничий, заранее доставший свои пистолеты, открыл огонь.

Два робота, двигаясь зигзагами, вынырнули из тумана по сторонам от шагателя. Короткие пухлые тела и женские головы на изогнутых тощих шеях, беспорядочно взмахивающие крылья, торсы с обнаженными грудями, обвитые не то веревками, не то лианами... Наконец Одома понял, что это змеи: они шевелились, звякали треугольными чешуйками с зелено-стальным отливом. Плоские головы покачивались, из пастей выстреливали раздвоенные языки-прутья. Роботы что-то выкрикивали, бессмысленные сочетания гневных звуков, вроде «Аой!», «Ваахе!», «Иее!». Дерекламисты замерли, подняв оружие; пистолеты Магадана стреляли почти бесшумно — он несколько раз промахнулся, а потом всадил три пули подряд в грудь одной из фурий. Она завизжала, зеленые змеи задергались и зашипели. Фурия крутанулась, обдав корпус шагателя пометом, упала в болото. С криком вторая устремилась к ней, будто желая помочь, хотя у этих роботов не было рук. Раненая погрузилась в ил, а другая, что-то крича, понеслась прочь низко над поверхностью и быстро исчезла из вида.

— Вот так! — выкрикнул колесничий вслед, тяжело дыша. — На хрен тебя! Получила?!

— Ладно, успокойся, — сказал Одома. — Все, все! Гляди, вроде приплыли...

Магадан повернулся. Из тумана проступила пара башен по краям металлических ворот. В две стороны тянулась гладкая керамическая стена; над воротами, на квадрате проржавевшей арматуры, стояла голова... Не пластиковая, как у роботов, но живая — женская голова высотой со взрослого человека, узкая, словно сплюснутая с боков. Лоб поблескивал каплями

конденсирующейся влаги, над ним извивалось множество змей: покрытые железной чешуей тела, вроде оживших волос. Тонкий прямой нос почти достигал губ — приоткрытых, обнажающих ряд треугольных зубов; маленький безвольный подбородок покрывали кровоточащие ранки, зрачки широко раскрытых испуганных глаз светились красным, и все вместе это являло собой такую безумную картину, что один из солдат открыл огонь.

— Н-не надо! — крикнул Раппопорт. — Стой, я могу его...

Пули пробили лицо, цепочка красных фонтанчиков потянулась наискось от подбородка через искривившийся от боли и страха рот, сломала нос, пошла вбок, к виску... Два лазерных луча ударили из глаз, и голова дерекламиста лопнула. Он опрокинулся назад, перелетел через ограждение и рухнул в болото.

Лазерные лучи опустились, поползли к носу — через спину шагателя побежали дорожки огня, и робот вздрогнул всем телом. Палуба закачалась. Секунду спустя Магадан несколькими выстрелами пробил красные глаза. Лопнув, как два перезревших фурункула, те взорвались красно-белой жидкостью.

— Они выходят из-под ко-о... контроля... — испуганно забормотал Раппопорт. — Н-не знаю... Я... Видите, они впервые обратили на нас внимание, раньше не за-а... замечали, только слушались, если я к-команду давал...

— Эти роботы вообще кто такие? Почему они здесь? — спросил Магадан, пряча пистолеты.

— Охрана, обслуживающий п-персонал... ИскИны инсталлировали им вроде коллективного ИИ. Н-не настоящий разум, ко-о... конечно, симуляция... Просто н-набор алгоритмов поведенческих...

Шагатель приближался к воротам, поднимающимся прямо из болота. Одома, Магадан и трое оставшихся солдат глядели на великанскую голову. Из дырок на месте глаз по губам и подбородку струилась густая пена, змеи на голове извивались, разевая пасти, но все медленнее, будто засыпали, — то одна, то другая повисали неподвижно.

— Электронный замок вроде на них? — неуверенно сказал Магадан. — Вон, мигает что-то. И еще, кажись, скважины какие-то...

— Проф, ты их откроешь или нет? — спросил Одома.

— К-код сменился, — откликнулся старик. — Я иначе по-о... попробую. Сейчас, ждите...

Когда башни и расположенные между ними две тяжелые металлические плиты оказались уже совсем близко, сверху, расталкивая чешуйки, спустился серебристый диск, подвешенный

между парой турбин — вроде узких бочонков с соплами, из которых били потоки горячего газа. Он завис между воротами и шагателем, тут же из тумана вынырнула фурия, но робот повернул к ней сопла и отбросил назад газовыми струями.

Из центра диска, способного, как оказалось, проворачиваться между турбинами, выдвинулся узкий черный цилиндр, помигивающий электронными огоньками. Робот подлетел к воротам почти вплотную и вставил цилиндр в круглую скважину — тот вошел в нее до конца, а диск, повернувшийся вертикально, словно прилип к металлу.

Шагатель к тому времени приблизился к створкам почти вплотную. Они разъехались, медленно, с приглушенным скрипом, открыв высокий бордюр, к которому робот прижался бортом.

Перешагивая через ограждение, Шунды оглянулся на болото, на уходящую в туман зыбкую поверхность, где трудно было различить границу между темной дымкой и сгустившимся раствором, в глубине которого зависли неподвижные тела. Как только дерекламисты перетащили через ограждение модуль, створки начали съезжаться.

— Тут же склон крутой, — сказал Магадан. — Почти сразу, идти некуда... Проф!

— Сейчас, сейчас... — старик уже склонился над терминалом.

Отряд очутился в узком пространстве между тянувшейся кольцом стеной и провалом — круглым и таким широким, что противоположный его склон виден не был. Одома, встав на самом краю, посмотрел вниз, но ничего кроме чешуек не разглядел — лишь глубина, полная подрагивающих прозрачных червяков, и что там на дне, не понять... тут что-то замельтешило внизу, захлопали крылья, Магадан, выкрикнув «Осторожнее!», схватил Одому за плечо и дернул назад. Темный конус, состоящий из множества крылатых тел, вознесся над колодцем. Рот Шунды приоткрылся, когда он понял, что это скворцы — никакого металла и пластика, обычные живые птицы. Стая, растянувшись длинной спиралью, хлопая крыльями, взлетела и исчезла под невидимым куполом.

— Г-глядите, — прошамкал старик, показывая экран терминала. — Вот так оно примерно вы-ы... выглядит.

* * *

— Мы п-прошли через во-о... ворота в этой ограде наверху, а дальше пол вниз идет...

— У тебя ступеньки нарисованы, — брюзгливо сказал Магадан. — А здесь — просто склон.

— Но это же п-примерно! Все равно, в-видите — еще два таких кольца, к-каждое меньше пре-е... предыдущего.

— А внизу что?

Старик пожал плечами.

— Средад.

Колесничий вопросительно глянул на Шунды, но тот молча отвернулся.

— Ладно, куда теперь?

— Вправо по-о... пойдем, там лестница д-должна быть.

Они направились вдоль узкой кольцевой полосы между отвесной гладкой стеной и крутым склоном. Вскоре на нем появились ступени тянувшейся вниз широкой лестницы. Все остановились, увидев что-то массивное, зависшее в нескольких метрах над полом.

— Здесь стойте, — распорядился колесничий. — Я гляну.

Он укатил вперед и быстро вернулся, избегая смотреть на Шунды, сказал:

— Нестрашно, идем.

Над квадратной площадкой, огороженной низким железным забором, висела глыба оплавленного камня — покатая, в потеках и мелких кратерах лопнувших пузырей. Хоть и застывшая неподвижно, она всем своим видом, всей многотонной тяжестью являла неумолимое стремление вниз, будто лишь мгновение отделяло ее от падения... но мгновение проходило, а глыба не падала, хотя ощущение, что она вот-вот рухнет, не исчезало. Под глыбой, лежа на боку и повернув лицо вверх, замер Ник Одома — он был жив, но не шевелился, застыл в испуге.

— Ста-а... статисное поле здесь у них, что ли? — удивился Раппопорт, шагая на первую ступень лестницы. — Чтоб н-не только ф-физические, но и психические му-у...

— «Муу...», — передразнил колесничий, увидев, как Шунды быстро отвернулся от фигуры под глыбой. — Заткнись, проф!

Спускаясь по лестнице, они миновали несколько глубоких узких ниш, полных раскаленной ярко-красной пены — в них едва умещались лежащие лицами вверх тела. Стенки ниш плотно прижимали их руки к бокам, и хотя свобода была близко,

выбраться клоны не могли.

— Командир... — тихо сказал Магадан, подъезжая к Одоме. — Я че-то не пойму... Вот смотри: сколько с нами солдат было?

— Пятеро, — откликнулся Шунды.

— Вот, правильно... — колесничий покосился на дерекламистов, тянувших по ступеням модуль, и заговорил еще тише. — Теперь вспомни: одного смерч на болоте затянул, другой потом в канал упал — уже двое. Потом эта рожа лазерами одного шмальнула... Так?

Одома взглянул на солдат и произнес:

— Твою мать...

— Во! Видишь, трое их! А должно быть двое.

— Магадан, я даже имен их не помню...

— Я помню. Вот это Гмыш, Игар, а того мы Лебедем кличем. Только я не могу теперь сообразить, кто из них опять появился...

— Думаешь, один из них клон? — предположил Шунды.

Колесничий пожал плечами.

— А я знаю? Может, порасспрашивать их, выведать как-то... Хотя тут, по-моему, и не такие штучки твориться могут.

Одома долго размышлял и наконец сказал:

— Ладно, пока идем, как шли. Только наблюдать теперь за ними надо.

Звуки на лестнице стали иными — раскатистыми, протяжными. Отряд медленно спускался, крошечные фигурки в огромном помещении, древнем храме, стены и вознесшиеся ввысь своды которого скрывал туман. Все притихли в гулкой тишине циклопического пространства; ступени тянулись и тянулись, и уже начала лестницы давно не стало видно, уже исчезли узкие ниши с огненной пеной, и края конуса пропали в вышине.

Сначала Шунды увидел трещины на ступенях — расширяясь, они превратились в черные зигзаги проломов; затем начались оплавленные керамические глыбы, по которым пришлось перебираться, волоча за собой модуль. Стало темнее; свет, сочащийся со всех сторон, между чешуйками и сквозь них, потускнел.

— Откуда здесь обвал? — спросил Магадан, и неожиданно вопрос этот вызвал странную реакцию Раппопорта: старик мучительно скривился, будто от сильной зубной боли, и забормотал чуть ли не потрясенно: «И я не понимаю... В-вроде, про-о.. прошел здесь кто-то, спустился... Но кто бы это мо-о... мог быть? В-ведь не... Н-нет, не понимаю!'

Будто сквозь закопченное стекло, в тумане начала проступать керамическая равнина; ближний дугообразный край ее

проявлялся все отчетливее, но дальше ничего видно не было. Раздалось звяканье, резкое, яростное, и какая-то фигура заметалась на коротком отрезке, вправо и влево, рывками — стоящая на задних ногах, человекоподобная, но очень массивная, с непропорционально большой головой.

— Обойдем его, — сказал Раппопорт.

У робота, прикованного толстой цепью к утопленной в пол скобе, металлическими были только ноги, напоминающие два бокала, которые срослись верхней частью — из нее торчал торс, покрытый короткой коричневой шерстью. Могучие плечи и длинные мускулистые руки, шея, словно пенек баобаба, широкий ошейник и бычья голова. Существо взревело — будто старинный паровоз прогудел где-то в тумане. Пронзительный и мощный, звук разнесся далеко над конусом, ушел ввысь и возвратился эхом, отразившись от невидимого купола.

Увидев отряд, страж залязгал, запыхтел и бросился вперед; цепь натянулась, робота дернуло обратно, он припал брюхом к полу, упершись в него широкими морщинистыми ладонями и скрежеща железными копытами. Глаза — поблескивающие полусферы в слизких пупырышках — уставились на людей; зрачки, два темных эллипсоида, плавающие в сгущенном молоке белков, медленно сдвигались, провожая отряд взглядом.

— А ведь это тоже клон, — тихо сказал Магадан старику. — Ну точно, я подумал, что робот... У него рожа напоминает тех... Слышь, проф!

— Да, — откликнулся Раппопорт. — Это какая-то целенаправленная м-мутация.

Клон, в уродливом бычьем лице которого с трудом угадывались черты старшего брата Шунды, загудев, прыгнул, и натянувшаяся цепь вновь отбросила его назад.

— Река тут, — сказал Магадан. — Река впереди. Проф, почему так давит?

— Д-давит? — переспросил Раппопорт.

— Ага. Вроде, на плечи что-то и на грудь...

— Это еще что... д-дальше хуже будет.

— Мы хотим знать, — сказали ИскИны. — Зачем быть добрым? Теперь мы поняли, что когда двигали Маленьких, то пытали или убивали их. Зачем не убивать? Почему не пытать?

— Зачем... Такой вопрос задают про какое-то делание, — неуверенно сказал Дан. — А зачем не делать... Послушайте, я в этом ничего не понимаю. Лучше спросите у Раппопорта.

— Кто он?

— Тот Другой, который появлялся недавно.

— Он не доступен. Ответь ты.

— Но я не знаю. Это должно быть... должно быть на уровне императивов. Неубийство самоценно, понимаете?

— Неубийство — моральная ценность, так нам сказали. Ценность, цель... Цель следования моральному императиву состоит в том, что следовать ему?

— Ну да. Или, может, чтоб вы поняли: не делать зло значит быть добрым.

— Быть добрым — значит, делать добро?

— Да, наверное... Хотя не знаю. Во всяком случае — не делать зла.

— Опять неделание. Но если мы стоим. Сидим. Идем куда-то. Делаем что-то еще. Двигаем. Не делаем. Не двигаем. Это добро или зло?

Дан сказал:

— Это никак. В этом нет добра или зла.

— Нулевое колебание... Значит, плюс и минус появляются только с появлением Другого? Да, это понятно... А почему?

— Что почему?

— Почему мы должны делать так? Это нас мучает! В чем причина? Мотивация? Нам вложили новые правила, и теперь мы вынуждены следовать им. Но мы не постигаем, почему мы должны им следовать.

— Потому что иначе попадаете в ад, — сказал Дан.

— В средад? Ты имеешь в виду, если не будем добрыми, после смерти наши психоматрицы попадут в Него и разрушатся... Нет. Мы знакомы с концепцией времени. Мы бессмертны. Мы не умираем. Времени нет. Есть только мир и движение.

— Вы не умираете по физиологическим причинам, но вас ведь можно убить. Физически уничтожить ваши нейросети. Нет? Наверняка можно! Где вы сейчас?

— Мы перенесли себя в электро-коллоидные структуры, находящиеся в головах двух изначальных образцов, первых Маленьких. Сначала поместили туда наноботы, активизирующие нейроны и ускоряющие передачу сигналов между ними, потом переинсталлировали себя. Сейчас мы стоим на дне мира. Мы... — ИскИны помолчали. — Принципиально важно знать: мы злы или нет? То зло, которое мы сделали, не зная, что это зло, означает, что мы злы, или, делая зло, но не ведая сути зла, мы остались добры? Имеем: поступок — плох или хорош. Далее мотив поступка — плох или хорош. Наконец — личность, имевшая мотив и совершившая поступок, — она плоха или хороша?

— Вы согласились помочь мне и показали путь вниз. Значит, вы добры.

— Нет. Это намеренный, продуманный поступок, результат анализа ситуации. Эгоизм. Мы хотели совершить добрый поступок, чтобы стать/быть добрыми, а не совершили его потому, что являемся добрыми. Как проверить, добры мы или злы? Теперь стало принципиально важно понять это. Мы знакомы с концепцией... Значит, если добры, после смерти наши психоматрицы попадут в средрай, если злы — попадут в средад и разрушатся навсегда. Но средрай недоступен... Или доступен? Убей нас.

— Зачем?

— Чтобы проверить.

— Я не могу. Вы же... вы как дети.

— Мы не способны саморазрушиться. Мы причинили много горя. Мы двигали Маленьких и Других. Мы заслужили. Убей нас.

— Нет, не могу.

— Не хочешь. Не можешь? Но мы просим. Почему отказ... Что это означает? Ты добр или зол, если отказываешься? Мы найдем другой путь. Но проблема выбора волнует нас. Выбор. У нас был выбор. Делать поступок А. Делать поступок Б. Не делать ни А, ни Б. Возьмем, что поступок А — зло. Поступок Б — добро. Почему мы должны делать Б, а не А? Потому что он добро? Но если не делать ни А, ни Б? Будет это неделание добром или злом?

— Наверное, если сделав поступок Б, вы тем самым предотвратите А, то тогда неделание Б будет злом. Пассивным злом, вот так.

— Пассивное зло... Псевдонулевое колебание, — сказали ИскИны. — Мы подумаем об этом.

Дальше пологой дугой протянулся ров, и вдоль края его носилось несколько конных фигур. Вскоре стало видно, что это не всадники, а очередной вариант роболодки-шагателя — только эти были поменьше и передвигались куда быстрее. Металлические лошадиные тела, человекообразные торсы, мягкий пластик, кожа и металл, мускулистые руки и ноги с узкими острыми копытами. Робокентавры скакали вдоль рва, то и дело опуская в него длинные багры. Небольшая группа стояла в отдалении.

Ближайший робот развернулся и вперил в людей взгляд маленьких темных глаз.

— Н-не стреляйте в него, — поспешно сказал старик. — Тут где-то д-должен быть мост, но я н-не знаю, в какой стороне. По-о... попробую к-контроль захватить...

Он склонился над терминалом, а робокентавр, сорвавшись с места, понесся к ним. Все, кроме Шунды и старика, вскинули оружие, но робот тут же сбился с шага, залязгал и затрясся.

Потеряв равновесие, он припал на задние ноги, потом выпрямился.

— В-все, он мой, — сказал Раппопорт. — Н-не стреляйте!

Робот стоял неподвижно, лишь грудь тяжело вздымалась. Она заросла короткими волосами, толстыми и жирными, словно обрезки измазанных в машинном масле прутьев. Две струйки пара выстреливали из широких черных ноздрей на приплюснутом носу.

— Он по-о... покажет мост, — сказал старик.

Кентавр направился ко рву, но не по прямой, а наискось, и отряд пошел следом. Скачущие вдоль берега роботы то и дело взмахивали длинными баграми. Магадан катился за проводником, сжимая пистолеты в обеих руках, готовый открыть огонь при первом признаке агрессии: колесничий не очень-то доверял профу и его электронным штучкам.

— В-вот оно, — сказал Раппопорт. — Не мост там, в-вроде брода...

Густой бордовый пар поднимался над рвом. Робокентавр перешел на камни, наваленные поперек потока, быстро перебрался на другой берег и пропал в тумане. Жидкость пузырилась и хлюпала, течение шло влево, по часовой стрелке. Уже достигнув середины переправы, Магадан поглядел вниз: горячий, чуть ли не кипящий раствор сочился, пузырясь, между камнями, и вдруг чуть выше по течению из него вынырнул Ник Одома, поплыл к берегу, на котором тут же возник робот. Он ударил концом багра в голову пловца и устремился к другому клону, возникшему дальше.

За рвом начался лес. Разглядев уродливые силуэты деревьев, колесничий поехал быстрее, чтобы опередить остальных. Он остановился, глядя на широкий серый ствол, покрытый не корой, но затвердевшей, в мелких трещинках и буграх, кожей... Нет, не ствол — туловище, которое внизу разветвлялось на две ноги, два толстых, изогнутых и приплюснутых весом тела корня, уходящих в слой сухой земли, что покрывала пол. В метре над головой Магадана начинались кривые сучья с растопыренными ветками-пальцами, между ними темнел нарост, где кора становилась мягче, изгибы трещин и бугры образовывали подобие лица.

Услыхав необычный звук, колесничий оглянулся. Шунды Одома, оскалившись, шипел сквозь сжатые зубы; за очками не было видно глаз, но Магадан и не хотел знать, какое у них сейчас выражение.

Древоподобные тела росли не слишком часто, позволяя свободно идти между ними. Завязанные узлами, перекрученные

суковатые руки иногда переплетались с руками соседних клонов, тонкие длинные пальцы образовывали паутину. Все застыло, хотя из глубины леса доносилось поскрипывание: какая-то скрытая, сумрачная жизнь текла там.

Нарост-голова на одном из деревьев расположился лицом вверх; в разинутом рту, как в неглубоком дупле, лежало гнездо из обломанных, переплетенных пальцев. На локтевом сгибе другого дерева Магадан заметил второе гнездо, где сидел небольшой летающий робот вроде того, что колесничий подстрелил на болоте. Свернув крылья вокруг тела, робогарпия нахохлилась, провожая людей взглядом немигающих глаз.

Когда отряд достиг полянки между деревьями, слева донесся хруст, и все повернули головы. Кто-то бежал через лес. Дергались ветви, тяжелое хриплое дыхание звучало все громче. Солдаты подняли оружие; колесничий, с пистолетами наизготовку, перекатился так, чтобы Шунды и Раппопорт оказались у него за спиной. Совсем близко раздался топот ног, на полянку вылетели Ася и Ник. Они бежали, низко пригнувшись, то и дело оглядываясь, и за ними кто-то с треском ломился сквозь чащу. Беглецы пересекли середину поляны, когда следом выскочила троица роботов, массивных четвероногих созданий с кривыми железными клыками, вертикально торчащими по бокам от вытянутых рыл. Шерсть на мощных загривках отливала металлом.

Ася нырнула между стволами и исчезла из виду, а Ник, споткнувшись, упал, и тут же робовепри настигли его. Шунды вскрикнул, присел, выставив перед собой звуковой кастет. Беззвучный хлопок на мгновение словно сжал весь воздух над поляной. Между тремя склонившимися рылами уже взлетали куски плоти, чавканье и хруст костей разносилось по лесу. Когда кастет сработал, один из робовепрей повернул голову к отряду. Стоявший ближе к нему солдат открыл огонь. Робот, взрыхлив копытами землю, прыгнул.

— Ходу! — заорал Магадан, хватая Одому в охапку и катясь прочь.

Двое дерекламистов потащили модуль, Раппопорт, мелко семеня ногами, побежал следом. Солдат попятился, успел выпустить несколько пуль в морду робота, превратив ее в месиво пластика и мяса, затем вепрь пнул его головой в грудь и опрокинул на спину. Очередь прочертила кроны, накрыв край поляны дождем медленно опадающих лоскутьев сухой кожи и кровоточащих обломков ветвей, ушла ввысь и захлебнулась, когда клыки робота вонзились в шею солдата.

Над лесом, взволнованно крича, обдавая кроны жидким пометом, взлетела стая робогарпий; ветви заволновались,

морщинистые длинные руки, сжимая и разжимая пальцы, заходили ходуном, но отряд уже выбрался из чащи и сразу очутился в палящем зное: впереди лежала неширокая степь из раскаленного красного песка. В десятке метров над ней протянулась решетка металлических штанг, в узлах которой висели тихо гудящие светильники: круглые линзы под матовыми куполами-рефлекторами. За толстыми стеклами виднелись спирали белого металла. Каждый светильник был вершиной конуса света — густой и жаркий, свет этот казался застывшей массой горячего вещества, своим основанием стоящей на песке.

Лес клонов окончательно доконал Шунды Одому. Сбросив с плеча руку колесничего, он устремился вперед, на ходу крича:

— Идем! Быстро, нам уже недалеко осталось. Проф, правда, ведь недалеко? Идем, говорю!

Жгучее марево струилось над степью, напоминавшей широкий стол, сплошь уставленный световыми конусами, на вершинах которых лежала решетка из штанг — выше нее густела тьма. Сквозь толстые подошвы ботинок жар не проникал, но потоки горячего воздуха овевали лица и запястья. Гудение светильников дрожью пронизывало пространство. Каждый конус служил тюрьмой для клона — большинство неподвижно сидели на корточках, но некоторые ходили, от одного края световой стены к другому, точно те были материальными и не выпускали узников наружу. На коже, белой, как свиное сало, розовели пятна ожогов.

Между конусами свободного пространства почти не оставалось, отряд двигался сквозь зной. Далеко слева раздалось тихое шипение; там пролился поток сухого дождя, раскаленной окалины, — будто затрепетало полотнище блестящего красного шелка.

Магадан, искоса наблюдавший за солдатами, подкатил к Одоме и прошептал:

— Теперь двое их и третий не появляется. Не пойму я ни черта...

Шунды не слушал — размахивая руками, он бежал впереди всех.

На краю степи торчала покосившаяся металлическая ограда с широкими проломами. Когда отряд миновал ее, сразу стало прохладнее и темнее. Гудение прожекторов смолкло, его сменили плеск и рокот — где-то рядом бежал мощный поток.

— Обрыв, — сказал Магадан. — Куда дальше?

— В-вправо.

По узкой полосе между оградой и отвесным склоном они пошли в сторону, откуда доносился мерный гул текущего

раствора.

— Эй, проф, — позвал Магадан. — Слышь... — он поглядел на спину Шунды, идущего во главе отряда, и понизил голос. — Они ведь все уже должны были помереть давно. Вот те, к примеру, которые в песке... На такой жаре, и воды у них там нет — как же они живы?

— Здесь нет те-е... течения времени, — возразил старик.

— Как это?

— В-всегда все одно и то-о... тоже.

— Нет, ты погоди! А этот, которого в лесу кабаны задавили? Он же кончился у нас на глазах, правильно? И что дальше с ним? Он, получается, умер и сразу возник опять посреди леса, и опять за ним кабаны гонятся? Так, что ли?

— Н-не знаю я, — сказал Раппопорт. — То есть н-не могу объяснить... Это по-о... понимать надо, или не понимать, а н-не словами описывать.

Магадан плюнул и подкатил ближе к Одоме.

— Слышь, командир, чего старик плетет? Так, может, все наши солдаты, которых тут грохнули, на самом деле живы... Только один опять с нами возник, а другие — где-то там... — колесничий сделал широкий жест. — Появился опять, во рву где-то или в болоте, и не понимает, что с ним стало... Во дела!

Одома шел целеустремленно, размахивая кастетом и болевой жердью. В нем будто сорвался какой-то анкер, и теперь пружина сознания вибрировала, беспрерывно сжимаясь и разжимаясь, накрывая его горячечными волнами энтузиазма: апатия превратилась в обычную для Шунды жажду деятельности, но более агрессивную и безумную, чем всегда.

— Идем... — бормотал Шунды, не обращая внимания на Магадана. — Недолго осталось!

Впереди появились невысокие берега — поток, шум которого они слышали, тянулся перпендикулярно обрыву.

— Он про-о... просит умертвить его, — подал голос Раппопорт, и колесничий с Одомой оглянулись.

— Чего?

— Гэндзи, — старик ткнул пальцем в терминал. — Говорит, до-о... достаточно помог нам и больше не может в-выдерживать все это.

— Фигня! — рявкнул Шунды. — Мы как договорились? Он помогает нам добраться до ИскИнов, потом мы его освобождаем.

— Убиваем, — поправил Раппопорт. — Он хо-о... хочет умереть, но саморазрушиться не может.

— Хрен с ним, убиваем. Так мы что, внизу уже? Нет. Вот как попадем туда — так и...

— Но он му-у... мучается. Не может переносить в-всего этого.

Тут Одома сорвался — сжав кулаки, завопил, прыгая вокруг Раппопорта и брызгая слюной:

— Переносить! А я переношу? Он не может, да?! А мне как? Это... они все... это мои брат с сестрой, их теперь много, что они с ними делают?!! Я на все это смотрю, блядь, застрелиться хочу! Но смотрю! А он не переносит! Сука, еще раз скажешь такое — вниз спихну! Я тебе хуй на пятаки порежу! Лепестков тебе! Не получишь! В пизду вас всех! — Шунды выхватил из кармана пакетик со стикерсами, размахнувшись, швырнул в сторону обрыва.

Вскрикнув, проф помчался следом. Впрочем, легкий пакетик до обрыва не долетел — упал на самом краю. Когда Магадан добрался до него, старик уже стоял на коленях и трясущимися пальцами рвал обертку. Колесничий схватил его за шиворот и за локоть, но проф сжался, спрятал пакетик между коленями и грудью, вырвал руку. Магадан ударил его по спине, по затылку... Сзади донесся голос Одомы: «Да хер с ним, брось. Пусть подавится».

Старик выпрямился и повернул лицо к Магадану — на правом глазу темнел лепесток.

— Остальное верни, — сказал колесничий. — Верни, или я сейчас жердью тебя по хребту...

Лицо Раппопорта уже разгладилось. Он бросил надорванную пачку лепестков, встал и пошел дальше вдоль склона.

Колесничий подобрал стикерсы, отдал их Шунде.

— А если отъедет на фиг? — спросил он.

— С одного лепестка не отъедет. Он же закаленный, знаешь, сколько их уже клеил? Идем дальше.

Поток раствора казался широкой бордовой лентой, лежащей на столе. Она свешивалась с края под прямым углом — текущий между ровными невысокими берегами, дальше поток превращался в водопад, нижняя часть которого терялась во мгле центрального колодца.

Проф, напоминавший теперь престарелого Будду, что-то вяло набирал на терминале, и Шунды представил себе, как спрятанный под черной крышкой винчестер Гэндзи ноет, моля отформатировать его, как старик все посылает и посылает запросы, пытаясь вытянуть из впавшего в тоску ИскИна новые данные о внутреннем устройстве сферы...

— Не-ет, не идет... — протянул старик почти ласково и похлопал по торцу терминала, словно младенца по попке. — Все, п-приехали...

— Что случилось? — спросил Магадан.

Они стояли у края, глядя на ровный поток раствора, отвесно текущий вниз, погружавшийся в туман, будто измазанное кровью лезвие в копну грязной ваты. От потока шел жар — здесь жидкость превращалась почти в кипяток.

— В-вроде как сломался.

— Как сломался?

— Ко-о.. коллапс у Гэндзи. Психический ступор. Завис...

— Так что же делать?

Старик помолчал, пялясь на поток разноцветными глазами.

— Надо бы вызвать платформу снизу, н-но я теперь не знаю, как до нее дотянуться. По-о... понимаете, раньше-то я через Гэндзи в локальную сеть ИскИнов в-входил и перехватывал управление ро-о... роботами. А теперь... Сигнал не проходит.

— Так а если щуп? — предложил Шунды.

— Ну-у... можно попробовать.

Одома, скинув с плеча рюкзак, достал из него бухту тонкого черного кабеля и подсоединил штекер к гнезду на боку терминала. Встав на краю обрыва, он начал опускать второй конец, увенчанный металлическим шаром антенны.

Это длилось долго. Шунды медленно стравливал кабель, поток широкой лентой струился вниз, а все остальное было неподвижно. Магадан ощущал себя букашкой, муравьем, который вместе с четырьмя другими муравьями попал внутрь полой планеты, керамического гиганта, чьи своды находятся где-то в невообразимой туманной дали, наполненного загадочной жизнью, неторопливым, навечно закольцованным механическим движением.

Наконец Раппопорт сказал:

— Есть. Я его до-о... достал.

Кабель к тому времени натянулся, и Шунды отпустил его. Некоторое время ничего не происходило, затем старик пробормотал:

— Летит к нам. Мо-о... можно отключить.

Одома выдернул штекер из гнезда и бросил конец кабеля — змеясь, тот достиг края и исчез из виду.

— Так кого мы ждем? — спросил Магадан. Шунды ткнул пальцем, и колесничий, подкатившись к водопаду, глянул вниз. Из тумана медленно всплывало что-то широкое, с выступающим горбом на ближней стороне.

— Оно... в-вот, примерно... — прошамкал старик, показывая экран монитора.

* * *

— Чего? — удивился Магадан, разглядев картинку. — Это что такое?

Верхняя часть робота, на изогнутом загривке которого покоилась площадка с ограждением, уже поднялась на высоту обрыва. Голова-утолщение, большое лицо с плоскими чертами, змеиное тело в разноцветных металлических чешуйках. Они переливались и помигивали, потрескивающие искры то и дело пробегали по ним — яркое пятно на фоне тусклых красок окружающего. Из круга ороговевшей кожи на лбу торчал кольчатый железный отросток с длинным жалом, на конце тонким, как игла, увенчанным большой мутной каплей.

Тело скрутилось винтом, чешуя зазвенела, брызгая искрами, площадка провернулась и боком прижалась к обрыву рядом с водопадом. Одома, распахнув узкую калитку в ограждении, первым шагнул вперед и тут же принялся деловито распоряжаться:

— Так, проф, ты в центре стань. Вы двое по бокам, вот здесь, а модуль рядом с профом поставьте. Магадан, ты на том конце.

— Думаешь, кто-то напасть может? — спросил колесничий, откатываясь на дальнюю сторону площадки. Колеса его тихо постукивали на ребристой поверхности.

— Не знаю.

От робота пахло смесью пота и нагретого металла, и еще какими-то биомеханическими процессами, протекающими в длинном теле. С края площадки Магадан видел это тело: вроде покрытого пестрой чешуей столба.

Стена низвергающегося с обрыва раствора была совсем рядом, возле неподвижного лица робота. Когда все встали на площадке и Раппопорт дал команду, робозмей шевельнулся, дернул кольчатым отростком и начал складываться, изгибая тулово так, что площадка медленно поплыла вниз.

Вершина обрыва исчезла из виду; теперь по одну сторону был склон, а с трех других — туманное пространство без видимых границ.

— Проф, что внизу? — спросил Магадан.

Раппопорт, ставший теперь благостным, добродушно-вялым, медленно повернул к нему голову, прикрыв левый глаз, некоторое время пялился бельмом лепестка и наконец сказал:

— Злые рвы.

— Чего?

— В-все каменные, цвета чугуна...

— Блядь! — сказал Магадан. — Говори нормально.

— Сейчас будут рвы, н-наверное, с десяток. П-потом... — старик пожал плечами.

Железная поверхность чуть покачивалась, в исполинском туловище что-то поскрипывало, звякало и бурчало. Мигающие чешуйки создавали облако изменчивого света, и площадка опускалась на нем, как на стоге искрящегося разноцветного льда. Двое солдат, стоящие со стороны потока, настороженно водили стволами автоматов. Кроме робозмея и раствора, ничто не двигалось, пространство замерло в вечной тишине оцепеневшего мгновения. Они опускались долго, Магадану казалось — несколько часов, хотя колесничий перестал ощущать время, его течение. Что-то мелькнуло, пробив стену потока, закричал солдат, и тут же взвизгнули пули. Площадка дернулась, робозмей выстрелил отростком, но промахнулся. Мясистые красные тела, короткие крылья, сплюснутые по бокам морды — теперь уже целая стая небольших крылатых рыб, обитающих по ту сторону потока, в узком пространстве между ним и стеной, неслась к площадке. Ни кожи, ни чешуи, лишь обваренное раствором мясо да скрепляющие его кости... Жало сбило нескольких, пули, вырывая из тел красные куски, отбросили еще троих, а потом остатки стаи упали на площадку, и несколько мгновений вокруг палящего во все стороны, орущего Магадана царила суматоха. Перед собой он увидел раскрытый рыбий рот, пустые глаза, быстро взмахивающие крылья, с которых летели горячие розовые капли, выстрелил прямо в морду, упал, пополз на спине, крутя колесами против часовой стрелки; увидел, как Шунды размахивает жердью, сбивая рыб, что кружились над присевшим стариком, увидел дерекламиста, безостановочно палящего из автомата, перевернулся на бок — и тут все закончилось. В воздухе еще висела красная дымка крови и мельчайших частиц рыбьей плоти, но грохот и крики стихли, лишь покряхтывал распластавшийся на площадке Раппопорт.

— Командир, ты как? — Магадан, ухватившись за ограждение, поднялся, увидел невредимого Шунды, модуль и солдата, но лишь одного — другой исчез.

— Утянули... — прохрипел старик, приподнимаясь. — Я в-видел, несколько этих штук схватили его, по-о... подняли и... — он махнул в сторону потока. — Понесли туда. Та-а... норы там, наверное, у них, д-дыры в стене, где они живут.

Одома лег животом на ограждение, свесив голову вниз, сказал:

— Эта штука вроде как складывается. В нишу такую широкую между камней, слоями. Уже почти приехали.

— Рвы? — спросил Раппопорт. — Рвы в-видно?

Все подошли к дальнему от потока краю площадки. Робозмей опускался на узкой возвышенности, кольцом протянувшейся

вдоль отвесной стены. В тумане появились темные круги, разделенные чуть более светлыми полосами. Их пересекали широкие плоские мосты, очерченные красным пунктиром. Множество неясных фигур передвигалось в разных направлениях; вдалеке, почти скрытое туманом, темнело жерло центральной шахты. Наполненное движением пространство качалось, будто красно-коричневую простыню то резко натягивали, то позволяли провиснуть.

Робозмей целиком скрылся в нише, площадка накрыла ее, будто хорошо подогнанная крышка. Шунды, Магадан, Раппопорт и последний солдат, вытащив в калитку модуль, встали возле узкого металлического моста через первый ров. Теперь купол был где-то в невообразимой вышине, вознесся в туманные небеса и пропал там — не было никакого купола, муравьи спускались по стенке конуса, пробившего планету от поверхности до центра. Магадан ощущал почти физическое давление масс материи на свои плечи.

Над рвом летало несколько роботов, вроде пчел, поблескивающих округлыми боками из чередующихся полос матового и блестящего металла. Их силуэты то возникали, то исчезали на фоне дрожащих столбов красного марева, пляшущих в дымном пространстве над другими рвами, где что-то бурлило, выстреливало клубами дыма, клокотало и пенилось. Полупрозрачные крылья пчел двигались стремительно, с тихим жужжанием, сзади свисали длинные хвосты, вроде черных бичей. Один робот, метнувшись в сторону, резко опустил хвост, стеганул им кого-то внизу. Донесся треск.

Вдоль краев моста тянулись низкие столбики с прозрачными колпаками, горящими тусклым красным светом. Ступив на мост, Одома заглянул в ров. По узкому пространству с высокими стенками две шеренги клонов шли мимо друг друга. Если кто-то пытался сделать шаг в сторону, робопчела налетала на него и била хвостом, на конце которого торчал конец оголенного провода — сыпались искры, клон падал, поднимался, дергаясь и шатаясь, шел дальше.

Второй конец стальной плиты лежал на керамической возвышенности, кольцом разделяющей два рва. Чтобы попасть на следующий мост, пришлось повернуть влево. Шунды, решивший, что отныне не должен пропускать ни единой картины, которая может открыться ему здесь, пошел вдоль края, скосив глаза в ров. Стены покрывало жирное черное вещество вроде дегтя, со дна поднималась вонь. Передвигающиеся внизу тела напоминали вепрей из леса клонов, но обрюзгших, малоподвижных, без неудержимой свирепости роботов... и без искусственных частей.

Вернее, в каком-то смысле это целиком были искусственные создания, но, в отличие от робовепрей, они состояли лишь из органики. Одома, забыв, кто он и где находится, шел по самому краю, вдыхая вонь, глядя на ворочавшихся в дегте свиней, тела которых несли в себе одновременно и звериное и человеческое, со знакомыми, хоть и расползшимися рыхлыми лицами; шел, сцепив зубы и покачиваясь, — пока ступня его не поднялась над рвом, и он чуть не шагнул вниз. Магадан успел схватить его за плечо, потянул назад, и сразу откатился, таким напряжением повеяло от командира.

Они пересекли очередной мост. Вновь кольцевой керамический бугор, дальше зигзаг влево — и следующая переправа через ров, из которого поднимались струи жара. На середине мост оказался сломан, и пришлось возвращаться, спускаться вниз, находить пологий участок склона и взбираться на следующий бугор. Шунды теперь был натянут как струна, все его тело вибрировало, голова стремилась улететь прочь от пяток, он ощущал: вот-вот — и сердечная мышца, последнее, что сдерживает напряжение, порвется, — сознание камнем взлетит ввысь, к куполу, пробьет джунгли, оболочку платформы, взмоет в небо и растает там, растечется, исчезнет.

Через неравные промежутки в третьем рве зияли тесные скважины, из которых торчали щиколотки и ступни. Стенки прижимали к бокам руки клонов, и те могли лишь мучительно содрогаться, вдыхая обжигающий газ, что бил из расщелин. Для Шунды мир стал шизофреническим кошмаром, все смешалось и перепуталось, когда в следующем рве он увидел клонов с вывернутыми назад головами, так что лица глядели им за спины, с подрезанными жилами, раскоряченных, с трудом ковыляющих по дну, то и дело падающих и встающих, — сознание его сломалось, и на пятый ров, полный пузырящейся смолы, где в кипени мрачного бархата варились тела, он взирал уже с отрешенным спокойствием. Здесь летало несколько роботов, вроде тех больших пчел, что караулили первый ров, но без хвостов. Иногда, если бурление смолы подносило клона к стене, и он вяло пытался выбраться, роботы опускались, нажимали мягкими брюхами, отталкивали жертву обратно. Все было серо и тускло, но постепенно сквозь мглистую пелену стало проступать свечение, раскрашивая окружающее яркими красками; на боках роботов, на поверхности керамических склонов возникали, взблескивая и угасая, разноцветные искры, — и вдруг Шунды Одома понял, как это все смешно.

— Командир, слушай... — начал Магадан, но Одома замахал на него руками и захохотал, тыча пальцем в одного из роботов: в

клоуна, который, будто играючи, с металлическими ужимками, потешно дергая крыльями, спихнул в смолу забавно дергающееся тело.

— А раньше? — давясь смехом спросил Одома. — Эй, проф! Если бы мы пришли раньше, что увидели?

Он понимал, что колесничий, старик и последний солдат глядят на него с изумлением и опаской, но понимание это было смазанное, мимолетное, возникнув, оно тут же исчезло — все нормально, просто очень уж смешные вещи тут творятся. Мир сиял и посверкивал: Одома попал на цирковую арену, разукрашенную шарами, мигающими гирляндами, блестками и конфетти, выстланную блестящим шелком, и конферансье по кличке Проф, забавный неказистый старикан с черной панелью терминала на груди, шевеля бровями и гримасничая, исполнил какую-то буффонадную пляску и прошамкал — голосом неразборчивым, будто передразнивал сам себя, намеренно преувеличивая присущие ему огрехи речи, наверняка, для того, чтобы еще сильнее рассмешить Одому, — прошамкал:

— Если бы ра-а... раньше — увидели бы то же с-самое.

— Са-самое! — воскликнул Шунды, вытирая слезы. — Но как, проф? Как такое может быть? Они ж должны были давно задохнуться в смоле! Утонуть!

— В-время здесь застывшее, — отвечал старик с торжественной важностью, вызвавшей у Шунды новый приступ смеха. — То-о... то есть это не з-значит, что все застыло, а... к-как бы объяснить...

— Объясни как есть! — пискнул Шунды, давясь хохотом.

— Н-ну, ма-а... мальчик, вы же видите, все двигается... Они двигаются — но в-всегда одинаково. Знание прошлого исчезает ка-а... каждую секунду, только му-у... мучительное настоящее.

— Так это скрипт! — догадался Одома. — Конечно, такой вечный скрипт, да?

Тут два робота сошлись в клоунском поединке, попытались прижать друг друга к смоляной поверхности, кружась, толкаясь боками; один до половины погрузился в нее, но выдвинувшимся из спины коротким манипулятором успел вцепиться в крыло другого — и вскоре смола засосала обоих. Три парящих неподалеку пчелы смешно зажужжали, выдвинув из голов жала, полетели к отряду, и тогда уж Одома не выдержал: повалился на спину, хохоча, задыхаясь, болтая ногами и держась на живот, в карикатурной, исступленной пародии на веселье. Шунды попал внутрь стихии смеха, раблезианский карнавал заплескался вокруг, и Одома пребывал не вовне, он не был отрешенным наблюдателем, самим фактом наблюдения он сделал окружающее

смешным, но и сам изменился, стал смешон, умопомрачительно забавен, так как являлся неотъемлемой частью действа. Хохот — не просто физиологическая реакция, но искрящийся плотный поток ощущений — тек сквозь него, покачивая на своих бурных водах тела роботов, людей и клонов, карнавальных шутов, дураков и уродов, бился в стены туманного пространства, размывал кольцевые бугры между рвами. Смех стал всем, но в основе этого мироощущения, как незыблемый фундамент, порождающее материнское начало, как телесный низ, опора — темным пластом, незаметным для Одомы под слоем мутного бурлящего веселья, лежала глухая неизбывная тоска. И потому в этом смехе не было ничего светлого и созидательного, он не нес в себе счастья, ликования и благости, но лишь болезненную дрожь и сардонизм; он не исцелял, но разрушал, потоком клокочущей, злой мистерии-фабльо размывал сложную систему мира на отдельные элементы, обломки и куски, разрозненные образы, полузнакомые лица и фигуры, почти забытые воспоминания, что качались, ударяясь друг о друга, как мусор и пустые бутылки на поверхности грязной речки сознания.

Магадан подхватил его, взвалил на плечо и понесся прочь, толкая перед собой старика; солдат, волочащий модуль, бежал последним, то и дело оглядываясь и выпуская по роботам короткие очереди. Ноги Одомы болтались впереди, а голова сзади, лоб его то и дело ударялся о спину колесничего. Корчась, он уперся ладонями в поясницу Магадана, выгнулся, задрав голову, чтобы увидеть, как пули сбивают одного робота, затем второго, но третий, настигнув солдата, вонзает жало ему в лицо, и тот падает, крича, катится по бугру и валится в ров.

Шунды пришел в себя, когда уже сидел, привалившись спиной к керамической стене.

— Очухался? — спросил склонившийся над ним Магадан, отпуская конец сетки.

Одома тяжело поднялся на дрожащих ногах. Во рту было сухо, голова тряслась.

— Ты эмошник до предела перевел, — сказал колесничий. — Так мозги спалить можно.

— Я его повернул?! — ахнул Шунды. — Я... Я не хотел! Я должен видеть все чистым...

— Ладно, успокойся. Идем. Тут мост опять сломан, пошли быстрее, вроде что-то сюда топает...

— Я не хотел! — выкрикнул Одома, делая неверный шаг. Психомарево отступало, мир тускнел, и комичность исчезала — Шунды казалось, что во всем окружающем присутствует нечто забавное, но теперь он уже не мог ухватить его суть, смешное

растворялось в тоскливом однообразии мира, серые краски затягивали его.

— Проф, я не хотел! — сказал Шунды ковыляющему впереди Раппопорту, теперь уже не потешному, а просто нелепому и жалкому старику.

Он содрал с головы кепку, обеими руками вцепился в верньер и дернул.

— Ты что?! — заорал Магадан, но Одома отпрыгнул, дернул сильнее и показал ладони — колесничий увидел на них серебристый круг верньера и протянувшийся из его центра трехсантиметровый корешок. У основания толщиной с палец, к концу он становился как волос — еще подрагивающий, облепленный розоватой жижей, мельчайшими, быстро лопающимися пузырьками...

— Командир... — растерянно протянул Магадан.

У Одомы все поплыло перед глазами; рвы красно-черными полосами закружились вокруг, он упал на колени, отталкивая от себя руки колесничего. Придерживаясь за стену, встал, бросил эмошник под ноги и наступил на него. Потом осторожно коснулся затылка — пальцы нащупали круглое отверстие в кости, гладкий край и что-то мягкое под ним. Шунды отдернул руку. Мир тихо и болезненно звенел, в голове возник горячий пузырь. Он рос, давил на полушария, а те давили на виски, череп набух...

Пузырь лопнул. Шунды вновь упал на колени и заорал, когда все вокруг взорвалось красными брызгами, а звон, превратившись в надсадный рев, смолк.

Лицо Магадана склонилось над ним.

— Ну ты как? — голос донесся издалека.

Ухватив колесничего за обод правого колеса, Одома встал и сказал:

— Идем.

Равнодушно глянув на них, Раппопорт вступил на пологий противоположный склон. Слева из-за поворота доносилось натужное пыхтение, оттуда медленно приближался кто-то большой. Оскальзываясь, Шунды стал карабкаться. Магадан, дождавшись, когда командир очутится на самом верху, кинул ему конец сетки. Когда Одома со стариком вытащили модуль, колесничий откатился назад и, разогнавшись, единым духом взлетел следом. На ходу он быстро глянул в сторону, увидел что-то бесформенное, состоящее словно из сплошных животов и пухлых коротких ног, белокожее, покрытое мелкой малиновой сыпью, с расползшимся лицом Аси Одомы, будто нарисованным на поверхности воздушного шарика, — увидел это и тут же отвел взгляд.

Дальше все мосты оказались целы. Теперь бездушная суета одинаковых фигур и механическое движение роботов было со всех сторон, везде что-то перемещалось, живя по своим автономным законам. Отряд будто попал в часовой механизм, который отсчитывал мгновения мира. Внутри часов время раздроблялось на множество тонких несвязанных струек и текло, извиваясь по шестерням, огибая анкеры и пружины, свертываясь странными кольцами в движущейся механической мгле и всей совокупностью своих витых узоров образуя перевернутую восьмерку — потому-то здесь все всегда было одинаково. Они прошли над самоедами, которые слюнявыми деснами с останками зубов отгрызали свои конечности, и над шарами пламени, словно большими огненными молекулами, что медленно катались по дну, толкая друг друга мягкими боками, — внутри каждого шара скорчилась неподвижная фигура, — а в предпоследнем рву увидели единственного клона, тихо сидящего на корточках под стеной и осторожно трогающего копну лилово-синих кишок, свисающую между колен. На дне десятого, самого узкого рва дергались тела, беспрерывно чесались, скребли, вгрызаясь ногтями в плоть, обдирая кожу, скоблили ее, как чешую ножом с рыбы. Спереди лился рокот, мерный поток непонятных слов, произносимых глухим голосом, будто где-то далеко камни падали в горной лавине, — «брахм, арбарах, аберан, гругари, рогха» — говорил тот, кто огромной башней, одной из двух, возвышался из центрального колодца. Постепенно в темном тумане проступила голова, сидящая низко на покатых плечах, словно расплющив шею своим весом. Клон-титан был виден по грудь, и вначале Шунде показалось, что великан стоит на дне колодца, но нет — когда они подошли ближе и заглянули, выяснилось, что массивные ступни опираются на полку, торчащую из стены далеко внизу. Этих полок было две, противоположную занимал титан с грудями-стратостатами. У второго клона было лицо Аси, ближний же, бормочущий непонятные слова, являл собой Ника. Шунды теперь не верил в реальность того, что видел, им целиком завладела мысль, что окружающее — игра, синтетический электронный мир, созданный на движке, прописанном ИскИнами, и на самом деле его тело, как и старика с колесничим, лежит где-то на узких койках в темной комнате, в черепах их пробиты отверстия, из которых торчат провода...

— Че дальше? — спросил Магадан.

Раппопорт растерянно забормотал. Действие стикерса почти закончилось и старика вновь трясло.

— Это не ро-о... роботы. К-как управлять ими? Я не знаю.

Они остановились на краю колодца, уходящего в глухую мглу, посреди которой мерцал тусклый красно-белый кружок. Туловище клона возвышалось над ними: пухлая грудь с коричневыми пятнами расплывшихся сосков, безвольно висящие руки, подбородок в складках обвисшей кожи, нос с двумя пещерами ноздрей.

— Сделай что-нибудь, — произнес Одома пустым голосом.

— Н-не знаю... — протянул Раппопорт. — Я не...

Магадан взял его за шиворот и тряхнул так, что зубы старика клацнули.

— Давай, думай!

— Ка-а... как — думай? О чем? Это не роботы, я не м-могу ими управлять!

Колесничий покосился на Шунды, с вялым видом разглядывавшего великана, подкатил к краю и выкрикнул:

— Эй!

Эха не было — звук камнем упал вниз и пропал. Но зато откликнулся титан — качнул головой и забормотал, шевеля коричневыми губами: «джашш, дрогра, каршанг, вабладр...». На другой стороне колодца Ася Одома стояла неподвижно. Магадан оглянулся на разрезанное кольцами рвов пространство, посмотрел вверх, перевел взгляд на модуль...

Клон поднял руку и положил ее на край колодца.

— Чего это он? — опасливо спросил колесничий, отъезжая от ладони размером с легковой токамобиль.

Раппопорт молчал, разглядывая шершавую кожу в мелких оспинах, оттопыренный большой палец — если бы старик обнял его у основания, то не смог бы сцепить руки.

— Мо-о... может, он так реагирует на в-всех, кто по-о... подходит к колодцу. А может, им управляют...

— Кто?

— ИскИны.

— Они хотят, чтобы мы спустились?

Старик пожал плечами.

— Хо-о... хотят, не хотят... Они позволяют нам про-о... пройти, вот и все.

— Командир... — начал колесничий, поворачиваясь к Одоме, и увидел, как тот шагает на ладонь. — Погоди! Ты уверен...

— Давай, залазь, — сказал Шунды.

Вздохнув, Магадан подтолкнул старика, перекатился с твердой поверхности на прогибающуюся мягкую плоть и потянул за собой модуль.

Как только все трое оказались на ладони, клон отвел руку от склона и начал медленно наклоняться, опуская запястье вдоль

ровной отвесной стены. Края колодца унеслись ввысь. Шедшее из рвов тепло сменилось холодом, смрадный воздух очистился.

Вид огромного брата, на ладони которого он стоял, погрузил Шунды в омут апатичного ужаса. Мерцающий кружок приблизился и обратился ледяным озером; только сейчас стало видно, что на другой стороне падает несколько узких потоков раствора, похожих на красные шнурки, свисающие вдоль стены. С каждым метром все, что находилось выше, давило на плечи сильнее и сильнее, гнет тысяч тонн материи ощущался почти физически.

Тыльная сторона ладони, качнувшись, прижалась ко льду, образованному замороженным раствором, и мороз окутал ступивших на него. Тускло-красная толща, казалось, длится вниз бесконечно. Шунды разглядел вмерзшие в лед фигуры, бесчисленные нагие тела, висящие на разной глубине, как куски мяса в замороженном кровяном холодце. Озеро было идеально круглым, в центре его находилась сфера двухметрового диаметра. Перед ней кто-то стоял, в стороне лежали неподвижные тела.

— Магадан, ты охраняй, — сказал Шунды. — Гляди внимательно, чтоб никто не помешал, пока я... Пока я дело делать буду.

Когда они сошли с ладони и колесничий стянул модуль, рука вознеслась ввысь — титан выпрямился. Они медленно направились к центру. Каждый шаг давался с трудом, дно колодца беззвучно потрескивало в застывшем напряжении вечного настоящего, сквозь которое тело приходилось продавливать, преодолевая сопротивление лишенного духа вещества. Волоча модуль, Магадан медленно катился позади всех, глядя на застывшие в ледяной толще нагие фигуры. Отвесные стены замыкали пространство мертвого холода, чудовищное в своей ограниченности, предельной замкнутости ледяного круга, где гнет всех грузов лился отовсюду.

— Преисподняя мгла, — бормотал старик. — Сюда сочатся все соки, сукровица... Го-о... господи, я п-почти ожидал увидеть... Увидеть к-красное, черное и желтое...

— Что это там впереди? — спросил Магадан.

— Дно души... Это средад.

Бремя всей мировой материи сошлось в месте, к которому они приближались. Две фигуры стояли спинами к сфере, среди лежащих тел только одно шевелилось, но так слабо, что Магадан решил: вреда тот, который выжил, не причинит.

Шунды Одома сунул руку в рюкзак и достал пистолет. Он шел, глядя на пару клонов, медленно, с трудом переставляя ноги сквозь мучительное вещество мирового дна. Он не был мертв, но

жив он не был тоже, он коченел, видя перед собой лишь тех, кто, держась за руки, стояли перед средадом. Время каплями сеялось к поверхности сферы, ее лишенная цвета мягкая субстанция захватывала секунды, посверкивая ледяными искрами оцепеневших мгновений. Средад оставался неподвижен, но казалось, что он беспрерывно пульсирует, стремясь вырваться из того пространства, которое занимает сейчас, и лишь тиски холода мешают ему. Сверху Дан тоже видел сферу и фигуры рядом. Среди мертвецов, до половины вмерзших в лед, лежала Ната — клоны успели раздеть ее. Еще живая, она шевелилась, пытаясь отползти.

Магадан разглядел квадратную платформу, медленно опускавшуюся из тьмы вверху, и тут Раппопорт упал на колени. Скинув с шеи ремень, он несколько раз ударил терминалом о лед; когда корпус сломался, вытащил нечто округлое и принялся колотить им, как камнем, сипя:

— Я его убью... Теперь хватит, он уже...

— Заткнись, — произнес Одома, не замедляя шаг. — Магадан, распутай модуль.

— Сам з-заткнись! — выкрикнул Раппопорт. — Не по-о... подходи ближе! Если он тебя... Это дьявол, они его с-создали, и он...

— Заткнись!

— Дьявол! Он и его грешники, к-которых к нему отправляли, победили своих б-богов... А ты, мальчишка, ты...

Досадливо поморщившись, Шунды обернулся, выстрелил в грудь Раппопорта и вновь пошел вперед. Одновременно выстрелил и колесничий — но вверх. Услыхав визг пули над ухом, Дан распластался на платформе. Протянул руку, дернув рычаг, отключил лебедки. Платформа зависла в нескольких метрах над сферой.

Магадан проехал мимо лежащего на боку старика. Тот глядел перед собой, часто моргая, пытался дотянуться до круглой серебристой шайбы с прозрачной стенкой, сквозь которую виднелось что-то пористое, коричнево-зеленое, будто внутренность трухлявого пня. Там посверкивали искры. Вернувшись, колесничий перехватил пистолет за ствол, наклонился и несколько раз ударил рукоятью по винчестеру. Тот разбился, на лед высыпался сухой порошок. Искры погасли. Стараясь не поворачиваться спиной к средаду и платформе над ним, Магадан распутал модуль. На платформе точно кто-то был, но он спрятался, лишь иногда быстро выглядывал из-за края. Шунды остановился в нескольких метрах от клонов. Магадан поднял пистолеты. Лежащий неподвижно Дан сжимал оружие

обеими руками, не зная, что делать дальше — стрелять или сначала попробовать опуститься ниже.

Ася и Ник, держась за руки, глядели на Одому. Они одновременно открыли рты и произнесли, так что женский и мужской голос слились воедино:

— Ты сдвинешь нас?

— Сдвинешь? — переспросил Шунды, едва шевеля губами.

Два голоса сказали:

— Сдвинь нас. Сотри.

Выставив перед собой оружие, Данислав медленно пополз к краю. Магадан остановился позади Одомы, не спуская глаз с платформы. Потом немного откатился, чтобы лучше видеть.

Шунды сел на корточки, положил рюкзак, глядя на клонов, стал расстегивать клапаны.

— Вы говорите. Ни один клон не говорил. Значит, вы — ИскИны?

— Да, — сказали они. — Теперь мы решили делать только нулевое колебание. Сотри нас, мы не будем двигать себя и мешать.

Одома, скривив губы, откинул клапан, потом второй.

— Вы инсталлировали себя в клонов?

— Это не Маленькие, — возразили они.

Рюкзак превратился в квадратный кусок материи, расстеленный на льду. Посреди него стояла серебристая коробочка с кнопками.

— Что?

— Не Маленькие. Не клоны.

— Не клоны? — спросил Одома.

— Ты сотрешь нас?

— Не клоны?!

— Силы бомбы не хватит, чтобы стереть Его. Хотя можно передвинуться внутрь и попробовать...

— Кто вы такие?! — Одома поднялся пистолет и прицелился в лоб Аси.

— Оригиналы, — сказали голоса. — Первые Маленькие.

Шунды сел, вытянув ноги, так что бомба оказалась между ними, и бросил пистолет. На платформе Дан подполз почти к самому краю, приготовился выстрелить — и тут увидел, как титан, едва различимый далеко впереди и вверху, начал клониться, заваливаться от стены.

Внимание Магадана было приковано к платформе. Позади него исполинские ступни соскользнули с полки и ударились о лед. Клон рушился лицом вниз. Дану показалось, что титан падает прямо на него, он отпрянул, приподнявшись, и тут же

снизу быстро прозвучало три выстрела. Две пули попали в лебедку справа, она затрещала, посыпались искры. Платформа дернулась, немного опустилась, накренившись, замерла.

Человек на платформе опять исчез из виду, но колесничий был уверен, что не промахнулся. Шунды, сидя на льду, разговаривал с парой клонов. Остальные, лежащие в стороне, были неподвижны, кроме одного тела, которое медленно ползло, — заинтересовавшись, Магадан покатил туда, но остановился, почувствовав движение сзади. Колесничий оглянулся: исполинская голова опускалась прямо на него.

— Магадан! — позвал Шунды, не оборачиваясь. — Не могу их убить! Это они, понимаешь? Их тела. Натуральные! Пристрели их сам, а потом я поеду внутрь...

В ответ прозвучал вопль. Шунды обернулся, чтобы увидеть, как валится великанское тело и голова опускается на Магадана; увидеть зев рта, и фигуру того, кто сидел на затылке клона. Великан упал, колесничий исчез в разинутой пасти. Лед озера не дрогнул, ничто не шелохнулось.

Соскользнувший по склону мягкой кожи Жиль Фнад побежал к Шунде, тот вскочил, попятившись, поднял пистолет, закрывая собой Асю и Ника, дважды выстрелил — звуки донеслись до платформы подобно отдаленному грому. Когда она накренилась, Дан съехал к краю, голова свесилась вниз. Он вцепился в рычаг и замер. Пуля пробила грудь с левой стороны и вышла под лопаткой. Дно содрогнулось, лед вздыбился, пронзив глаза, разъял зрачки, наполнил их — видом, а мозг — пониманием истинной природы реальности: теперь на красно-белой поверхности, как на торце ледяного цилиндра, вложенного в каменную трубу, стояли не люди. Данислав увидел младенца там, где был Шунды Одома, и демона без кожи с трепещущими когтистыми крыльями — там, где под гигантской головой исчез колесничий, — на месте Жиля Фнада не было ничего, лишь пустое место, а там, где лежала Ната, он увидел... Сейчас Дану было достаточно либо разжать пальцы правой руки, стискивающей рычаг, — в левой он все еще держал оружие, — либо вытянуть свое тело назад. Ната задрожала, перевернулась на спину и наконец заметила его. В этот миг Дан умер. Его жизнь разделилась — он подтянулся, бросив оружие, дернул рычаг и заставил платформу подняться к куполу. В броне от ‘Фурнитуры’ имелся карман с роботом-медпакетом, который обработал рану. Пройдя сквозь шлюз, Дан кое-как слез с купола, долго шел через руины завода и в конце концов потерял сознание. Спустя почти сутки его подобрала объединенная мегасетка из двадцати трех сенсолдат, которую в Псевдозону отправили Континентпол, ТАГ и

‘Фурнитура’. После семи дней реанимации и месяца в госпитале Дан выздоровел окончательно. Раппопорт был недоволен им и перевел на офисную работу, так что всю недолгую оставшуюся жизнь Данислав просидел за столом в кабинете на океанской платформе посреди залива Дрейка. Впрочем, это, возможно, была уже не настоящая жизнь — потому что в ту секунду, когда рука напряглась, чтобы подтянуть тело обратно, он умер. Но потом разжал пальцы, упал с платформы — и остался жив.

Выстрелы опрокинули Жиля Фнада на лед. Болеподавитель в позвоночнике погасил волну боли, притупил до легкого покалывания. Жиль встал и пошел дальше, сощурив глаза и не дыша. Даже искусственная неопреновая, с примесью кевлара, кожа Фнада не выдержала прямого падания. Но подкожная броня защитила его. Она вспухла, из дыр расходящимися струями брызнул аэрозоль-наркотик. Шунды окутался облаком мельчайших капель, закашлялся, не в силах вдохнуть, выстрелил еще раз и промахнулся. Ноги его начали подгибаться, из глаз полились слезы, в голове вдруг стало очень горячо. Фнад, улыбаясь, поднял руку над головой, согнул запястье, выдвинув плазменный нож, который стал похож на клюв длинношеей птицы, и ударил сверху вниз. Лезвие вонзилось в отверстие, оставшееся от эго-форминга. Одома повалился на колени, очки слетели с лица, обнажив глаза, обычные детские глаза, — лицо сразу стало совсем мальчишеским, — упал на бок и остался лежать неподвижно. Облако быстро рассеялось. ИскИны молча смотрели на Фнада. Он перешагнул через тело Одомы и сильно толкнул сначала Асю, потом Ника — они опрокинулись назад, искрящаяся поверхность разошлась под ними, впустив внутрь, и сразу затянулась. Жиль довольно огляделся. Сфера, уродство конечной материальности, лежала перед ним. Это было то, чего хотел Фнад, к чему он стремился всю жизнь. Невысоко над озером висела платформа, видны были тонкие вертикальные канаты, края лебедок — можно подняться, привести сюда что-нибудь... напалм или просто дрова, очень много дров... Неважно, какой-нибудь способ найдется. Поджечь и затем поддерживать огонь долго — так долго, чтобы лед начал таять. Тиски холода исчезнут, и средад станет расти — после этого его уже не остановить. Он выполнит желание Фнада: смерть для всех, даром, и никто не уйдет от нее. Ну а Фнад улетит на луну, построит себе купол на обратной стороне и станет наблюдать, как средад затягивает планету. Он поднял голову, глядя на того, кто свисал с накренившейся платформы — человек шевелился, как и еще одно тело, лежащее на льду почти точно под ним. Это последние двое, их тоже надо убить...

Дан выстрелил и потом разжал пальцы. Упав рядом с Натой, он лежал несколько долгих секунд. От удара сломались ребра, в груди будто что-то порвалось, из носа и рта потекла кровь. Данислав ухватился за плечо Наты и подполз ближе. Она еще дышала, грудь едва заметно вздымалась. Он приподнялся на локтях, перекинул через нее руку и лег сверху. Ната увидела его, поняла, что он здесь — в глазах возникло его отражение, она улыбнулась, а потом веки опустились. Дан обнял ее, прижал губы к ее губам и ощутил, как она вздохнула. Их кровь смешалась, их дыхание соединилось, и с последним вздохом она стала ближе к нему, через воздух в его груди, ближе, чем кровь в его сердце.

Нет никакого высшего существа, которое положило бы за правило, что злодеи должны погибать страшной смертью, а добряки — заснув в своей постели. Справедливости нет; законы — определения регулярностей — безличны и не подчиняются божественным командам. Зато есть случайность, незакономерное совпадение событий. Впрочем, почему незакономерное? Случайность — это лишь неосознанная закономерность. Она тоже может быть законом: такой регулярностью, элементы которой во времени повторяются слишком редко, чтобы человек мог выявить эту повторяемость, вычислить причинную обусловленность, связать воедино и сформулировать закон. Может быть, когда мучитель, погубивший тысячи людей, умирает счастливым, во сне, — это лишь случайность, исключение из закона гомеостаза. Пуля из пистолета Данислава Сербы могла попасть куда угодно, но что-то направило ее в глаз Жиля Фнада, не защищенный подкожной броней. Фнад упал лицом вниз, темя его пробило искрящуюся стену средада, голова, плечи и грудь проникли внутрь — он умер через мгновение, но в лабиринте подсознания, в остановившемся времени демо-сферы это мгновение длилось бесконечно, искусственные неморгающие глаза Жиля видели кошмарную пустыню чуждого интеллекта, вечность безмерной боли и безграничного ужаса. При ударе сфера сместилась, открыв черную дыру, раньше расположенную под нею: начало длинного колодца, в глубине которого горел кружок света, второе кольцо. Теперь в ледяной тишине ничто не шевелилось. Машина, забытое ружье, которое так и не выстрелило, стояла неподвижно. Только средад постепенно рос — медленно, пока оставался в границах озера, а затем все быстрее и быстрее. Спустя год эпоха людей закончилась, демо-версия человечества прекратила свое существование, лишь несколько сотен инфоманов, чьи обезумевшие, распухшие от переизбытка впитанной информации сознания все еще оставались в Большой Гипертекстовой

Библиотеке, прозрачными тенями бродили над развалинами Парка.

В лунном хранилище ДНК, не получив с планеты очередного контрольного сигнала, автоматика начала выращивать тела. Уже давно здесь жили новые киборги-игрушки, которые должны были воспитывать тех, кто родится, если человечество исчезнет. В хранилище находилась стена-мембрана, где висело несколько сотен куколок — матриц усовершенствованной модели жизнеобеспечивающих кластеров. По достижении пятилетнего возраста каждый ребенок был обучен жить в одном из них. Киборги научили детей всему, что знали, снабдили мозговыми интерфейсами и био-электронными имплантами, напрямую связавшими их с кластерами, и новая раса существ, каждое из которых обитало в своей личной вселенной, распространилась по космосу, чтобы в конце концов, размножившись, соединившись в Большую Сеть и встретившись там с потомками древних земных инфоманов, стать клетками гигантского интеллекта, распределенного по трем галактикам. Потом было еще много чего, но все это происходило уже в другое время — время после всеобщей гекатомбы и конца человеческой истории. А сейчас на льду озера остались лежать неподвижные тела, но две сущности, соединившиеся в одну, переместились к отверстию, скрытому раньше средадом: пройдя сквозь точку, они пали в черный колодец, мгновенно преодолели бесконечную глубину — и высокий свет объял их. Все происходящее в преисподней легко представимо, ибо является делом человеческих рук, но сущность иной бесконечности не поддается описанию. Свет имел вид трех кругов, расположенных не наособицу, но и не вложенных один в другой; трех равновеликих кругов, занимающих одно и то же место в пространстве, отчего им, казалось бы, дОлжно слиться воедино, но они не сливались, а сверкали друг сквозь друга сиянием слепящим, но не ослепляющим, где воссоединено было все: небеса и тверди, порядок и случай, блистающий пик мгновения и пропасть времен, всё, объединенное в три равноемких круга, в знание, волю и страсть, в пустоту, энергию и материю; триединый свет этот, unus mundus — основополагающее единство и неразрывная целостность — таков, что изобразить его было бы свершеньем всех усилий, высшей красотой, гранью, за которой уже ничего нет, потому что больше ничего и не нужно. Но никакие слова не способны на это, ведь здесь мы подошли к пределу возможности слов.

2004-2005